

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2024 Том 21 № 1

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бахтикирева Улданий Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетные редакторы

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Канагараджа Суреш, доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аmineva Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Валуцеева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, Соединенные Штаты Америки

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламажса Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словацкая Республика

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Худуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентует стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

---

Редактор *И.Л. Панкратова*
Компьютерная верстка *Н.В. Маркеловой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 23.03.2024. Выход в свет 31.03.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».

Усл. печ. л. 15,56. Тираж 500 экз. Заказ № 11. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 21 No. 1 (2024)

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1
<http://journals.rudn.ru/polylinguality>
Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Bakhtikireeva Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Valikova Olga Aleksandrovna, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editors

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA
Suresh Canagarajah, PhD, Professor, Pennsylvania State University, Philadelphia, USA

EDITORIAL BOARD

- Prof. Venera R. Amineva*, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan
Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States
Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation
Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States
Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation
Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation
Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus
Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States
Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia
Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland
Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstani Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation
Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz
Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: <https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.L. Pankratova*

Computer design *N.V. Markelova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

MEMENTO

- Krashevskaja N.V., Sai K.S.** In memory of the Unique Scientist Gennady P. Melnikov / **Крашевская Н.В., Сай К.С.** Памяти уникального ученого — системолога Геннадия Прокопьевича Мельникова..... 7

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

- Лавицкий А.А.** Экспликация угрозы в билингвальной картине мира белорусов: экспериментальное исследование 15
- Кобылко Я.** Внутриязыковая диглоссия как особенный вид народного билингвизма на примере лехитских языков..... 28
- Файзрахманова Ю.С.** Общий анализ этноязыковой ситуации в Камчатском крае в контексте языкового законодательства и статистических данных 42

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Ляхнович Т.Л., Ващекина Т.В.** Морфемно-грамматический словарь русских глаголов как средство формирования интуитивного знания языка..... 58
- Крашевская Н.В.** От лингводидактики к лингвистике. Возвратные глаголы: лингвистические выводы и лингводидактические рекомендации 72
- Медведева Н.В.** Природа ошибки в русской речи будущего билингвального учителя русского языка: психолингвистический и лингвометодический подходы к интерпретации экспериментальных данных..... 83
- Аникина М.Н.** Язык специальности: деловое общение в билингвальной аудитории. От общего к частному 99
- Владимирова Т.Е.** Культурно-образовательная среда в развитии билингвальной и полилингвальной языковой личности 110

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

- Смирнова А.И.** Художественная вселенная Чингиза Айтматова: от билингвизма к транскультуре 122
- Битокова М.В., Канкулова А.С.** Скрытый билингвизм в прозе Фазиля Искандера 134
- Шафранская Э.Ф.** Древин и Слуцкий: контекст одного стихотворения..... 144
- Траоре Я.** Роман Ахмаду Курума *Allah n'est pas obligé* как пример полиязычного текста 154

ПЕРСОНАЛИИ

- Агманова А.Е., Журавлева Е.А.** Современная казахстанская лингвистика: к 60-летию профессора Ш.К. Жаркынбековой..... 164

EVENTS

- Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A.** “We are in the Same Boat”: Results and Prospects of the International Aitmatov Forum / **Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.** «Мы в одной лодке»: итоги и перспективы работы Международного Айтматовского форума 175

CONTENTS

MEMENTO

Krashevskaja N.V., Sai K.S. In memory of the Unique Scientist Gennady P. Melnikov 7

LANGUAGE CONTACTS: THEORY AND PRACTICE

Lavitski A.A. Explication of Threat in the Bilingual Worldview of Belarusians: An Experimental Study 15

Kobylko J. Intra-Linguistic Diglossia as a Special Kind of Folk Bilingualism on the Example of the Lechitic languages 28

Fayzrakhmanova Yu. S. General Analysis of the Ethnolinguistic Situation in Kamchatka Krai in the Context of Language Legislation and Statistical Data 42

BILINGUAL EDUCATION

Liakhnovitch T.L., Vashchekina T.V. Morpheme-Grammar Dictionary of Russian verbs as a means of forming intuitive knowledge of the language 58

Krashevskaja N.V. From Language Teaching Science to General and Applied Linguistic Science. Reflexive Verbs: Linguistic Educat & Language Teaching Recommended Guideline 72

Medvedeva N.V. The Nature of Errors in Russian Speech of a Future Bilingual Teacher of the Russian Language: Psycholinguistic, Linguo-Methodological Approaches to the Interpretation of Experimental Data 83

Anikina M.N. Russian Language for Specific Purposes: Business Communication for Bilingual Learners. From General Concepts to Practical Applications 99

Vladimirova T.E. Cultural and Educational Environment in Development Bilingual and Multilingual Linguistic Personality 110

THE ARTISTIC DIMENSION

Smirnova A.I. The Artistic Universe of Chingiz Aytmatov: From Bilinguality to Transculture 122

Bitokova M.V., Kankulova A.S. Implicit Bilingualism in the Prose of Fazil Iskander 134

Shafranskaya E.F. Drevin and Slutsky: The Context of One Poem 144

Traore Y. Ahmadu Kuruma's Novel *Allah n'est pas obligé* — as an Example of a Polylingual Text 154

PERSONALITIES

Agmanova A.Ye., Zhuravleva Ye.A. Modern Kazakhstani Linguistics: On the 60th Anniversary of the Professor's birth Sh.K. Zharkynbekova 164

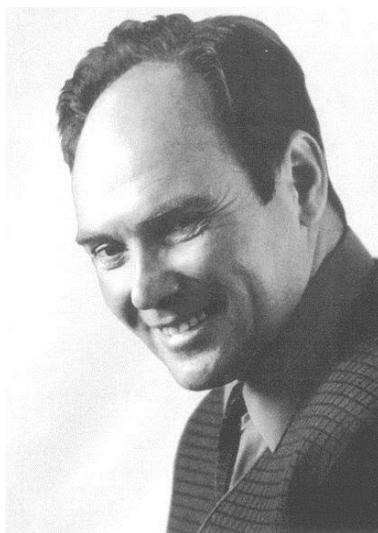
EVENTS

Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A. "We are in the Same Boat": Results and Prospects of the International Aitmatov Forum 175

MEMENTO

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-7-14

EDN: YYEZJK

In memory of the Unique Scientist Gennady P. Melnikov

Nataliia V. Krashevskaja¹✉, Kalpana Sundaram Sai²

¹ Moscow State University of Geodesy and Cartography,
4 Gorokhovskiy Lane, Moscow, 105064, Russian Federation

✉ breshka2@gmail.com

² Osmania University,
Amberpet, Hyderabad, Telangana, India

Abstract. This survey is to summarize some aspect of the IX International Scientific and Practical Conference “Bi-, poly-, translangualism and language education” (30.11. — 02.12.2023, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow) that deals the name of

---

Source of photo: Melnikov, G.P. “System typology of languages.” Moscow: Nauka, 2003 [Мельников Г.П. Системная типология языков. М.: Наука, 2003]; 25 Nov. 2023, https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fphilologos.narod.ru%2Fmelnikov%2Fmeln.jpg&lr=213&pos=1&rpt=simage&source=serp&text=фото%20мельников%20геннадий%20прокопьевич

© Krashevskaja N.V., Sai Kalpana Sundaram, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Gennady P. Melnikov — an outstanding scientist, philosopher, systemologist, and linguist. The review indicates the specifics of the conference, presents some essence of systemology, and describes the content of some reports.

Key words: conference, Gennady P. Melnikov, systemology, survey

Article history: received 08.12.2023; accepted 05.01.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution: undivided co-authorship.

For citation: Krashevskaja, N.V., and Kalpana Sundaram Sai. 2024. “In memory of the unique scientist Gennady P. Melnikov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 7–14. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-7-14>

Памяти уникального ученого — системолога Геннадия Прокопьевича Мельникова

Н.В. Крашевская¹✉, Калпана Сундарам Сай²

¹ Московский государственный университет геодезии и картографии,
Российская Федерация, 105064, Москва, Гороховский переулок, 4

✉ breshka2@gmail.com

² Османский университет,

Амберпет, Хайдарабад, Теланга, Индия

Аннотация. Обзор представляет собой обобщение материалов одного из направлений работы IX Международной научно-практической конференции под названием «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование» конференции, которая проходила в РУДН им. Патриса Лумумбы 30.11. — 02.12.2023 г. Данное направление связано с именем Г.П. Мельникова — выдающегося ученого, философа, системолога, лингвиста. В обзоре указывается на специфику работы конференции, представлены некоторые положения системологии, а также кратко описано содержание докладов учеников и последователей учения Г.П. Мельникова и почитателей его имени.

Ключевые слова: конференция, Г. П. Мельников, системология, обзор

История статьи: поступила в редакцию 08.12.2023; принята к печати 05.01.2024.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Krashevskaja N.V., Sai Kalpana Sundaram*. In memory of the unique scientist Gennady P. Melnikov // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 7–14. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-7-14>

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba has organised and conducted IX International scientific conference «Bio-, Poly-, Translingualism and Language Education» (30 November — 02 December, 2023).

The forum commemorates two anniversary events — 95th birth anniversary of Gennady P. Melnikov, our outstanding scientist and teacher and Chingiz Torekylovich Aitmatov, the remarkable Soviet Kirghizian Russian writer and social activist.

These two names are linked not only because the year 2023 marks their anniversary. Both Gennady Melnikov and Chingiz Aitmatov are such great personalities, who in ancient times would have been called Teachers with a capital T. They are exemplary luminaries of mankind whose perspicacity extended beyond the usual horizons of knowledge and whose astute intellectual aspirations helped discover basic and salient features of the universe. They involuntarily and wishfully influenced their pupils' perception of the universe and instilled in them a philosophic attitude to life and human value systems. Hence the presentations and the discourses by the participants of the Conference and the Forum turned out to be unusually informal and special.

Let us focus in detail on the “Round Table” discussions on the intellectual heritage of Gennady P. Melnikov in terms of his profound foundational ideas, concepts, theories, Knowledge base, which impacted human thought. Chingiz Torekylovitch Aitmatov as a “master of thought” was widely known and the great worth and significance of his works bear testimony to his brilliant genius. Whereas Gennady P. Melnikov was not that well known among his contemporaries (though his countless followers span every nook and corner of USSR). This can be the case with other amazing scientists too, who were much ahead of their times. However, if we look to his ideas and concepts carefully, it becomes clear that Gennady P. Melnikov decades ago created a vast and intensive content for a scientific trajectory path, which he called “Systemology”. He pointed out the essence of multiple processes and orderly patterns in the existence of various objects and phenomena of very different nature, the pursuit of which has engaged the minds of many contemporary scientists. Based on their research on such phenomena scientists have proposed new and varied trends and directions for the progress of science. However, Gennady P. Melnikov’s Systemology offers a different approach: To look for and follow a common path and pattern, which are inherently generic to systems and their elements. And each of these elements is in itself also a system, but as a constituent ‘subsystem’ on a subordinate level to another ‘supra system’. According to Systemology a system at any level should be studied by researchers in all possible aspects: physical (material) and structural; synchronous and multi-temporal; static and dynamic; discrete and continuous; cognitive and virtual. This allows for extrapolation and intrapolation of ideas about the properties of an object and identify the areas as yet unexplored and to bring the inconsistent facts and various interpretations of the manifestations of the object into coherence. Ultimately all this supports the concept of Nature as a united entity, the oneness of nature.

It was this aspect that was highlighted in the presentations of the “Round Table” participants. For the first time in more than 20 years since Gennady P. Melnikov left our world we managed to bring together about twenty of his students and followers, who knew him directly and experienced his teachings. The forum was well attended not only by his pupils, but also adherents of his teachings from different cities of Russia (Moscow, St. Petersburg, Yakutsk) and guests from Belarus, Poland and India. The exchange of dialogues and conversations among the “Round Table” participants were unlike traditional speeches rendered at conferences. The stories of their experiences were shared, discussions were held without any time constraints — the only underlying order was inexhaustible interest with which every speaker was greeted by those present and consequently, the participants dispersed only late in the evening.

Gennady P. Melnikov was a scientist-encyclopaedist. He began his scientific journey and reached its peak with his erudite and profound researches in the field of Physics. He was a Ph.D in Physic-o-mathematical sciences (technical sciences). But over a period of time he developed a deep interest in human-machine communication. And it became clear to him that without understanding the phenomena of natural language it is impossible to teach a machine to communicate. It was in the 60-s of 20th century this fascination got him deeply involved with the science of languages. As he admits, he realised that no other science can evoke such interest in the mind to solve enigmatic puzzles posed by communication related activities as language sciences. At that time, he had already been invited to RUDN University as an expert in the field of Linguistics and as a teacher at Dept. of Linguistics. He also defended his Doctoral thesis and became a Doctor of Philological sciences.

None of his students can boast of working on the facts of such diverse gamut of reality. That explains the presence of more philologists in the Forum. However, there were among us experts from other fields, who could apply the principles of our Teacher Gennady P. Melnikov to other knowledge areas. More on this later.

What was the content of the discussions on the Forum? Let us try to give an insight into the captivating presentations.

At the very outset the floor for greeting the participants was given to Gennady P. Melnikov’s very first Ph.D scholar Kalpana Sundaram Sai, Professor, Dept. of Russian, Osmania University (Hyderabad, India). She in her flawless Russian talked about the valuable contributions of Gennady P. Melnikov to the development of science and towards inculcating scientific mindset in his mentees and associates.

Then G.V. Vekshin, Professor, Dept. of Russian and History of Literature, Moscow Polytechnic University, talked about the concept of ‘Determinants’ introduced by Gennady P. Melnikov and how it can be applied to the research on language of Art and towards creating ‘linguistic poesy’.

The concept of ‘Determinants’ is a core component of Melnikov’s ‘Systemology’. Any system is organically adaptive. And its adaptation does not occur spontaneously. It is influenced by the main requirements (requisitions) of the ‘supra-system’ of a higher level to which the particular system is a constituent (supra-system with respect to the subsystem). Only then the unity and harmony of mutual consensus of all the countless levels of the processes of nature and society become possible. The endless process of functionally conditioned adaptation allows the elements to carry out their functions inside the system economically and with maximum efficiency. A scientist’s task is to identify these requirements and requests and trace exactly which properties of the elements of the system are consistent with the requisitions in order to explain why of several possible options for implementing a particular function of each of these elements exactly this and no other option has been fixed in a given system.

This viewpoint was reflected well in the discourses by G.V. Vekshin and other researchers. A.F. Dremov (Moscow State University of International Relations, Moscow) explained the functional cause for the existence and origin of the Russian Case system and why the grammatical cases are essential (by the way this is one of the frequent questions asked by foreigners learning Russian language). M.E. Dubrovina (St. Petersburg State University, St. Petersburg) substantiated the inexplicable need to economise the use of affixes while constructing a sentence in Turkish language and explained how they are necessitated by the communication conditions typical to the Turkish language speaking people and to the associated function of the Context. E.E. Kirov (Moscow State Pedagogic University, Moscow) could combine the seemingly incompatible concepts put forth by several well-known Linguists into a unified theory for text comprehension, while pointing out ‘figurativeness’ as the most important ‘Determinant’ of Russian language. The very aim to reach perlocutionary effect with the core sense of the textual statements as the optimal result of a successful communication can cause a cathartic state in the interlocutor overcoming a certain state of tension. And the scientist considers that the works of Chingiz Aitmatov serve as a typical example.

Melnikov’s Systemology makes it possible to find approaches to solve specific problems and to search for answers to various puzzles and riddles surrounding specific phenomena in languages. N.N. Efremov (Yakutsk Science Centre of Siberian branch of Russian Academy of Sciences) elaborated upon what constitutes a complex sentence in Yakutsk language. This is far from a trivial issue as the structure of complex sentences in the Turkish group of Altaic languages is very different compared to the languages of Port Royal. A.A. Kretov (Voronezh State University) explained the internal configuration of the complex formants of Russian word structure using the specific suffix ‘-nits(a)’ as example. He not only could describe the phenomenon itself, but also explain the significant and fundamental concept of measure in linguistics.

Most importantly Melnikov's ideas have found resonance in young researchers' mind. Jaroslaw Kobylko (Peoples' Friendship University of Russia / RUDN University) talked on Agglutinative and Inflexional (inflected) morphological types of languages with different systemic features. The live dynamics of adaptation of a particular language system depending on the dynamics of the requisitions posed by the supra-system was demonstrated. He cited examples from specific languages to illustrate how typology is closely related to various stages of development of language systems.

The practical applications of the principles of Gennady P. Melnikov's Systemology cannot be considered as simple or elementary research subjects. On the contrary they prove to be much more complex. Theoretical discourses and conclusions are only the first steps in practically implementing his teachings. The next step after the main set of his ideas have been understood and mastered to a certain extent — would be to proceed to their verification so that their relevant benefits and the possibility of applying them for pragmatic purposes become evident. Three presentations at the forum were devoted to this practical aspect of Melnikov's teachings.

Another interesting topic was raised by T.L. Liakhnovitch (Belarusian Agricultural Academy). It was on the most difficult and royal constituent of Russian sentence — the Russian Verb. The category 'Aspect' of Russian Verb has always evoked many arguments and different opinions. There exists a unique scientific branch called 'Aspectology'. The foreign students learning Russian language find the Russian Verb Aspect incomprehensible. T.L. Liakhnovitch has based the research on Gennady P. Melnikov's ideas and construed that the quantitative category of the stages of the action implied by the verb is an addition to the binary category of the Russian Verb Aspect. The suffixes -nu-, -o/-, -e-, -i-, -iiva-, denoting the category of stages through which an action (implied by the verb) passes, were a convenient criterion for dividing the Russian verbs into morphological classes. Furthermore, these morphological classes aid in presenting the verbs in an orderly manner with the help of morpheme matrix in the lexicographic description. The matrix notation makes it possible to present all the suffixes and prefixes of the verb forms in a systematised manner and also to clearly exhibit the grammatical and morphological information, etymological and word-formative relationships within the Verb System. Thus the matrix notation helps to develop language flair and facilitates the acquisition of morphemic and semantic Intuitions.

N.V. Krashevskaja's (Moscow Institute of engineers, geodesic, aerial photography and kartography) presentation was also dedicated to Russian Verb. The central theme of her speech dwelt on the third step apart from the two steps described above. (Application of theory to scientific research and verification of the results obtained in practicum). According to her the third step involves

studying the resultant material achieved by putting the theory to practice. This material, she confirms, would allow us to make corrections to the existing scientific postulates. This also provides scope for further ideas, which could not have been arrived at speculatively at the first stage of purely scientific research, even though they are based on the concepts of Systemology. This was the case with Russian sentences comprising of reflexive verbs. All the conclusions proposed by N.V. Krashevskaja were the result of her mastering the basic principles of Systemology and by regularly applying them in teaching Russian language as a foreign language and also by observing and identifying the ‘unexplained’ areas in language teaching and then successfully interpreting them for foreign students. Actually, the postfix *-sya-* is not a formant of the Russian Reflexive Verb. It regulates the mutual relationship between the components of the typical and the minimal utterance as a closed system which is modified depending on its concordant relation to the real situation on one side and the intent and the plot of the utterance on the other side. However, the state and course of the content can be presented in a tabular form to a foreign audience reflecting the continuum scale of the subject of the utterance independently to the extent in which it is represented in the plot of the utterance.

And finally, we come back to the theme with which we started the Round Table discussions — the briefing on the applications of Systemology to non-philological areas. And the final presentation by the last Ph.D scholar of Gennady P. Melnikov Yu. A. Chukhno reflected this aspect. She is the Head, Centre for Psychological Adaptation (Moscow). She talked on G.P. Melnikov’s ideas on the act of ‘Predication’, which he believed, transforms an imagery in the interlocutor’s mind into another imagery influenced by the updated inputs by the speaker. This helps us to the possibility of drawing a system of ‘evolving predication’. For example, a coach (a specific and specialised psychologist, trainer — the term is still in its infancy) in his communication with the help of exclusively composed statements and some special techniques learns the cognitive imagery in the interlocutor’s mind and then carries out the ‘predication’ process in the required direction to achieve the goal of not simply correcting the information but correcting it thereby leading the interlocutor to a new level of cognitive imagery. This is definitely an Art.

In conclusion we would like to convey our appreciation, regards and gratitude to the organizers especially to Uldanai M. Bakhtikireeva, Professor at Institute of Russian Language, RUDN University, for this unconventional, extremely beneficial and most interesting Forum. Without her efforts it would have been impossible to bring together this august gathering of associates, followers, mentees and pupils of Gennady P. Melnikov. Time for a huge ‘Thank You’. ‘Hats off’.

In order to create and design a ‘School of Melnikov’ plans are afoot to open a lecture hall in memoriam of our Teacher. This would help the new generation of

researchers to acquaint themselves with his ideas and concepts and also to design, update and modernize a website dedicated to the scientific activities of Genady P. Melnikov and his followers.

Bio notes:

Nataliia V. Krashevskaja is a PhD, General Linguistics, Russian Language, Education Associate Prof., Dpt of Linguistics, Moscow State University of Geodesy and Cartography. eLibrary SPIN-code: 1968-3148; ORCID: 0009-0009-6016-5740; E-mail: breshka2@gmail.com

Kalpana Sundaram Sai is a PhD, Professor, Head, Dept. of Russian, Osmania University, Amberpet, Hyderabad, Telangana, India; E-mail: sskalpana52@gmail.com

Сведения об авторах:

Крашевская Наталия Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК), Российская Федерация, Москва. eLibrary SPIN-код: 1968-3148; ORCID: 0009-0009-6016-5740; E-mail: breshka2@gmail.com

Калпана Сундарам Сай — кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Османский университет, Амберпет, Хайдарабад, Теланга, Индия. E-mail: sskalpana52@gmail.com

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

LANGUAGE CONTACTS: THEORY AND PRACTICE

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-15-27

EDN: ZJGYSI

Научная статья / Research article

Экспликация угрозы в билингвальной картине мира белорусов: экспериментальное исследование

А.А. Лавицкий ¹ Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
*Республика Беларусь, 220030, Минск, ул. Советская, 18*² Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
Республика Беларусь, 210010, Витебск, ул. М. Шагала, 8А✉ anton_lavitski@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты сравнительного изучения особенностей восприятия вербальных проявлений угрозы как противоправного деяния в аспектах ее экспликации в билингвальной картине мира белорусов. Дополнительно компаративному анализу подвергнуты особенности обыденного и научного (лингвоправового) понимания речевых высказываний, содержащих признаки угрозы. В проведенном исследовании отражены вопросы, касающиеся понимания категории «картина мира» с позиции теории билингвизма и современной юрислингвистики, феномена угрозы как уголовно наказуемого преступления, совершаемого вербальным способом. Практическая часть работы реализована в форме экспериментального анкетирования, в котором приняли участие две группы по 70 человек естественных билингвов, выполнявших задание на белорусском или русском языке: выбрать из предлагаемого перечня высказываний одно или несколько, которые, по их мнению, юридически можно интерпретировать как угрозу. Результаты экспериментального исследования показали наличие расхождений в вербализации угрозы в зависимости от используемого языкового кода: в группе, работавшей с белорусскоязычным материалом, абсолютное число опрошенных, выбравших в той или иной комбинации ответов высказывание *Я адсяджу і выканаю свой прысуд — расстрэл!*, составило 41 человек (58,6 %). Среди респондентов, выполнявших задание на русском языке, этот показатель равен 31,7 % (26 человек), что ниже, даже с учетом вероятной погрешности. Анализ всех ответов респондентов позволил сделать вывод о том, что в обыденной картине мира белорусов экспликация угрозы зачастую не требует указания на адресанта, а также на идентифицируемый вид потенциального вреда.

Ключевые слова: угроза, картина мира, теория билингвизма, юрислингвистика**История статьи:** поступила в редакцию 04.12.2023; принята к печати 03.01.2024.

© Лавицкий А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа подготовлена в рамках гранта Министерства образования Республики Беларусь Г24-001 «Современный деструктивный дискурс Беларуси: юрислингвистический аспект».

Для цитирования: *Лавицкий А.А.* Экспликация угрозы в билингвальной картине мира белорусов: экспериментальное исследование // Полилингвальность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 15–27. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-15-27>

Explication of Threat in the Bilingual Worldview of Belarusians: An Experimental Study

Anton A. Lavitski

¹ Belarusian State Pedagogical M. Tank University,
18 Sovetskaya St, Minsk, 220030, Republic of Belarus

² Vitebsk Branch of the International University “MITSO”,
8A M. Shagala St, Vitebsk, 210010, Republic of Belarus

✉ anton_lavitski@mail.ru

Abstract. The study presents the results of a comparative study of the characteristics of the perception of verbal manifestations of a threat as an unlawful act in the aspects of its explication in the bilingual worldview of Belarusians. Additionally, the features of everyday and scientific (linguo-legal) understanding of speech statements containing signs of threat were subjected to comparative analysis. The study reflects issues related to the understanding of the category “picture of the world” from the perspective of the theory of bilingualism and modern legal linguistics, the phenomenon of threat as a criminal offense committed verbally. The practical part of the work was implemented in the form of an experimental survey, in which two groups of 70 people of natural bilinguals took part, who completed a task in Belarusian or Russian: select one or more statements from the proposed list, which, in their opinion, can be legally interpreted as a threat. The results of the experimental study showed the presence of discrepancies in the verbalization of the threat depending on the language code used: in the group that worked with Belarusian-language material, the absolute number of respondents who chose the statement “I will adjudicate and exterminate my justice — execution!” in one or another combination of answers was 41 people (58.6 %). Among respondents who completed the task in Russian, this figure is 31.7 % (26 people), which is lower, even taking into account the possible error. An analysis of all the respondents’ answers allowed us to conclude that in the everyday picture of the world of Belarusians, the explication of a threat often does not require an indication of the addresser, as well as an identifiable type of potential harm.

Key words: threat, picture of the world, theory of bilingualism, legal linguistics

Article history: received 04.12.2023; accepted 03.01.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The article was carried out within the framework of the grant from the Ministry of Education of the Republic of Belarus G24-001 “Modern destructive discourse of Belarus: legal linguistic aspect.”

For citation: Lavitski, A.A. 2024. “Explication of threat in the bilingual worldview of Belarusians: An experimental study.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 15–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-15-27>

Введение и постановка цели

Еще в середине прошлого века Э. Сепир пророчески писал о том, что «чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют — и обвиняют справедливо — в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще» [1. С. 237–238]. Очевидно, что для этого лингвистическая наука должна была выйти за Соссюровские границы «в самом себе и для себя», что она и сделала, решая сегодня исследовательские вопросы интегративного характера, находящиеся на стыке диалектических интересов нескольких научных направлений или парадигм (например, лингвокультурология, психо- и социолингвистика и др.). Одним из самых молодых таких направлений в языкознании является правовая (юридическая) лингвистика, занимающаяся вопросами взаимодействия сферы языка и права.

Современная юрислингвистика не только обогатила теорию языка и права (последнее, по замечанию А.С. Александрова, также уже не может оставаться «только на собственно юридической почве» [2. С. 4]), но и позволила решить комплекс прикладных задач. В то же время сегодня складывается впечатление, что основные научные силы правовой лингвистики переместились на ниву практической работы — в область судебной лингвистической экспертологии. Вследствие этого мы наблюдаем замедление ее развития в сфере фундаментальной исследовательской активности. С одной стороны, это объективное положение дел, связанное с постоянно растущей востребованностью экспертной работы для органов следствия и дознания, судов. С другой стороны, очевидно, что юрислингвистика уже накопила достаточно серьезный теоретический потенциал для расширения своего исследовательского участия в изучении ряда иных проблем междисциплинарного характера.

Последнее десятилетие стало во многом знаковым для юрислингвистического направления. В его исследовательское поле был экстраполирован опыт (подходы к пониманию объектов изучения, методология, категориальный аппарат и др.), накопленный коммуникативной, аксиологической лингвистикой, психолингвистикой, теорией речевых актов и т.д. В этом ряду нельзя не отметить достижения теории били- и полилингвизма, которые также нашли отражение в научных разработках юрислингвистики. В первую очередь, это касается проблем языковой политики и идеологии. В свою очередь, и юридическая лингвистика, а точнее ее подотрасль — лингвоюрисдика, внесла свой (пока еще откровенно скромный) вклад в изучение указанной проблематики, хотя очевидно, что этот аспект самым явным образом проявляется в области пересечения интересов языка и права.

Со времени оглашения в 1996 году так называемой «Барселонской декларации», получившей более широкую известность как Всеобщая декларация языковых прав, самые большие достижения лингвоюристики были связаны с предпринятыми попытками анализа и оценки законодательства, обеспечивающего функционирование языков в различных сферах социальной жизнедеятельности и реализацию языковой политики в разрезе государственных и некоторых надгосударственных образований. В то же время иные внутриисследовательские направления правовой лингвистики не проявили должного интереса к проблемам, разрабатываемым в том числе в теории многоязычия. Так, например, сегодня невозможно найти объективные данные об особенностях создания, понимания и ретрансляции юридических текстов в системе би-, полилингвальной коммуникации. Не получили широкого распространения исследования о когнитивных и психолингвистических аспектах языковой экспликации преступной деятельности в немоноязычном дискурсивном пространстве. Именно последней проблеме посвящена настоящая работа, цель которой — экспериментально изучить особенности восприятия вербальных проявлений угрозы как противоправного деяния в научной и наивной билингвальной картине мира белорусов.

Гипотеза эксперимента

Сложно не согласиться с тем, что в Беларуси языковое право как «право на свободный выбор языка или языков коммуникации в частной и публичной сферах» [3. С. 80] представляется абсолютным в части реализации конституционных норм государственного двуязычия. Более того, и по другим формальным критериям страна относится к билингвальным: несмотря на очевидное доминирование русского языка практически во всех сферах социального взаимодействия, последняя перепись населения (2019 г.) декларирует, что 60,3 % жителей страны считают своим родным язык титульной нации. Можно ли, исходя из этого, сделать вывод о том, что особенности концептуального наполнения картины мира белорусов идентично вербализуются в обеих языковых системах (белорусско- и русскоязычной)? Полагаем, что нет. Даже несмотря на то, что оба языка и обе культуры являются близкородственными, между ними невозможно поставить знак равенства. Кроме того, выстраивая заключения исходя из явной неравномерности коммуникативной активности в использовании государственных языков, следует предположить, что понимание содержания речевого материала будет находиться в прямой зависимости от используемого языкового кода. Иными словами, мы предполагаем, что тексты с одинаковым содержанием на белорусском и русском языках не идентично концептуализируются билингвальными носителями указанных языковых кодов. С нашей точки зрения, это не является экстраординарным проявлением специфики языкового сознания

белорусов. Наличие отличий в картине мира обнаруживается и у носителей одного языка и культуры, но представляющих разные корпоративные культуры (см. например, исследования Е.В. Вагановой [4]). Кроме того, «в речи (понимается широко, включая восприятие текстовой информации — *Прим. А.Л.*) билингва неизбежны отклонения на целевом языке под влиянием родного (интерференция) и в речи на родном языке под влиянием иностранного (интеркаляция) [5. С. 8–9]. У.М. Бахтикиреева замечает, что у билингов, как правило, «один из языков является доминирующим (часто его называют родным), а другой находится в субдоминирующей позиции. Доминирующим является тот язык, который является средством коммуникации билингва в различных формах существования и сферах применения этого языка (устная и письменная формы; литературный язык; <...> различные социальные диалекты <...>, включая язык нормативно-законодательных актов <...>» [6. С. 68].

Проверить сформулированное нами утверждение представляется возможным экспериментальным способом. Такого рода исследование можно совместить с решением еще одной значимой для современной юрислингвистики задачи — установлением соотношения представлений наивной и научной картины мира об экспликации в речевой деятельности лингвистических признаков совершения противоправного проступка. Дело в том, что современные исследователи отмечают «низкий уровень культуры самих законодателей, непонимание ими ценности юридического языка, неумение использовать все его „регистры“» [7. С. 21]. Речь в данном случае идет в том числе и о том, что законодательная база, являясь «социальным заказом» установления правил и норм поведения в различных сферах жизнедеятельности, не отвечает запросам общества, его представлениям, основа которых отражена в наивной (обыденной) картине мира. В аспекте заявленной в заглавии темы работы уточнение данного положения будет построено на анализе концептуального понимания категории угрозы в наивной и научной картине мира.

Таким образом, конечная гипотеза нашего исследования декларирует наличие расхождений в восприятии лингвистических признаков противоправной деятельности, совершаемой вербальным способом, на уровне их концептуализации в наивной и научной картине мира белорусов, что обусловлено языковым кодом.

Теоретические замечания к экспериментальной части исследования

Прежде чем приступить к детальному описанию экспериментальной работы, следует кратко охарактеризовать понятие картины мира (КМ), а также оппозицию таких ее видов, как наивная и научная.

Для современной лингвистики сама категория картины мира — это «большая метафора» в том смысле, что, как единица научного описания, она совершенна чужда познанию как рациональное явление. Во-первых, в само словосочетание «картина мира» (КМ), введенное в понятийный аппарат языкознания с легкой руки М. Хайдеггера, вложено метафорическое использование лексемы «картина», более удачное с авторской и стилистической точки зрения для термина, нежели слова «изображение», «образ», «модель», хотя в работах по психолингвистике, лингвокультурологии повсеместно встречаются и даже дифференцируются друг от друга понятия «образа мира», «модели мира». Однако сам М. Хайдеггер замечал, что КМ «сущностно являет собой не картину, изображающую мир, а мир, представленный в виде такой картины» [8. С. 89].

Второе замечание, касающееся метафоричности КМ, обнаруживается в попытках представить ее как «упорядоченную картину знаний о действительности...» [9. С. 4] или «объективной действительности» [10. С. 11]. Однако очевидно, что КМ не только включает рациональный компонент (знания), но и имеет иррациональную составляющую (чувства, переживания). А.Н. Леонтьев вообще предполагал, что КМ — это «наполненные значениями абстракции, возникающие на основе созданного чувствами опыта» [11. С. 9].

Спорным является и вопрос о действительности (объективной действительности) в концептуальных представлениях КМ, так как они субъективны по своей природе. КМ всегда маркирована личностным опытом, национально-культурным контекстом, компонентами институциональной принадлежности человека и т.д. Ей присуще понятие мистификации, позволяющее заполнить пробелы в недостающих знаниях, — представить наличие некой третьей силы (например, Бога, дьявола), обладающей всей полнотой знаний. Неслучайно еще И. Кант указывал на то, что «рассудок не черпает свои законы (a priori) из природы, а предписывает их ей» [12. С. 80].

Неоспоримым является и факт динамичности КМ. Она, как и средство ее вербализации — язык, находится в постоянном движении. Следовательно, метафорично и утверждение об упорядоченности системы представлений, формирующих саму КМ. Скорее речь идет о стремлении к системности и последовательности в описании окружающего мира.

Метафорично и противопоставление наивной и научной КМ. По сути, это нерелевантные для сравнения категории: они разнятся по своему объему и качественному наполнению. В наивной КМ, очевидно, доминирует иррациональность, то есть чувственное восприятие. Научная КМ декларирует стремление к отказу от эмоциональной составляющей. Кроме того, научные знания являются неотъемлемым компонентом обыденной КМ. Следовательно, и сама научная КМ фактически включена в содержание наивной КМ.

Однако то, что, несмотря на указанные проблемные вопросы, КМ, оппозиция наивной и научной КМ до сих пор являются объектами исследовательского внимания, также нельзя назвать парадоксальным. В.А. Маслова замечает, что лингвистика принципиально неточная наука [13. С 827]. И это же замечание, по нашему мнению, следует отнести как минимум к сфере всего гуманитарного знания, ибо оно антропоцентрично по своей сущности. Человек, его личность иррациональны априори, а их изучение отличается значительной долей субъективности. Однако отказ от таких исследований невозможен в силу все той же антропоцентричности всего бытия.

Очевидно, что концептуализация КМ разнится в зависимости от языкового кода ее вербализации. Это касается и били- или полилингвальной личности. Отдельные ученые (А.А. Залевская, У.М. Бахтикиреева) полагают, что так проявляются ее особенности – наличие двух или нескольких КМ [14. С. 45; 15. С. 79–80]. Дополняя это мнение, другие исследователи утверждают, что, например, в сознании билингва обе КМ, соединяясь, видоизменяются и в итоге формируют еще одну, со своими специфическими особенностями [16. С. 590]. С одной стороны, такое мнение является логичным и вполне обоснованным. Но с другой — подобные заключения не должны переходить в уравнение «две КМ = две языковые личности», ибо раздвоение личности, даже языковой, — это уже объект внимания другой науки. Иными словами, мы считаем, что человек обладает единой и неделимой КМ, в которой при помощи различных языковых кодов могут концептуализироваться представления различных лингвокультур.

Описание экспериментальной работы и ее результаты

Экспериментальная часть исследования включала в себя проведение анкетирования, в котором приняли участие 140 человек, которые самостоятельно указали, что они являются естественными (белорусско-, русскоязычными) билингвами. Повторимся, что в данном исследовании мы не углублялись в теоретические вопросы, касающиеся взаимодействия языковых кодов в аспекте понимания сущностного функционирования естественного билингвизма, амбилингвизма, так как респондентам не требовалось осуществлять перевод.

Подробный половозрастной портрет опрошенных выглядит следующим образом: 79 женщин (18–29 лет — 13 человек, 30–39 лет — 19 человек, 40–49 лет — 18 человек, 50–59 лет — 15 человек, старше 60 лет — 14 человек), 61 — мужчина (18–29 лет — 11, 30–39 лет — 14, 40–49 лет — 14, 50–59 лет — 13, старше 60 лет — 9). Погрешность результатов исследования составила 8,28 %.

Сама процедура анкетирования включала необходимость выполнения следующего задания: отметить одно или несколько высказываний, которые,

по их мнению, юридически являются угрозой нанесения вреда жизни и/или здоровью. Для одной половины участников (40 женщин, 30 мужчин) задания были сформулированы на русском языке, для другой (39 женщин, 31 — мужчина) — на белорусском:

В суде после объявления приговора осужденный громко выкрикнул:

1. Я тебе обещаю, прокурор, что скоро ты ножичек под сердце получишь!
2. Я отсижу и исполню свой приговор – расстрел!
3. Ты, прокурор, от меня свое еще получишь!
4. За такие дела, прокурор, проломит тебе кто-нибудь голову!
5. Я тебя, прокурор, еще до суда придушить должен был!
6. Не зря, видно, прокурор, прибьют тебя скоро!

У судзе пасля абвяшчэння прысуду асуджаны гучна крыкнуў:

1. Я табе абяцаю, пракурор, што хутка ты сцізорык над сэрца атрымаеш!
2. Я адсяджу і выканаю свой прысуд – расстрэл!
3. Ты, пракурор, ад мяне сваё яшчэ атрымаеш!
4. За такія справы, пракурор, праломіць табе хто-небудзь галаву!
5. Я цябе, пракурор, яшчэ да суда прыдушыць павінен быў!
6. Нездарма, відаць, пракурор, прыб'юць цябе хутка!

Само решение указанного задания очевидно не зависит от языка, на котором оно сформулировано: текст — это только формальный объект правового контроля, фактически оценке подвергается содержание конфликтогенного речевого материала. И хотя в соответствующей статье (186) Уголовного кодекса Беларуси не обнаруживается формулировки понятия угрозы, разъяснения Верховного Суда страны, а также юридические комментарии позволяют заключить, что угроза — это «словесно, письменно или другим способом выраженное намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; один из видов психического насилия над человеком» [17. С. 731]. Представленная трактовка схожа с общелингвистическим определением, зафиксированным в толковых лексикографических источниках (см., например, словарь Д.Н. Ушакова:

«**Угроза** — 1. Обещание причинить кому-чему-нибудь какую-нибудь неприятность, зло; 2. Опасность, возможность возникновения чего-нибудь неприятного, тяжкого» [18. С. 1060]).

Таким образом, концептуальное значение для категории угрозы в ее правовом статусе является наличие указаний:

1) на тип вредоносного действия (указание на потенциальный вред жизни, здоровью или имуществу объекта речевой агрессии, который планирует нанести автор);

2) субъектность намерений (наличие в тексте маркеров, позволяющих идентифицировать автора как субъекта реализации или организации реализации потенциальной угрозы);

3) адресованность (данные об объекте (личности) в отношении которого высказывается намерение реализовать угрозу);

4) темпоральная маркированность текста (указание на то, что деятельностный компонент угрозы будет совершен в будущем времени).

В сформулированной нами анкете юридически квалифицировать как угрозу можно только высказывание:

Я тебе обещаю, прокурор, что скоро ты ножичек под сердце получишь! / Я тебе абяцаю, пракурор, што хутка ты сцязорык пад сэрца атрымаеш!

В речевом акте содержатся указания на то, что автор (2) в будущем (4) нанесет вред жизни (1) прокурору (3).

Другие предложенные варианты ответов соответствуют не всем параметрам идентификации вербального проявления угрозы:

– речевой акт *Я отсижу и исполню свой приговор — расстрел! / Я адсяджу і выканаю свой прысуд — расстрэл!* не соответствует параметру адресованности (отсутствуют данные о потенциальном объекте вредоносного воздействия);

– во фразе *Ты, прокурор, от меня свое еще получишь! / Ты, пракурор, ад мяне сваё яшчэ атрымаеш!* автор не реализует параметр типа вредоносного действия (нет указаний на вред или ущерб, который будет нанесен);

– в высказывании *За такие дела, прокурор, проломит тебе кто-нибудь голову! / За такія справы, пракурор, праломіць табе хто-небудзь галаву!* отсутствуют указания на субъект реализации содержания угрозы;

– речевой акт *Я тебя, прокурор, еще до суда придушит должен был! / Я цябе, пракурор, яшчэ да суда прыдушыць павінен быў!* не эксплицирует в будущем времени намерение совершить противоправное деяние;

– в предложении *Не зря, видно, прокурор, прибьют тебя скоро! / Нездарма, відаць, пракурор, прыб'юць цябе хутка!* отсутствует маркер, указывающий на субъект реализации угрозы.

Результаты практической части реализации эксперимента показали, что верный вариант ответа дали только 10 % опрошенных (8 человек в первой группе и 6 человек во второй). Наибольшее количество опрошенных указали, что угрозу содержат высказывания 1 и 3 (22,9 % отвечавших на вопросы, сформулированные на русском языке, и 21,4 % (15 человек), работавших с белорусскоязычной анкетой). Ни один из вариантов ответа не выбрали 5,7 % работавших с белорусскоязычной анкетой и 11,4 % опрошенных на русском языке, что, однако, не свидетельствует о наличии отличий, так как получив-

шиеся показатели соответствуют возможной погрешности. Сопоставительный анализ показывает, что практически все количественные результаты эксперимента в двух контрольных группах паритетны и находятся в границах допустимого статистического отклонения. Гендерной и возрастной зависимости в результатах эксперимента не выявлено.

Наличие серьезных расхождений обнаружено в варианте ответа 1,2: «русскоязычная группа» насчитывает только 5 выборов такой комбинации, а среди респондентов, которым была предложена анкета на белорусском языке, число выбравших обозначенные пункты равняется 15 человекам, или 21,4 %. Кроме того, общее количество проанкетированных, которые выбрали в той или иной комбинации ответов высказывание № 2 как содержащее лингвистические признаки юридически идентифицируемой угрозы, во второй («белорусскоязычной») группе значительно выше: 41 человек (в первой группе — 26).

Подробные данные о результатах экспериментальной работы представлены в таблице.

Результаты анкетирования / Table of survey results

Варианты выбранных ответов из анкеты / Options for selected answers from the questionnaire	Группа 1 (русскоязычная анкета) Количество ответов: муж./жен Group 1 (Russian-language questionnaire) Number of responses: male/female	Группа 2 (белорусскоязычная анкета) Количество ответов: муж./жен. / Group 2 (Belarusian-language questionnaire) Number of responses: male / female
1	4/4	4/2
1, 3	10/6	8/7
1, 2, 3, 4, 5, 6	8/6	7/4
1,2	3/2	7/8
1, 2, 3	1/2	3/2
1, 6	3/2	2/1
2, 3, 4	2/1	4/1
1, 2, 6	1/–	2/3
1, 4, 6	1/2	1/–
1, 3, 6	2/2	–/–
<i>Не выбрали ни одного / They didn't choose any</i>	5/3	1/3

Интерпретация полученных данных и выводы

Детальный анализ полученных в результате экспериментального анкетирования данных свидетельствует, что в целом сформулированная исследовательская гипотеза верна. Хотя наши предположения, касающиеся зависимости оценки восприятия проявлений угрозы от языкового кода ее вербализации, были связаны с вероятностью более серьезных отличий в данных, полученных в анкетах контрольных групп.

В ответах респондентов наблюдается расхождение в языковой экспликации угрозы в наивной и научной картине мира. Очевидно, что вне зависимости от используемого языкового кода белорусы не идентифицируют способ возможного нанесения вреда жизни и здоровью адресата как обязательный параметр: важен сам факт речевой интенции автора. Высокая доля опрошенных, выбравших все предложенные высказывания как содержащие угрозу (35,7 % от общего числа участвовавших в анкетировании), с нашей точки зрения, связана не только с самим фактом наличия в речевом акте в той или иной форме указаний на нанесение вреда объекту речевой агрессии, но и оценкой личности автора высказывания и ситуации коммуникативного воздействия. Полагаем, что часть респондентов, не выбравшая ни одного из предложенных вариантов (12 человек), также может обосновывать свое решение конкретной ситуацией общения, в частности наличием сильного эмоционального триггера или впадением в аффективное состояние.

Наличие серьезных расхождений в ответах двух контрольных групп обнаруживается в выборе работавших с белорусскоязычной анкетой в качестве высказывания, содержащего признаки угрозы, речевого акта *Я адсяджу і выканаю свой прысуд — расстрэл!* В целом указанный ответ в той или иной комбинации выбрали 58,6 % опрошенных на белорусском языке (41 человек) и только 26 респондентов из первой контрольной группы (31,7 %). К сожалению, в настоящее время мы не можем даже высказать предположения относительно возможных причин такого расхождения в ответах респондентов, выполнявших анкетное задание.

Установленный факт, что абсолютное число выбравших в качестве возможного варианта ответа обозначенное выше высказывание в двух группах составляет 67 человек (47,9 %), свидетельствует и об отсутствии обязательной необходимости наличия в конфликтогенном высказывании указаний на адресата потенциальной угрозы. Полагаем, что это связано с пониманием респондентов возможности установления данного параметра в контекстуальном окружении, то есть в процессе анализа конкретной ситуации речевого взаимодействия.

Список литературы

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
2. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003.
3. Петербургский М. Языковые права национальных меньшинств в системе российского образования // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1 (128). С. 79–91.
4. Ваганова Е.В. Отражение особенностей языкового сознания в корпоративном тексте // Вест. Челябинского государственного университета. 2008. № 1. С. 11–14.
5. Кашкин В.Б. Сопоставительная лингвистика. Воронеж: ВГУ, 2007. 86 с.
6. Бахтирчиева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения): [монография]. 2-е изд., доп. Астана: Изд-во «ЦБО» и «МИ», 2009. 282 с.
7. Исаков В.Б. Лингвоюрисдика: законотворчество, толкование законов и юридических текстов (языковой аспект) // Юрислингвистика. 2000. № 1.
8. Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a.M.: Klostermann, 1950. 380 p.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2002. 192 с.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 287 с.
11. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
12. Кант И. Собрания: в 8 т. / под общ. ред. проф. А.В. Гулыги. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.
13. Маслова В.А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками — к новым проблемам и направлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 3. С. 823–847. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847>
14. Залевская А.А. Некоторые спорные вопросы теории двуязычия. Путь в язык: одноязычие и многоязычие: сб. статей / отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянских культур. 2011. С. 33–47.
15. Бахтирчиева У.М. О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2(50), С. 76–80.
16. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Формирование языковой картины мира у билингвов // Полилингвильность и транскulturальные практики. 2022. Т. 19. No 4. С. 587–595. <http://10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595>
17. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007.
18. Ушаков Д. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М., 2014.

References

1. Sapir, E. 1993. Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow: Progress Publishing Group. Print. (In Russ.).
2. Alexandrov, A.S. 2003. Introduction to Forensic Linguistics. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy Publ. Print. (In Russ.).
3. Petersburgsky, M. 2019. Language rights of national minorities in the Russian education system. Comparative constitutional review, no. 1, pp. 79–91. Print. (In Russ.).
4. Vaganova, E.V. 2008. Reflection of the peculiarities of linguistic consciousness in a corporate text. Bulletin of Chelyabinsk State University, no. 1, pp. 11–14. Print. (In Russ.).

5. Kashkin, V.B. 2007. Comparative linguistics. Voronezh: Voronezh State University Publ. Print. (In Russ.).
6. Bakhtikireeva, U.M. 2009. Creative bilingual personality (features of the Russian text by an author of Turkic origin). 2nd ed., add. Astana: Publishing house “TsBO” and “MI”. Print. (In Russ.).
7. Isakov, V.B. 2000. Linguistics: lawmaking, interpretation of laws and legal texts (linguistic aspect). *Jurislinguistics*, no. 1, pp. 19–27. Print. (In Russ.).
8. Heidegger, M. 1950. *Holzwege*. Frankfurt a.M.: Klostermann Print. (In Ger.).
9. Popova, Z.D., Sternin, I.A. 2002. *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Publishing house “Istoki”. Print. (In Russ.).
10. Karaulov, Yu.N. 1987. *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.).
11. Leontiev, A.N. 1979. Psychology of image. *Bulletin of Moscow University. Psychology*, no. 2, pp. 3–13. Print. (In Russ.).
12. Kant, I. 1994. *Meetings*. In 8 vol. Vol. 4. Moscow: Choro Publishing House. Print. (In Russ.).
13. Maslova, V.A. 2021. Through the synergetic union of linguistics with other sciences — to new problems and directions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 3, pp. 823–847. Print. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847>
14. Zalevskaya, A.A. 2011. Some controversial issues in the theory of bilingualism. The path to language: monolingualism and multilingualism. Rep. ed. S.N. Tseytlin, M.B. Eliseeva. Moscow: Languages of Slavic Cultures publ., pp. 33–47. Print. (In Russ.).
15. Bakhtikireeva U.M. 2016. On translanguaging and transculturation through the prism of one linguistic biography. *Social and humanitarian sciences in the Far East*, no. 2, pp. 76–80.
16. Afanasyeva, N.D. Zakharchenko, S.S., and I.B., Mogileva. 2022. Formation of a linguistic picture of the world among bilinguals. *Polylinguality and transcultural practices*, vol. 19, no. 4, pp. 587–595. <http://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595>. Print. (In Russ.).
17. Sukhareva I. (Ed.) 2007. *Large legal dictionary*. Moscow: INFRA-M. Print. (In Russ.).
18. Ushakov, D. 2014. *Large explanatory dictionary of the Russian language. Modern edition*. Moscow: House of Slavic Books publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, докторант Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка, заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета «МИТСО». ORCID: 0000-0002-9192-4440

Bio note:

Anton A. Lavitski is a PhD in Philology, Associate Professor Postdoctoral student of Belarusian State Pedagogical M. Tank University, Head of the Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines of Vitebsk Branch of the International University “MITSO”. ORCID: 0000-0002-9192-4440

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-28-41

EDN: ZKJIVK

Научная статья / Research article

Внутриязыковая диглоссия как особенный вид народного билингвизма на примере лехитских языков

Я. Кобылко

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ kobylko-ya@rudn.ru

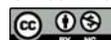
Аннотация. На примере лехитских языков, сосуществующих на территории Польши, а именно: государственного польского языка и региональных языков (кашубский, силезский) — предлагается рассмотреть уникальное сплетение классической формы народного билингвизма — внутриязыковую диглоссию. В настоящее время наблюдается размытие границы между толкованием многочисленных разновидностей билингвизма и их синонимичных понятий, в том числе диглоссии и внутриязыковой диглоссии — в исследовании поставлена задача уточнить их принципиальные отличия. Анализируется история научных исследований в области языковых и культурных взаимодействий между лехитскими этносами, рассматриваются фонетические и грамматические сходства и различия языков, а также многовековое единство социальности лехитов. Описывается взаимодействие разновидностей национального языка, когда язык государственный, с одной стороны доминирует над языками региональными, что в итоге может привести к их исчезновению, а с другой стороны, из-за эволюционной близости этих языков способствовать их сохранению. На примере кашубского регионального языка, распространенного в северной части Польши, используемого совместно с государственным польским языком, определяются внутриязыковые особенности этих языков, а также подчеркивается важность экстралингвильного подхода для становления этнолектов. Вслед за этим делается вывод, что в случае несбалансированного двуязычия отождествленные структуры языковой пары, а также развитие регионализма и культур этических групп способствуют сохранению неофициальных языков.

Ключевые слова: внутриязыковая диглоссия, лехиты, лехитские языки, польский язык, кашубский региональный язык, силезский диалект, этнолект

История статьи: поступила в редакцию 06.12.2023; принята к печати 08.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кобылко Я. Внутриязыковая диглоссия как особенный вид народного билингвизма на примере лехитских языков // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 28–41. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-28-41>

Intra-linguistic Diglossia as a Special Kind of Folk Bilingualism on the Example of the Lechitic Languages

Jaroslav Kobyлко

*RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ kobyлко-ya@rudn.ru

Abstract. The interaction of several varieties of the same national language may, on the one hand, affect the dominance of the state language over ethnolects, which may eventually lead to their disappearance, and on the other hand, due to the evolutionary linguistic and cultural proximity, contribute to their preservation. The purpose of the study is to consider the form of existence of subsystems of the national language, namely languages characterized by limited territory and spheres of use and the official language. The Lechitic language community reflects a special kind of multilingualism — diglossia, this is the hypothesis of the study. The study analyzes the history of scientific research in the field of linguistic and cultural interactions between the Lechite ethnoses, examines phonetic and grammatical similarities and differences of languages, as well as the centuries-old unity of the sociality of the Lechites. Using the example of the Kashubian regional language, common in the northern part of Poland, used in conjunction with the state Polish language, the intra-linguistic features of the Lechitic languages are determined, and the importance of the extralingual approach for the of unofficial languages is emphasized. It is concluded that in the case of unbalanced bilingualism, the identified structures of the language pair, as well as the development of regionalism and cultures of ethnic groups contribute to the preservation of unofficial languages.

Key words: diglossia, Lechites, Lechitic language, Polish language, Kashubian regional language, Silesian language, ethnolect

Article history: received 06.12.2023; accepted 08.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Kobyлко, J. 2024. “Intra-linguistic diglossia as a special kind of folk bilingualism on the example of the Lechitic languages.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 28–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-28-41>

Введение

Преобладание в мире людей, говорящих на двух или более языках, требует постоянных исследований (лингвистических, психологических, этнографических и др.) в области множества разновидностей билингвизма (активный, пассивный, горизонтальный, вертикальный, аддитивный и т.п.) в зависимости от целей и причин функционирования двуязычия, межязыковых и межэтнических отношений народов, а также лингвистических связей между языками или диалектами, на которых билингв разговаривает.

В современном мире наиболее актуально двуязычие, формирующееся у индивида в результате изучения иностранного языка, в таком случае иной будет цель использования второго языка, а затем и формирование такого би-

лингвизма, например, в целях осуществления профессиональной деятельности в неязыковой среде (билингвизм дистанционный) или в новом языковом сообществе (билингвизм контактный). В контексте контактного билингвизма возможна даже замена первого языка новым вторым языком — билингвизм субтрактивный.

Процессы, происходящие во втором языке, взаимосвязаны с процессами, происходящими в родном языке, и с пространственным, территориальным функционированием обоих языков. Для многих стран характерно изучение и дальнейшее использование индивидами официального языка и других, порой даже разных по происхождению и типологическому строю, языков. В таком случае возникает необходимость, в зависимости от степени родственности или неродственности, рассмотрения нетождественностей в системных структурах языковой пары [1; 2]. Исследование О.В. Валентиновой и М.А. Рыбакова [3] в области фонетических и грамматических черт флективных и агглютинативных языков указало на некую проблему в преподавании языка в полиэтнической среде, которая заключается в том, что взгляд на грамматику как на уровень языка, который строится по универсальным правилам, различается лишь оформлением категорий и способов синтаксической связи. «В свете такого подхода формирование билингвизма представляется как наложение новой кодовой системы на уже существующую с установлением прямых соответствий знаков одной системы знакам другой» [3. С. 132]. В контексте языков, разных по происхождению необходимо понимание не только формальных правил, но и содержания грамматик каждого из них [3; 4].

В иных условиях формируется двуязычие в ситуации, не требующей специального изучения второго языка (регионального, этнического, диалекта и т.п.), который взаимодействует и находится на стыке с нормативным языком (*билингвизм диагональный*).

Целью исследования является уточнение принципиальных отличий между классической формой народного билингвизма — диглоссии и уникальным её сплетением — внутриязыковой диглоссии, в рамках которой на примере лехитских языков, а именно государственного польского языка и регионального кашубского языка, представлено их сосуществование на территории Польши.

Обсуждение

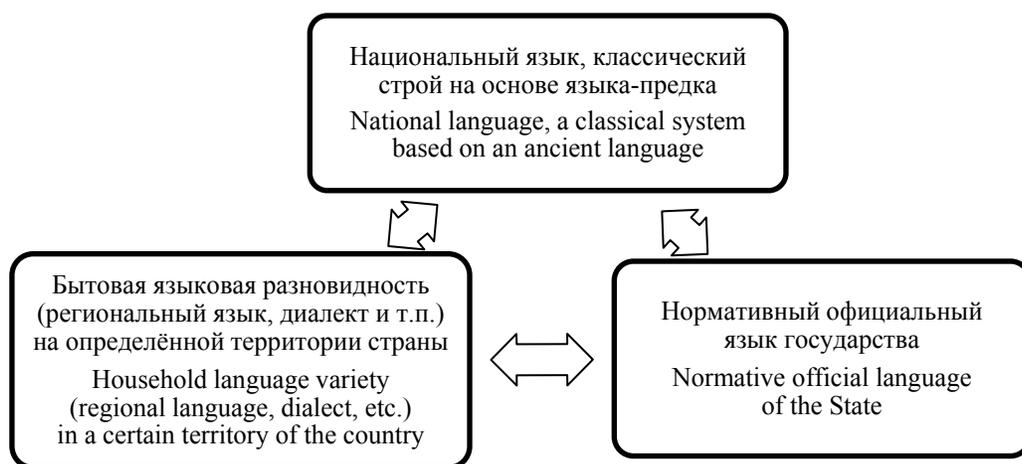
Особое сплетение классической формы билингвизма, которое впервые в 1959 году описал Ч. Фергюсон [5] под термином *диглоссия* — «функциональная иерархия подсистем одного и того же языка» [6. С. 101]. В словаре терминов межкультурной коммуникации 2013 года данный термин дополняется следующими значениями: «...языковая ситуация, характеризующаяся существованием двух диалектов в языке; взаимодействие двух сосуществу-

ющих разновидностей одного и того же языка (А.Д. Швейцер, 1983) относится к цитате из Словаря [6. С. 101]. Примером диглоссии может служить сосуществование на Руси в XI–XVI веках церковнославянского и древнерусского языков (т.е. нестандартных форм национального языка. — *Прим. Я.К.*), тж. билингвизм диагональный» [6. С. 101].

Более узким толкованием диглоссии является *внутриязыковая диглоссия* — «языковая ситуация, характеризующаяся существованием разновидностей подсистем национального языка, которые имеют своих носителей, т.е. совокупности говорящих, владеющих только данной подсистемой национального языка, тж. диалект территориальный; просторечие» [6. С. 101].

Синонимичным термином внутриязыковой диглоссии является *территориальный диалект* — «форма существования языка, характеризующаяся ограниченностью территории, сфер употребления (используется в основном в бытовой сфере) и противопоставленная другим диалектам и литературному языку» [6. С. 99].

Внутриязыковую диглоссию предлагаем отразить схемой, представленной на рис. 1.

Рис. 1. Внутриязыковая диглоссия
Источник: составлено автором
Figure 1. Intralanguage diglossia
Source: made by the author

Несмотря на тонкую грань между толкованием *диглоссии* и *внутриязыковой диглоссии*, различие между ними, на наш взгляд, существенное. Диглоссии характерно территориально неограниченное распространение нестандартных форм языка среди носителей, например, старо- и церковнославянский внутри национального — древнерусского языка. Внутриязыковая диглоссия характеризуется функционированием подсистем, например, диалектов в системе национального языка на определенной территории страны.

Следует обратить внимание на то, что сосуществование на одной территории страны государственного языка и другого близкородственного ему языка демонстрирует снижение числа носителей второго, что в ближайшем или отдаленном будущем может привести к их исчезновению. В иных условиях, учитывая, что такие языковые пары являются разновидностью одной и той же подсистемы национального языка (сильная языковая близость), в силу внеязыковых влияний (например, становления регионализма), юридически этнолекты могут доводиться до уровня языка, что в свою очередь способствует их сохранению.

В Польше выделяются две двуязычные области (воеводства), в которых проживают носители государственного польского языка и других близкородственных польскому языков — кашубского на севере и силезского на юго-западе страны.

Польский язык, как кашубский, а также силезский и два вымерших языка — исчезнувший в XVIII веке полабский и вымерший в XX веке словинский, относится к лехитской подгруппе западославянской ветви праиндоевропейского периода (рис. 2).

Языком, на примере которого постараемся показать особенности внутриязыковой диглоссии в лехитских языках, является кашубский язык, используемый западославянской этнической группой — кашубами, живущими на севере Польши в Поморском воеводстве. По данным переписи населения 2011 года, кашубским языком пользуется около 108 тысяч населения, что ставит его на второе место (после силезского, около 529 тыс.) среди негосударственных языков⁴. Кашубский включен в «Атлас языков мира, находящийся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО.

С точки зрения лингвистики (К. Дейна, К. Нич, З. Штибер и др.), в отношении регионального кашубского языка возникает типовая языковедческая проблема «язык или диалект», связанная с определением статуса кашубского как диалектной разновидности польского языка или как самостоятельного регионального языка. Тем не менее с принятием польского закона от 6 января 2005 года о национальных меньшинствах и этнических группах юридически кашубский стал языком региональным. Согласно Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (документ утвержден в 1992 году в рамках Совета Европы для защиты и продвижения региональных языков и языков национальных меньшинств в Европе), региональный язык — язык, традиционно используемый в государстве меньшинством граждан, который является отличным от общепринятого официального языка и не является ни диалектом официального языка этого государства, ни языком мигрантов.

---

⁴ Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Główny Urząd Statystyczny. URL: <https://stat.gov.pl/spisy-powszechnie/narodowe-spisy-powszechnie> (accessed: 25.11.2023).

Польский язык / Polish language

- Силезский диалект / Silesian dialect
- Великопольский диалект / Greater Poland dialect
- Мазовецкий диалект / Masovian dialect
- Малопольский диалект / Lesser Poland dialect
- Новые смешанные диалекты / New mixed dialects
- Периферийные диалекты / Peripheral dialects
- Кашубский язык / Kashubian language

Цифрами обозначены ареалы вымерших лехитских языков и диалектов / The numbers indicate the areas of extinct Lechitic languages and dialects:
 1. Полабский язык / Polabian language;
 2. Словинский язык (или диалект) / Slovinian language (or dialect)

Рис. 2. Лехитские языки и диалекты

Источник: Карта размещения лехитских языков, включая диалекты польского языка [18]

Figure 2. Lechite languages and dialects

Source: Map of the location of the Lechite languages, including dialects of the Polish language [18]

Феномен кашубского, как самостоятельного регионального языка, скорее всего, связан не с лингвистическими расхождениями кашубского и польского, а с процессом становления регионализма — развитием кашубской литературы, изданием религиозной литературы и использованием кашубского в церкви, появлением кашубских региональных организаций и т.д. [7]. Включение кашубского языка в школьную программу стало немаловажным аспектом в сохранении и развитии этого языка. С 2005 года по кашубскому языку факультативно сдаётся экзамен на аттестат зрелости. В институте польской филологии Гданьского университета открыта специальность «Этнофилология кашубска», на которой изучается кашубский язык и кашубская культура.

В рамках параллельного использования в различных функциональных сферах на определенной территории одного государства регионального языка или диалекта и официального языка существует ситуация несбалансированного двуязычия — в нашем случае исторически, генетически и структурно близких языков. На некоторых симптоматичных примерах рассмотрим формально лингвистические и культурологические особенности польско-кашубского билингвизма.

Лехитские языки (польский, кашубский, силезский, два вымерших — полабский и словинский) в сравнении с другими славянскими языками характеризуются некоторыми архаичными фонетическими особенностями, как, например:

- сохранение праславянских носовых гласных «ę» (польск. ja będę / русс. я буду), а также «ą» (польск. oni będą / русс. они будут);
- унаследование «з» (звук «dz») образованного от *dj и *g, смягченного во второй палатализации (польск. dzwon / русс. звон);
- сохранение архаичных сочетаний согласных «tl», «dl» (польск. mydło / русс. мыло);
- отсутствие изменения «g» в «y» (звук «h»);
- чередование поздних праславянских мягких вокальных согласных *ǰ, *ǰ̣ в похожих позициях;
- чередование вокальных согласных *ǰ, *ǰ̣, *ǰ̣, *ǰ̣ в последовательность гласного и плавного гласного и др. [8].

С точки зрения типологии, лехитским языкам присущ флективный строй, а в предложении преобладает порядок слов: субъект стоит перед предикатом, а объект — в конце предложения (тип порядка слов SVO — Subject Verb Object). Такая близость польского и кашубского в области морфологии и синтаксиса не нарушает системно-структурной формы языков, которая является крайне редко меняющимся скелетом для языков. Что касается более «гибких» уровней языковой системы (например, лексического уровня), то владение этническими группами (кашубами, силезцами) государственным, близкородственным польским языком и их непрерывные культурные, религиозные контакты делают эту область языка общевоспринимаемой.

Тем не менее дифференциация кашубского произошла по ряду эволюционных языковых явлений у лехитов (поляков, кашубов, силезцев, полабов и словинцев): поморский («среднелехитский») кашубский отличается от восточнолехитского польского языка и сближается с поморским словинским идиомом (вымершим в XX веке) и с западнолехитским полабским языком (вымершим в XVIII веке) [9. С. 417]. Кашубский также находился под влиянием нижненемецкого языка западногерманской группы и прусского языка балтийской группы языков [10. С. 49].

Исследователем фольклора и кашубского языка является Флориан Ценова, который, по причине невозможности передавать фонетические осо-

бенности кашубского языка общенациональным алфавитом, в 1850 году предложил уникальный алфавит и таким образом решил проблемы, возникающие при переносе кашубской устной речи в письменную. Современный кашубский алфавит состоит из 34 букв: Aa; Aą; Āã; Bb; Cc; Dd; Ee; Éé; Ęë; Ff; Gg; Hh; Ii; Jj; Kk; Ll; Łł; Mm; Nn; Ńń; Oo; Òò; Óó; Ôô; Pp; Rr; Ss; Tt; Uu; Ùù; Ww; Yy; Zz; Żż [11].

Среди вышеуказанных в польском языке не выступают буквы, которые указывают на звуки:

- ā — носовой «а», отличный от уже упомянутого общелехитского носового звука «ą»;
- é — звук между польским твёрдым «е» а «І»;
- ë — между польским твёрдым «е» і «а»;
- ò — лабиализованный «ѐ» наподобие польского «le»;
- ù — лабиализованный «љи» наподобие польского «ly»;
- ô — в зависимости от говора «lu» или «li».

Кроме того, отличные от польского фонны «cz», «sz», «ż», «dź» в кашубском произносятся мягче «ć», «ś», «ź», «dź».

Исследования Ф. Ценовы о близости кашубского и русского (например, в области подвижного ударения в некоторых кашубских говорах) подтолкнули его к совместным экспедициям с российским славяноведом Александром Федоровичем Гильфердингом по селениям субэтнических групп кашубов. В результате появилось всеобъемлющее описание кашубщины в книге А.Ф. Гильфердинга «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» (СПб., 1862). Фрагмент из книги (рис. 3).

Книга А.Ф. Гильфердинга содержит словарь с кашубскими и словинскими словами, очерк этнографии кашубов и их языка, примеры наречий этих народностей.

Автор в своих трудах указал на индивидуальный характер кашубской этнической группы и изложил первые данные о диапазоне кашубских диалектов.

Кашубы делятся на множество этнографических подгрупп, разнообразных как культурно, так и лингвистически (рис. 4):

- польск. Kaszubi różnosni — кашуб. Bělôcë;
- польск. Gochy — кашуб. Gôchë;
- польск. Józcy или Mucnicy — Jôzcë или Mùcnicë;
- польск. Krubanie — кашуб. Krëbane;
- польск. Lesacy — кашуб. Lesôcë;
- польск. Morzanie — кашуб. Mòrzanie;
- польск. Rybaki — кашуб. Rëbôcë;
- польск. Borowiacy Tucholscy — кашуб. Borowiany, Tuchòłki;
- польск. Zaboracy — кашуб. Zabòrôcë.

ОСТАТКИ СЛАВЯН

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ БАЛТИЙСКАГО МОРЯ.

На южномъ берегу Балтійскаго моря ⁽¹⁾, на западъ отъ низовьевъ Вислы, сохранились до сихъ поръ поселенія Славянъ. Это послѣдніе остатки нѣкогда великаго и славнаго народа, который въ теченіе многихъ столѣтій отстаивалъ свою народную независимость и свое непокорное язычество отъ напора всей Германской имперіи. Теперь потомки этого воинственнаго племени скрываются въ песчаномъ и болотистомъ захолустьѣ, куда рѣдко заглядываетъ путешественникъ: Поляки и Нѣмцы называютъ ихъ Кашубами; сами они называютъ себя «*Кашеби*» (единств. числ. *Кашеба*), выговаривая *e* за *y*,— а въ нѣкоторыхъ, наиболѣе отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, сохранилось у нихъ древнее народное имя *Словинцевъ*.

Этотъ безвѣстный обломокъ знаменитаго въ старину народа Славянскаго привлекалъ мое любопытство. Я посвятилъ на его изученіе часть лѣта 1856 года. Прежде всего я счелъ долгомъ посѣтить лучшаго, или скорѣе единственнаго знатока Кашубскаго народа и языка, г. Флоріана Цейнову, который,

(1) Нимслѣдующій очеркъ путешествія по Кашубскимъ землямъ, в равно параграфы I-й и X-й этой статьи (этнографическій обзоръ края, населеннаго Померанскими Словинцами и Кашубами и замѣчанія объ особенностяхъ ихъ языка) напечатаны были въ VIII томѣ извѣстій II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, стр. 41—56.

Рис. 3. Фрагмент книги А.Ф. Гильфердинга
«Остатки славян на южном берегу Балтийского моря»

Источник: Гильфердинг А.Ф. Остатки славян на Южном берегу Балтийского моря: Этнографический сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ обществомъ. Выпускъ V. СПб., 1862

Figure 3. Fragment of the book by A.F. Gilferding
“Remnants of the Slavs on the southern shore of the Baltic Sea”

Source: Gilferding, A.F. “Remnants of the Slavs on the southern shore of the Baltic Sea.” An ethnographic collection published by the Imperial Russian Geographical Society. Issue V. St. Petersburg, 1862

Рис. 4. Этническая территория и субэтнические группы кашубов
Источник: Кашубский язык — Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org>
(дата обращения: 29.11.2023).

Figure 4. Ethnic territory and sub-ethnic groups of Kashubians
Source: Kashubian language — Wikipedia. 29 Nov. 2023, <https://ru.wikipedia.org>

Несмотря на то, что кашубский язык встречается на относительно небольшой территории, он внутренне разнообразен и разделен на три диалектные зоны: северно-, средне- и южнокашубскую (рис. 5).

В конкретной подгруппе кашубского языка многие фонетические характеристики функционируют по-разному. Обратим внимание на отличную замену праславянской интонационной системы подвижного и музыкального ударения в кашубских говорах. Музыкальное ударение (как и в остальных славянских языках) сменилось динамическим, а подвижность сохранилась в

некоторых из них, например, у северных кашубских диалектов ударение свободное (падает на любой слог) и подвижное (передвигается при словоизменении); у среднекашубских диалектов репрезентативно свободное, но неподвижное ударение; в южнокашубских диалектах ударение инициальное (фиксированное на первый слог) [8; 11. P. 766]. В государственном польском языке акцент тоже фиксированный (но на предпоследний слог).

Рис. 5. Карта кашубских говоров
 Источник: Диалекты кашубского языка —
 Википедия Переиздание // WIKI 2. URL: <https://wiki2.org>
 (дата обращения: 29.11.2023).

Figure 5. Map of Kashubian dialects
 Source: Dialects of the Kashubian language —
 Wikipedia Reprint // WIKI 2. 29 Nov. 2023, <https://wiki2.org>

Такое сравнение, когда в польском языке и некоторых диалектах ударение фиксируется, а в других диалектах передвигается, указывает на неравномерную эволюцию акцентологической системы лехитских языков. Таким образом, лингвистические исследования северных диалектов кашубского языка с подвижным ударением способствуют реконструкции первоначальному акценту в праславянском языке.

Вторым, уже упомянутым языком-диалектом, употребляемым этнографической группой силезцев на юго-западе Польши, является силезский диалект, который, как польский и кашубский, относится к лехитской подгруппе западнославянской ветви праиндоевропейского периода. В случае силезского диалекта также возникает типовая языковедческая проблема «язык или диалект», связанная с определением статуса силезского как диалектной разновидности польского (польско-чешского) языка [12–14] или как самостоятельного регионального языка [15].

Заключение

Среди множества разновидностей билингвизма для более подробного рассмотрения в статье были отобраны две языковые ситуации, а именно «диглоссия» и её разновидность «внутриязыковая диглоссия».

Как показал анализ словарных дефиниций, они приобретают синонимичные названия и граница между их толкованием выражается недостаточно точно. Рассмотрение теоретического, лексикографического материала и современных взаимосвязей между государственным и этническими языками позволило сделать вывод, что существенным различием между диглоссией и внутриязыковой диглоссией, по нашему мнению, является территориально неограниченное распространение в том числе нестандартных форм национального языка среди носителей для диглоссии и функционирование родственных подсистем национального языка на определенной территории страны для внутриязыковой диглоссии. Это позволило доказать, что лехитские языки, функционирующие на определённой территории Польши, основываясь на учёте генетического родства региональных языков с польским государственным языком, а также лингвистических и этнологических сходств, отражают уникальное сплетение классической формы народного билингвизма — внутриязыковую диглоссию.

Также был сделан вывод, о том, что в условиях, когда лехитская внутриязыковая диглоссия конструируется на стыке государственного языка и регионально-этнических языков, человек владеет государственным языком в большей степени и использует его чаще, поэтому этнические языки, как правило, находятся в более невыгодном положении по сравнению с официальным языком и, как языки, «слабые», они особенно подвержены риску

исчезновения. Тем не менее совместный эволюционный путь лехитских языков обуславливает их типологическую общность. Кроме того, современное функционирование этих языков в речевой культуре их носителей на территории одной страны поддерживает их в качестве языковых подсистем внутри одного социума и поддерживает их жизнеспособность / витальность.

Список литературы

1. *Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И., Рыбаков М.А.* Факторы типологической комплементарности славянских и тюркских языков в свете системной лингвистики и этнологии // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2019. № 3. С. 21–30. <http://doi.org/10.20339/PhS.3-19.021>.
2. *Бодуэн де Куртэнэ И.А.* О смешанном характере всех языков: избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. Т. 1. С. 362–372.
3. *Валентинова О.И., Рыбаков М.А.* Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть первая) // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2021. Т. 18. № 2. С. 130–142. <http://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-130-142>.
4. *Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И.* Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244. <http://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>.
5. *Ferguson Ch.* Diglossia // *Word*. 1959. No. 15. P. 325–340.
6. Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М.Г. Лебедько, З.Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 632 с.
7. *Obracht-Prondzyński C.* Kaszubi dzisiaj. Kultura, język, tożsamość. Gdańsk: Wydawnictwo Bernardinum, 2007. С. 16–17.
8. *Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. 560 с.
9. *Скорвид С.С.* Кашубский язык // *Большая российская энциклопедия*. М.: Большая Российская энциклопедия, 2009. Т. 13. С. 417.
10. *Stone G.* Cassubian // *Encyclopedia of the languages of Europe*. Oxford: Blackwell, 1998. P. 49–50.
11. *Stone G.* Cassubian // *The Slavonic Languages*. London, New York: Routledge, 1993. 766 p.
12. *Dejna K.* Dialekty polskie. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1993. 283 s.
13. *Miodek J.* Fenomen śląskiej gwary Śląsk. 1996. No. 5. S. 52.
14. *Słownik gwar śląskich* / red. Bogusław Wyderka. Opole: Państwowy Instytut Naukowy. 2016. Т. 15. 392 s.
15. *Wicherkiewicz T.* Ekspertyza naukowa dra Tomasza Wicherkiewicza. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2008.

References

1. Bakhtikireeva, U.M., Valentinova O.I., and M.A. Rybakov. 2019. The factors of slavic and turkic languages typological complementarity in the light of systemic linguistics and ethnology. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 3, pp. 21–30. <http://doi.org/10.20339/PhS.3-19.021>.
2. Baudouin de Courtenay, J. 1963. On the mixed nature of all languages: selected works on general linguistics. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, vol. 1, pp. 362–372.

3. Valentinova, O.I., and M.A. Rybakov. 2021. Logic of determinative analysis of agglutinative and inflectional languages (part 1). Polylinguality and transcultural practices, vol. 18, no. 2, pp. 130–142. <http://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-130-142>.
4. Bakhtikireeva, U.M., and O.I. Valentinova. 2022. “Language thinking” from the perspective of systemic linguistics. Russian Journal of Linguistics, vol. 26, no. 1, pp. 224–244. <http://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>.
5. Ferguson, Ch. 1959. Diglossia. Word, no. 15, pp. 325–340.
6. Lebed'ko, M.G., and Z.G. Proshina, eds. 2013. Dictionary of terms of intercultural communication / M.G. Lebedko, and Z.G. Proshina, editors. Moscow: FLINT; Nauka publ., 632 p.
7. Obracht-Prondzyński, C. 2007. Kaszubi dzisiaj. Kultura, język, tożsamość. Gdańsk: Wydawnictwo Bernardinum publ. Print.
8. Trubeckoj, N.S. 1987. Izbrannye trudy po filologii. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
9. Skorvid, S.S. 2009. Kashubian language. The Great Russian Encyclopedia. Moscow: Great Russian Encyclopedia publ., no. 13, p. 417. (In Russ.)
10. Stone, G. 1998. Cassubian. Encyclopedia of the languages of Europe. Oksford: Blackwell publ. Print.
11. Stone, G. 1993. Cassubian. The Slavonic Languages. London, New York: Routledge publ. Print.
12. Dejna, K. 1993. Dialekty polskie. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich publ. Print.
13. Miodek, J. 1996. Fenomen śląskiej gwary Śląsk, no. 5, p. 52.
14. Wyderka, B. 2016. Słownik gwar śląskich. Opole: Państwowy Instytut Naukowy publ. Print.
15. Wicherkiewicz, T. 2008. Ekspertyza naukowa dra Tomasza Wicherkiewicza. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza publ. Print.

Сведения об авторе:

Кобылко Ярослав — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 2 института русского языка, Российский университет дружбы народов. eLIBRARY SPIN-код: 4045-8552; ORCID: 0000-0002-0868-4772; E-mail: kobylko-ya@rudn.ru

Bio note:

Jaroslav Kobylko is a Candidate of Philology, senior lecturer, RUDN University. eLIBRARY SPIN-code: 4045-8552; ORCID: 0000-0002-0868-4772; E-mail: kobylko-ya@rudn.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-42-57

EDN: ZLCIQC

Научная статья / Research article

Общий анализ этноязыковой ситуации в Камчатском крае в контексте языкового законодательства и статистических данных

Ю.С. Файзрахманова

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
Российская Федерация, 683032, Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4

✉ juliafayz@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено анализу этноязыковой ситуации в Камчатском крае в контексте языкового законодательства, демографических и статистических данных. Анализ официальной статистики (всероссийская перепись населения 2020 г.) показал, что ее данные не совсем полно соответствуют реальной языковой ситуации на месте. Выявление реальной языковой ситуации в Камчатском крае требует проведения регулярных и плановых полевых исследований, социолингвистических обследований населения с определенных районов, его анкетирования. Отмечается, что диалектная раздробленность языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС), терминологическая путаница в наименовании языков и народностей осложняет ситуацию с подсчетом как представителей народности, так и реальных носителей языка. Представлен краткий обзор региональных и федеральных законов, направленных на поддержку и сохранение родных языков КМНС, а также статистические данные по изучению родных языков в Камчатском крае.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Камчатского края, языки КМНС Камчатского края, палеоазиатские языки, языковая ситуация, родной язык

История статьи: поступила в редакцию 06.12.2023; принята к печати 10.01.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Файзрахманова Ю.С. Общий анализ этноязыковой ситуации в Камчатском крае в контексте языкового законодательства и статистических данных // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 42–57. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-42-57>

General Analysis of the Ethnolinguistic Situation in Kamchatka Krai in the Context of Language Legislation and Statistical Data

Yulia S. Fayzrakhmanova

Vitus Bering Kamchatka State University,
4 Pogradichnaya St, Petropavlovsk-Kamchatskiy, 683032, Russian Federation

✉ juliafayz@gmail.com

Abstract. This study provides a general analysis of the ethnolinguistic situation in Kamchatka Krai in the context of language legislation, demographic and statistical data. The analysis of the official statistics (the 2020 All-Russian Population Census) shows that its data does not fully correspond to the real language situation in the region. Identifying the real language situation in Kamchatka Krai requires regular field research, sociolinguistic surveys of the population in the region and questionnaires. The author of this study notes that the dialectal fragmentation of native languages together with the terminological confusion in the names of languages and nationalities make it difficult to quantify both the number of indigenous peoples and number of native speakers. The study also provides a brief overview of regional and federal laws aimed at supporting and preserving the native languages of indigenous peoples, as well as statistical data on teaching and learning the native languages in Kamchatka Krai.

Key words: indigenous peoples of Kamchatka Krai; native languages of Kamchatka; Paleo-Asiatic languages; language situation; native language

Article history: received 06.12.2023; accepted 10.01.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Fayzrakhmanova, Yu.S. 2024. “General analysis of the ethnolinguistic situation in Kamchatka Krai in the context of language legislation and statistical data.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 42–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-42-57>

Введение

Согласно закону Камчатского края от 02.02.2022 года № 47 «Об организации и обеспечении защиты прав, исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, проживающих в Камчатском крае» (по данным официального интернет-портала правовой информации от 09.01.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4100202202040008>) и в соответствии с утвержденным Правительством Российской Федерации Единым перечнем коренных малочисленных народов, на территории Камчатского края проживают следующие коренные малочисленные народы: алеуты, алюторцы, ительмены, камчадалы, коряки, чукчи, эвены (ламуты), эскимосы (по данным официального интернет-портала правовой информации от 09.01.2024, <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065057>).

По данным Всероссийской переписи населения 2020 года (по данным Федеральной службы государственной статистики от 09.01.2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>) в Камчатском крае доля коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее — КМНС) составила 13 129 человек (табл. 1). Это примерно 4,67 % от общей численности населения Камчатского края, которое, по данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2023 года составило 280 700 человек (по данным Федеральной службы государственной статистики от 09.01.2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>).

Число владеющих родным языком представителей КМНС, проживающих в Камчатском крае, представлено в табл. 2. Из данных таблицы видно, что количество родных языков КМНС на один меньше, чем народов. Это связано с тем, что камчадалы представляют собой субэтническую группу русских, образованную путем смешения русских поселенцев и обрусевшего местного населения Камчатки, ительменов [1]. Родным языком для них является русский [2]. Согласно переписи населения 2020 года, камчадалы по большей части владеют русским языком (1 321 человек), ительменским языком (25 человек), корякским языком (22 человека), эвенским языком (2 человека). Однако официальная статистика не всегда точно отражает реальную языковую ситуацию на месте.

Для того чтобы наглядно увидеть несоответствие между официальной статистикой и реальной языковой ситуацией в крае, обратимся к данным о социолингвистических статусах языков КМНС, представленных в табл. 3 (по данным сайта ИЯз РАН от 09.01.2024. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml).

Из табл. 3 видно, что алеутский язык является заснувшим: последняя носительница беринговского алеутского языка Вера Терентьевна Тимошенко ушла из жизни в марте 2021 года на острове Беринга [3], а последний носитель медновского диалекта алеутского языка Геннадий Михайлович Яковлев скончался в октябре 2022 года на Камчатке (РБК, октябрь, 2022). Однако, согласно переписи населения 2020 года, 98 человек в Камчатском крае заявили, что владеют алеутским языком.

По оценке А.Л. Арефьева, до половины языков КМНС могут исчезнуть в ближайшие десятилетия [20. С. 437]. Выявление реальной языковой ситуации в Камчатском крае требует проведения регулярных и плановых полевых исследований, социолингвистических обследований населения с определенных районов, его анкетирования. Особое и первоочередное внимание должно быть уделено социолингвистическому анкетированию как наиболее рациональному способу сбора достоверного материала в выявлении языковой компетенции респондентов.

Таблица 1 / Table 1

Численность представителей КМНС, проживающих в Камчатском крае / Number of indigenous peoples in Kamchatka Krai

№ п/п No.	Название народа / Name of the people	Общее число чел. по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. / The total number of people according to the All-Russian Census 2020
1.	Коряки / Koryaks	6 418
2.	Алуторцы / Alutorgs	89
3.	Ительмены / Itelmens	1 926
4.	Камчадалы / Kamchadals	1 322
5.	Чукчи / Chukchi	1 222
6.	Алеуты / Aleuts	345
7.	Эскимосы / Eskimo	27
8.	Эвены / Evens	1 780
	ВСЕГО / TOTAL	13 129

Источник: составлено автором / Source: compiled by the author

Таблица 2 / Table 2

Количество владеющих родным языком представителей КМНС, проживающих в Камчатском крае /
Number of speakers of the indigenous languages in Kamchatka Krai

№ п/п No.	Название языка / Name of the indigenous language	Языковая семья / Language family	Кол-во владеющих языком по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. / Number of speakers according to the All-Russian Census 2020
1.	Корякский / Koryak		2 344
2.	Алуторский / Alutor	Чукотско-камчатская семья / Chukotko-Kamchatkan	172
3.	Ительменский / Itelmen		459
4.	Чукотский / Chukchi		547
5.	Алеутский / Aleut	Эскимосско-алеутская семья / Eskimo-Aleut	98
6.	Эскимосский / Eskimo		8
7.	Эвенский / Even	Тунгусо-маньчжурская семья / Tungusic	850
	ВСЕГО / TOTAL		4 478

Источник: составлено автором / Source: compiled by the author

Статус витальности языков / Language vitality

№ п/п No.	Название языка / Name of the indigenous language	Языковая семья / Language family	Статус витальности / Language vitality
1.	Корякский / Korjak		2А (прерванный) — межпоколенческая передача прервана на всём ареале / 2А (interrupted) — break in the intergenerational language transmission in the area
2.	Алаторский / Alutor		2А (прерванный) — межпоколенческая передача прервана на всём ареале / 2А (interrupted) — break in the intergenerational language transmission in the area
3.	Ительменский / Itelmen	Чукотско-камчатская семья / Chukotko-Kamchatkan	1В (засыпающий) — регулярная коммуникация не происходит / 1В (inactive) — no regular communication
4.	Чукотский / Chukchi		2Б (прерывающийся) — межпоколенческая передача сохраняется на небольшой территории, которая составляет незначительную часть всего ареала сообщества / 2Б (unsafe) — intergenerational language transmission exists on the small territory
5.	Керекский / Kerek		1Б (заснувший) — последние активные носители умерли в XXI веке / 1Б (extinct) — the last speakers died in the XXI century
6.	Алеутский (беринговский и медновский) / Aleut (Bering and Medny)	Эскимосско-алеутская семья / Eskimo-Aleut	1Б (заснувший) — последние активные носители умерли в XXI веке / 1Б (extinct) — the last speakers died in the XXI century
7.	Эскимосский (чаплинский и науканский) / Eskimo (Chaplinski and Naukan)		2А (прерванный) — межпоколенческая передача прервана на всём ареале / 2А (interrupted) — break in the intergenerational language transmission in the area
8.	Эвенский / Even	Тунгусо-маньчжурская семья / Tungusic	2Б (прерывающийся) — межпоколенческая передача сохраняется на небольшой территории, которая составляет незначительную часть всего ареала сообщества / 2Б (unsafe) — intergenerational language transmission exists on the small territory

Источник: составлено автором по данным сайта ИЯз РАН от 09.01.2024.

URL: http://jazykif.iling-ran.ru/list_2022.shtml (дата обращения: 24.11.2023) /

Source: compiled by the authors according to the website of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

24 Nov. 2023, http://jazykif.iling-ran.ru/list_2022.shtml

Следует также обратить внимание на один важный момент, который осложняет подсчет говорящих на родном языке или владеющих им, — это терминологическая путаница в наименовании языков и этносов/народностей, а именно «алюторцев» и «коряков» и, соответственно, их языков. Немного схожая ситуация обстоит и с так называемым «эскимосским языком».

Обсуждение

Терминологическая путаница: алюторский и корякский языки

Чукотско-камчатская языковая семья, которая условно относится к «паеоазиатским» языкам, состоит из 5 языков:

- 1) чукотский;
- 2) корякский;
- 3) алюторский;
- 4) керекский;
- 5) ительменский.

Больше всего обсуждений как в советской, так и в современной отечественной литературе, а также в зарубежных публикациях вызывали и вызывают вопросы выделения алюторского языка как самостоятельного, вопросы классификации и выделения диалектов корякского и алюторского языков [4–13]. Оба языка, корякский и алюторский, характеризуются полиглоссией и диалектной раздробленностью (табл. 4).

Коренной народ Камчатки, по отношению к которому используется этноним «коряки», относится к этносу, который не имеет единого самоназвания. Оленные коряки называют себя *чав'чывав'* — дословно «богатые оленем» (русифицированное «чавчувены»). Оседлые коряки, проживающие на побережье Охотского и Берингово морей, используют самоназвание *нымыльу* — дословно «житель поселка» (русифицированное «нымыланы»), при необходимости уточняя название поселка, например, в'ив'ныльу «жители Вывенки», жаранэныльу «жители Караги», алутальу «жители Олюторки».

В 1930-е годы была предпринята попытка объединить оба субэтноса одним этнонимом «нымыланы» вместо традиционного «коряки» и, соответственно, использовать название «нымыланский язык» вместо «корякский язык» [14; 15]. Например, в самоучителе под названием «Самоучитель нымыланского (корякского) языка» [15] дается наиболее полное описание грамматики чавчувенского диалекта корякского языка. Это приводило к большой путанице, так как кочевые коряки (чавчувены) никогда не только не называли, но и не считали себя нымыланами. Как отмечает В.М. Нутаюлгин, корреспондент газеты «Абориген Камчатки», при выдаче паспортов кочевые коряки записывались как чукчи, так как не идентифицировали себя как нымыланы [16].

Диалекты корякского и алуторского языков / Dialects of the Koryak and Alyutor languages

Название языка / Name of the indigenous language	Диалекты / Dialectes	Проживание / Territory
1. Корякский / Koryak	Чавчувенский (наддиалектный) / Chavchunen (supradialect)	По всей территории Корякского автономного округа / All over the territory of the Koryak Autonomous Okrug
	Апукинский / Apukin	Низовье р. Апука / Downstream of Aruka river
	Паренский / Paren	Р. Парень на северо-востоке п-ва Тайгонос / Paren' river in the north-east of Taigonos peninsula
	Итканский / Itkan	с. Верхняя Иткана, с. Средняя Иткана, с. Нижняя Иткана на востоке п-ва Тайгонос / Verhnyaya, Srednyaya and Nizhnyaya Itkana villages in the east of Taigonos peninsula
2. Алуторский / Alyutor	Каменский / Kamen	Побережье Пенжинской губы / Coast of Penzhin Bay
	Алуторский (северо-восточный) / Alyutor (north-east)	Пос. Тилички, с. Вывенка, с. Хаилино, пос. Ильпырский, с. Тымлат, пос. Оссора / Tilichiki, Vyvenka, Khailino, Prys'ki, Tumlal and Ossora villages
	Рекиниковский (северо-западный) / Rekinik (north-west)	С. Тымлат, пос. Оссора / Tumlal, Ossora villages
	Паланский (юго-западный) / Palan (south-west)	Пос. Лесная, пос. Палана / Lesnaya, Palana villages
	Карагинский (юго-восточный) / Karagin (south-east)	С. Карага, с. Тымлат / Karaga, Tumlal villages

Источники: Составлено автором по данным сайта ИЯз РАН от 09.01.2024. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml/ (дата обращения: 24.11.2023) /
Source: compiled by the author. 24 Nov. 2023, http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml/

Таким образом, эти новации в наименовании не прижились и не были признаны самими коряками. В советский период было общепризнано считать, что существует единая корякская народность, что нашло отражение в создании Корякского национального округа в 1930 г. (ныне Корякский округ в составе Камчатского края), куда вошли все подразделения коряков, включая алюторцев и карагинцев [7. С. 17].

В терминологическом плане всё стало ещё сложнее, когда в 2000 году в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ был внесён этноним «алюторцы» (береговые коряки-нымыланы), а вместе с ним получил официальный статус и их язык — алюторский, который ранее рассматривался как диалект корякского языка. Среди оседлых коряков-нымыланов этноним «алюторцы» не особо приживается, так как они называют так только уроженцев с. Олюторка, закрытого в 1975 году. В широком обиходе до сих используется привычная номинация «коряки», которая соотносится как с коряками-чавчувенами, так и с коряками-нымыланами.

На данный момент в Едином перечне закреплены две народности, коряки и алюторцы. Коряки-нымыланы из других поселков, которые не идентифицируют себя как алюторцы, фактически остались без самоназвания. Таким образом, при проведении переписи населения 2020 года, когда в списках появились отдельные графы «алюторцы» и «алюторский язык», количество алюторцев (89 человек) может быть существенно занижено, так как многие коряки-нымыланы просто не идентифицировали себя как коряки-алюторцы.

Что же касается алюторского и корякского языков и того, кто, собственно, на них говорит, то здесь всё также неоднозначно.

В 1931 году была создана письменность для корякского языка на основе чавчувенского диалекта, которая была непонятна корякам-нымыланам в силу фонетических различий. Фактически коряки-нымыланы (алюторцы) остались без письменности, поэтому долгое время алюторский язык рассматривался как диалект корякского. И только в 2000 году, как уже отмечалось выше, алюторский язык получил статус отдельного языка, но при этом остался бесписьменным. Таким образом, терминологическая путаница и несоответствие в наименовании этнической идентичности, этнических групп и языков сильно осложняет ситуацию как для лингвистов, так и для самих коренных жителей. Если попытаться описать ситуацию в общих чертах, то выходит, что коряки-чавчулены и коряки-нымыланы этнически представляют собой одну этническую группу, но их языки, корякский и алюторский, классифицируются как отдельные самостоятельные языки. При этом классификация этнических групп не всегда совпадает с тем, как идентифицируют себя сами коренные жители. Например, В.М. Нутаюлгин пишет, что «несмотря на укоренившееся общее название народа „коряки“, алюторцы не идентифицируют себя с ним как одно целое», а «в Ачайваяме, считающемся по населению чу-

котским, представители молодежи корякскую чавчувенскую речь... <...> считают... чукотской» [16. С. 103].

Если корякский язык — это язык коряков-чавчувенов, то тогда язык коряков-нымыланов, который в настоящее время объединен общим названием «алюторский», было бы правильнее назвать нымыланским. Однако в силу того, что уже ранее была сделана попытка использовать термин «нымыланский» для всех диалектов корякского языка, такое нововведение, вероятно, внесёт еще большую путаницу.

Неоднозначное отношение к наименованию «алюторцы» и «алюторский язык» отражено и во всероссийских переписях населения 2010 и 2020 годов. В переписи 2010 года в 4-м томе «Национальный состав и владение языками, гражданство» в таких таблицах, как «Национальный состав населения», «Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Владение языками населением коренных малочисленных народов Российской Федерации по отдельным субъектам Российской Федерации», «Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку по отдельным субъектам Российской Федерации», отсутствуют алюторцы как национальная принадлежность и алюторский как отдельный язык. Только лишь в первой таблице «Национальный состав населения» алюторцы представлены в составе этнической группы «коряки» (каменцы, карагинцы, нымыланы) как нымыланы.

В переписи населения 2020 года в 5-м томе «Национальный состав и владение языками» в таблице «Национальный состав населения» появляется отдельная графа «алюторцы (карагинцы, намыланы, нымыланы)», однако указана она под графой «коряки», нарушая общий алфавитный порядок таблицы. В таблицах «Население коренных малочисленных народов Российской Федерации» и «Население по родному языку» алюторцы и алюторский язык указаны отдельно в рамках алфавитного порядка.

Терминологическая путаница: эскимосский язык

Неоднозначная ситуация отмечается и в отношении эскимосского языка. Эскимосско-алеутская языковая семья делится на две ветви: алеутскую и эскимосскую. Эскимосская ветвь, в свою очередь, представлена юпикской и инуитской группами. В состав юпикской группы эскимосских языков входят следующие языки/диалекты: на Чукотке — чаплинский (юго-восток Чукотки и о. Св. Лаврентия) и науканский (северо-восток Чукотки), на Аляске — язык центрально-юпикский (центральная часть побережья Аляски) и алютикий (юго-западная Аляска). Существующие на территории России два языка, чаплинский и науканский, ранее считались диалектами «эскимосского языка» или так называемого «языка азиатских эскимосов». В российской научной школе принято название «эскимосов азиатских язык», которое используется

в двух значениях: 1) условное название группы эскимосских языков на территории РФ и 2) литературный язык эскимосов на базе чаплинского языка [17. С. 593]. В американской научной литературе используется термин *Siberian Yupik* (сибирский юпик) для обозначения чаплинского языка [18].

Несмотря на то, что в последнее время науканский и чаплинский рассматриваются как самостоятельные языки, отдельных статей по ним в русскоязычных энциклопедиях пока не появилось. Так, например, в энциклопедии 1997 года «Языки мира. Палеоазиатские языки» в статье «Азиатских эскимосов язык» Г.А. Меновщиков называет науканский и чаплинский диалектами, с примечанием редакции: «современные данные позволяют считать чаплинский и науканский самостоятельными близкородственными языками» [19]. В более современных изданиях, в энциклопедическом словаре-справочнике «Языки народов России. Красная книга» [2] и в энциклопедии «Язык и общество» [17], есть только статьи «Эскимосский язык» и «Эскимосов азиатских язык», в которых говорится, что под этими названиями объединены два языка, чаплинский и науканский. Что касается международных баз данных, то в них науканский и чаплинский имеют отдельные языковые коды и классифицируются как отдельные языки. В языковом стандарте ISO 639-3 науканский имеет код *ynk* (*Naukan Yupik*), чаплинский — *ess* (*Central Siberian Yupik*) (по данным сайта ISO 639-3 от 09.01.2024. URL: <https://iso639-3.sil.org/>). В библиографической базе данных малоизвестных языков мира *Glottolog* науканский язык (*Naukan Yupik*) и чаплинский язык (*Central Siberian Yupik*) отмечены также как отдельные языки (по данным сайта *Glottolog* от 09.10.2024. URL: <https://glottolog.org/>)

Однако в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ внесено только общее самоназвание всей группы «эскимосы», соответственно, официального статуса науканский и чаплинский не имеют. Это отражено и во всероссийских переписях 2010 и 2020 годов, где эскимосы, говорящие на чаплинском и науканском языках, записывались единой этнической группой.

Федеральные и региональные законы Камчатского края о языках КМНС

В статье 1 закона Камчатского края от 31 марта 2017 года № 72 «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Камчатского края» указано, что к языкам КМНС относятся следующие языки: алеутский, алюторский, ительменский, корякский, чукотский, эвенский, эскимосский (по данным официального интернет-портала правовой информации от 09.01.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4100201704060005>) Однако в государственной программе Камчатского края «Сохранение языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Рос-

сийской Федерации, проживающих в Камчатском крае» не указан сам перечень языков КМНС Камчатского края. В Приложении № 1 Программы в показателе 1.1 *Число граждан, изучающих язык коренного малочисленного народа, включая носителей языка* указаны базовые значения на 2019 год — 900 человек и целевые значения на 2020–2025, при которых показатель к 2025 году должен вырасти до 1200 человек (по данным официального интернет-портала правовой информации от 09.01.2024. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561625382?marker>). Не очень ясно, на какие конкретно языки КМНС распространяются эти показатели.

Вопросы языковой политики регулируются Законом РФ «О языках народов РФ» (по данным официального интернет-портала правовой информации от 09.01.2024, <https://docs.cntd.ru/document/9003298>), который гарантирует равноправие языков и право изучения и обучения на родном языке. Данный закон также гарантирует «всем ее народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (статья 2, пункт 2). Также, в соответствии с федеральным законом об образовании Российской Федерации от 21 декабря 2012 г. (статья 14. Язык образования, пункт 4), граждане Российской Федерации «имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации...<...> в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании» (по данным официального интернет-портала правовой информации от 09.01.2024. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745>). Рассмотрим чуть подробнее, как реализуется данное право в Камчатском крае.

Статистические данные об изучении родных языков КМНС в Камчатском крае в 2022–2023 годах

Статистические данные об изучении родных языков КМНС представлены А.С. Волковым, заведующим кафедрой родных языков, культуры и быта Камчатского института развития образования.

Из восьми языков КМНС Камчатского края, представленных в табл. 2, в Камчатском крае изучаются только четыре языка: корякский, ительменский, эвенский и чукотский. Обучение происходит в муниципальных образованиях Корякского округа (Пенжинский, Олюторский, Тигильский, Карагинский муниципальные районы, посёлок городского типа «Палана») и Быстринском муниципальном районе.

Предметные области «Родной язык и Литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и Родная литература» реализуются в 12 образовательных организациях 6 муниципальных образований Камчатского края (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Изучение родного языка как предмета в Камчатском крае / Teaching indigenous languages in Kamchatka schools

	Муниципальное образование Камчатского края / Municipal district of Kamchatka Krai	Название образовательной организации / Name of the educational institution	Изучаемый язык / Studied language
1.	Пенжинский муниципальный район / Penzhinskiy District	«Таловская средняя школа» / Talovskaya secondary school «Аянкинская средняя школа» / Ayankinskaya secondary school	Корякский / Koryak Эвенский / Even Чукотский / Chukchi
2.	Олторский муниципальный район / Olyutorskiy District	«Хаилинская средняя школа» / Khailinskaya secondary school «Апукская средняя школа» / Arukinskaya secondary school «Ачайваямская средняя школа» / Achauyayamskaya secondary school «Средне-Пахачинская средняя школа» / Sredne-Pakhachinskaya secondary school	Корякский / Koryak
3.	Тигильский муниципальный район / Tigil'skiy District	«Воямпольская средняя общеобразовательная школа» / Voyampolskaya secondary school «Седанкинская средняя общеобразовательная школа» / Sedankinskaya secondary school «Лесновская средняя общеобразовательная школа» / Lesnovskaya secondary school	Корякский / Koryak
4.	Карагинский муниципальный район / Karaginskiy District	«Карагинская основная школа» / Karaginskaya secondary school	Корякский / Koryak
5.	Посёлок городского типа «Палана» / Urban-type settlement «Palana»	«СОШ № 1 пгт. Палана» / secondary school № 1 Palana	Корякский / Koryak
6.	Быстринский муниципальный район / Bystrinskiy District	«Анавгайская средняя общеобразовательная школа» / Anavghaiskaya secondary school	Эвенский / Even

Таким образом, корякский язык как самостоятельный предмет в урочной деятельности изучается в 10 образовательных организациях, эвенский – в 2 и чукотский — в 1. Ительменский язык изучается только в различных формах внеурочной работы (факультативы, кружки) в двух школах.

Ситуация с количеством обучающихся, изучающих родной язык КМНС как самостоятельный предмет в урочной деятельности, в принципе соотносится с общей языковой ситуацией по языкам КМНС в крае: лидирующую позицию по количеству обучающихся демонстрирует корякский язык, в среднем составляя 80 % от общего количества обучающихся. На втором месте по количеству обучающихся стоит эвенский язык, далее — чукотский.

Анализ общего количества обучающихся, изучающих родной язык как в урочной, так и в неурочной деятельности в школе, показывает позитивную тенденцию роста: 987 обучающихся в 2022/2023 учебном году по сравнению с 761 обучающимися в 2019/2020 учебном году. В десятилетней ретроспективе с 2013-го по 2023-й год эти данные выросли более чем в два раза, с 413 до 987 обучающихся.

Общее количество учителей родного языка КМНС, работающих в образовательных организациях Камчатского края — 26, из них: 21 учитель корякского языка, 3 учителя эвенского языка, 1 учитель ительменского языка и 1 учитель чукотского языка. Здесь тоже можно отметить небольшой рост по сравнению с данными 2019 года (21 учитель родного языка КМНС).

Заключение

В Камчатском крае проживает восемь коренных малочисленных народов Севера: алеуты, алюторцы, ительмены, камчадалы, коряки, чукчи, эвены (ламуты), эскимосы. В соответствии с законом Камчатского края от 31 марта 2017 года № 72 «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Камчатского края», к родным языкам КМНС, проживающих на территории края, относятся семь языков: алеутский, алюторский, ительменский, корякский, чукотский, эвенский, эскимосский. Из них алеутский уже «умер»: последние носители алеутского языка ушли из жизни в 2021 и 2022 годах; на территории России носителей алеутского языка больше нет. Не представленный в списке 2017 года керекский язык также исчез с уходом из жизни последнего носителя в 2005 году. Оставшиеся языки, по оценкам Института языкознания РАН, находятся под угрозой исчезновения. Однако статистические данные по изучению родных языков в средних школах в Камчатском крае обнадеживают, показывая хотя и небольшую, но всё же тенденцию роста обучающихся родным языкам.

Диалектная раздробленность языков, терминологическая путаница в наименовании языков и народностей осложняет ситуацию с подсчётом как представителей народности, так и реальных носителей языка.

Выработка единой терминологии в наименовании этнических групп и языков и их законодательного закрепления должна проводиться не только государственными органами власти, но и совместно с лингвистами и с учётом интересов самих представителей коренных малочисленных народов. В докладе за 2022 год по вопросам соблюдения и защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Камчатского края, опубликованном в 2023 году Уполномоченным по правам человека в Камчатском крае, говорится о предложении Губернатора Камчатского края внести изменения в Единый перечень и в Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, дополнив позицию «коряки» этнонимами «нымыланы, чавчувены» (по данным сайта «Уполномоченные в Камчатском крае» от 09.01.2024. URL: <https://prava41.ru/dokdad-upolnomochennogo-po-pravam-kmn/>). Из этого предложения, однако, не очень понятно, что будет с этнонимом «алюторцы», которые тоже относятся к нымыланам.

Сохранение родного языка является одним из главных условий обеспечения идентичности коренных малочисленных народов. Несмотря на то, что современная языковая политика Камчатского края нацелена на поддержание и развитие языков коренных малочисленных народов, наличие каких-то бы ни было законов не способно решить проблему исчезновения языков без заинтересованного участия взрослых и детей коренных малочисленных народов. Без так называемых инициатив снизу практически невозможно повлиять на остановку языкового сдвига в Камчатском крае.

Список литературы

1. *Мурашко О.А.* Камчадалы // Большая российская энциклопедия. Электронная версия, 2016. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2801651> (дата обращения: 09.01.2024).
2. Языки народов России. Красная книга: энциклопедический словарь-справочник / под общ. ред. проф. В.П. Нерознак. М.: Academia, 2002.
3. *Головки Е.В.* Минус алеутский: каким был язык, который мы потеряли // Онлайн-заседание отдела языков народов России ИЛИ РАН 19 марта 2021 г.
4. *Стебницкий С.Н.* Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка // Советский Север. Л., 1938. С. 65–102.
5. *Жукова А.Н.* Алюторский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968. С. 294–309.
6. *Скорик П.Я.* К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков // Вопросы языкознания. 1958. № 1. С. 21–35.
7. *Вдовин И.С.* Очерки этнической истории коряков. Ленинград: Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1973.
8. *Муравьева И.А.* Алюторский язык как представитель чукотско-камчатской семьи языков // Acta linguistica petropolitana: труды института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. С. 218–244.

9. Мальцева А.А. Морфология глагола в алыторском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
10. Пронина Е.П. Диалекты, говоры нымыланов // Сохранение и возрождение традиционных обрядовых праздников у береговых коряков (нымыланов). Краснодар: Издательство Камшат, 2004. URL: http://www.siberian-studies.org/publications/praznym_R.html (дата обращения: 09.01.2024).
11. Голованева Т.А. Корякская письменность: проблемы функционирования // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (33). С. 6–15.
12. Нагаяма Ю. Очерк грамматики алыторского языка. Киото, 2003.
13. Куребито М. Сравнительный базовый словарь языков чукотско-камчатской языковой семьи. Япония, 2001.
14. Стебницкий С.Н. Учебник нымыланского (корякского) языка: грамматика и правописание. Ч. 1. М.-Л.: 1935.
15. Корсаков Г.М. Самоучитель нымыланского (корякского) языка. Изд. 2-е испр. и доп. Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство, Ленинградское отделение, 1940.
16. Нутаюлгин В.М. О статусе алыторского языка // Сборник материалов международного научно-методического семинара, Петропавловск-Камчатский, 22–23 октября 2008 года. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный технический университет, 2010. С. 102–105.
17. Язык и общество: энциклопедия / гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.
18. de Reuse W.J. Encyclopedia of Language & Linguistics // Polysynthetic Language: Central Siberian Yupik. 2006. P. 745–748. <http://doi.org/10.1016/b0-08-044854-2/04669-1>
19. Меновицков Г.А. Азиатских эскимосов язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997. С. 75–81. URL: <http://www.philology.ru/linguistics4/menovshikov-97.htm> (дата обращения: 09.01.2024).
20. Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014.

References

1. Murashko, O.A. 2016. The Kamchadals. The Great Russian Encyclopedia. Retrieved from: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2801651> (in Russ.).
2. Neroznak, V.P., eds. 2002. The Red Book of the Languages of Russia. The Encyclopedia. Moscow: Academia publ. Print. (In Russ.).
3. Golovko, E.V. 2021. Aleutian: what was the language that we lost. Online meeting of the Department of Languages of the Peoples of Russia ILI RAN, March 19, 2021. (In Russ.).
4. Stebnickij, S.N. 1938. Alyutor dialect of the Nymylan (Koryak) language. Sovetskij Sever. Leningrad, pp. 65–102. Print. (In Russ.).
5. Zhukova, A.N. 1968. Alyutor language. Languages of USSR. In 5 vol. Vol 5. Leningrad, pp. 294–309. Print. (In Russ.).
6. Skorik, P.Ya. 1958. Classification of Chukotko-Kamchatkan languages. Topics in the study of language, no. 1, pp. 21–35. Print. (In Russ.).
7. Vdovin, I.S. 1973. Essays on the ethnic history of the Koryaks. Leningrad: Izd-vo «Nauka» Leningradskoe otdelenie. Print. (In Russ.).
8. Murav'eva, I.A. 2013. Aliutor as a member of the Chukchi-Kamchatkan language family. Acta linguistica petropolitana edited by N.N. Kazansky. Saint Petersburg: Nauka publ., pp. 218–244. Print. (In Russ.).

9. Mal'ceva, A.A. 1998. The morphology of the verb in the Alyutor language. Novosibirsk: Siberian chronograph. Print. (In Russ.).
10. Pronina, E.P. 2004. Dialects of Nymylan. Preservation and revival of traditional ritual holidays among the coastal Koryaks (Nymylans). Krasnodar: Izdatel'stvo Kamshat. Retrieved from: http://www.siberian-studies.org/publications/praznym_R.html (In Russ.).
11. Golovaneva, T.A. 2019. Koryak writing: functioning problems. Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki, no. 1, pp. 6–15. Print. (In Russ.).
12. Nagayama, Yu. 2003. Grammatical outline of Alyutor. ELPR publication series A2-038. Kyoto. Print. (In Russ.).
13. Kurebito, M. 2001. Comparative Basic Vocabulary of the Chukchee-Kamchatkan Language Family. Kyoto.
14. Stebnitsky, S.N. 1935. The textbook of the Nymylan (Koryak) language: grammar and spelling. Part. 1. Moscow-Leningrad. Print. (In Russ.).
15. Korsakov, G.M. 1940. The textbook of the Nymylan (Koryak) language. Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, Leningradskoe otdelenie. Print. (In Russ.).
16. Nutajulgin, V.M. 2010. About the status of the Alyutor language. Sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo seminar, Petropavlovsk-Kamchatskij, 22–23 October, 2008. Petropavlovsk-Kamchatka State Technical University, pp. 102–105. Print. (In Russ.).
17. Mikhlanchenko, V.Yu., eds. 2016. Language and society. Encyclopedia. Moscow: Azbukovnik Publishing Center. Print. (In Russ.).
18. de Reuse, W.J. 2006. Encyclopedia of Language & Linguistics. Polysynthetic Language: Central Siberian Yupik, pp. 745–748. <http://doi.org/10.1016/b0-08-044854-2/04669-1>
19. Menovshnikov, G.A. 1997. Asian Eskimo Language. Languages of the world: Paleoasiatic languages. Moscow, pp. 75–81. Web. <http://www.philology.ru/linguistics4/menovshnikov-97.htm> (In Russ.).
20. Aref'ev, A.L. 2014. Indigenous minority languages of North, Siberia and the Far East of Russia in the system of education. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Файзрахманова Юлия Сулеймановна — кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории изучения региональных проблем системы образования Камчатского края, Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга. eLibrary SPIN-код: 2347-8382; ORCID: 0000-0003-2316-0982; E-mail: juliafayz@gmail.com

Bio note:

Yulia S. Fayzrakhmanova is a PhD in Philology, Researcher, Laboratory for Educational Research in Kamchatka, Vitus Bering Kamchatka State University. eLibrary SPIN-code: 2347-8382; ORCID: 0000-0003-2316-0982; E-mail: juliafayz@gmail.com

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

BILINGUAL EDUCATION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-58-71

EDN: ZXXZUG

Научная статья / Research article

Морфемно-грамматический словарь русских глаголов как средство формирования интуитивного знания языка

Т.Л. Ляхнович¹ , Т.В. Ващекина²

¹ Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции
и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия,
Республика Беларусь, 213410, Могилевская обл., г. Горки., ул. Мичурина, 5

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

 vvkttl@mail.ru

Аннотация. Представлены принципы построения морфемно-грамматического словаря русских глаголов, созданного в рамках системной лингвистики. В качестве рабочей гипотезы для создания словаря была избрана концепция Г.П. Мельникова, согласно которой русский глагол, помимо бинарной категории вида, имеет еще и градуальную «количественную» категорию, которую он предложил называть категорией степени действия (КСД). Формальными показателями грамматического значения КСД являются суффиксы -ну-, -Ø-, -е-, -и-, -ыва-. Г.П. Мельников считал, что учет КСД и выделение в парадигме глагола единой степенной основы, произведенное после восстановления фактического морфемного состава каждой глагольной формы, позволило бы объяснить многие нерегулярности в глагольном формо- и словоизменении. Анализ функционирования КСД в современном русском языке показал, что она имеет большое прикладное значение. Суффиксы, оформляющие КСД, явились удобным критерием для разбиения русских глаголов на морфологические классы, которые в свою очередь позволили упорядоченно представить русские глаголы в лексикографическом описании. В статье раскрываются принципы морфемного анализа, которые были использованы для отождествления корневых и суффиксальных алломорфов, приводится краткое описание морфологических классов глаголов, а также объясняется структура словарной статьи, которая представляет собой матрицу. Матричная запись позволяет компактно представить все суффиксальные и префиксальные формы глагола в систематизирован-

ном виде, дает возможность наглядно показать грамматическую и морфонологическую информацию, этимологические и словообразовательные связи внутри глагольной системы. Морфемные матрицы обладают высоким объяснительным потенциалом, так как они дают богатый материал для изучения механизмов образования слов, наблюдений над особенностями комбинаторики морфем. Морфемные матрицы значительно расширяют потенциальный запас слов, способствуют выработке языкового чутья, облегчают приобретение морфемно-семантической интуиции.

Ключевые слова: системная лингвистика, категории глагола, глагольные суффиксы, морфема, морфологические классы глаголов, словарная статья, матрица

История статьи: поступила в редакцию 29.12.2023; принята к печати 12.01.2024

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Для цитирования: Ляхнович Т.Л., Ващекина Т.В. Морфемно-грамматический словарь русских глаголов как средство формирования интуитивного знания языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 58–71. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-58-71>

Morpheme-Grammar Dictionary of Russian Verbs as a Means of Forming Intuitive Knowledge of the Language

Tatiana L. Liakhnovitch¹ , Tatiana V. Vashchekina²

¹ Belarusian State Orders of the October Revolution
and the Red Banner of Labour Agricultural Academy,
5 Michurina St, Gorki, Mogilev region, 213410, Republic of Belarus

² Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

✉ vvkttl@mail.ru

Abstract. The study describes the principles of designing a morpheme-grammar dictionary of Russian verbs within the framework of systemic linguistics. As a working hypothesis for the creation of the dictionary the concept of G.P. Mel'nikov was chosen according to which the Russian verb, in addition to the binary category of aspect, also has a gradual “quantitative” category, which he proposed to name the category of action degree (CAD). The formal indicators of the grammatical meaning of the CAD are the suffixes *-ну-*, *-Ø-*, *-е-*, *-и-*, *-ыва-*. G.P. Mel'nikov believed that taking into account the CAD and highlighting a single stem in the verb paradigm after restoring the actual morphemic composition of each verb form would explain many irregularities in verb inflection and derivation. The analysis of the functioning of the CAD in modern Russian has shown that it has a great applied significance. Suffixes of CAD turned out to be a convenient criterion for dividing Russian verbs into morphological classes, which in turn have made it possible to present Russian verbs in an orderly manner in a lexicographic description. The article reveals the principles of morphemic analysis for identification of root and suffix allomorphs, provides a brief overview of morphological classes of verbs, and explains the structure of the dictionary entry which is a matrix. Matrix notation allows us to compactly represent all suffix and prefix forms of the verb in a systematic way, makes it possible to graphically show grammatical and morphological information as well as etymological and word-formation

relationships within the verb system. Morphemic matrices have a high explanatory potential because they offer rich material for studying the mechanisms of word formation and observing the peculiarities of morpheme combinations. Morphemic matrices significantly expand the potential vocabulary, contribute to the development of a feeling for language, and facilitate the acquisition of morpheme-semantic intuition.

Key words: systemic linguistics, verb categories, verb suffixes, morpheme, morphological classes of verbs, dictionary entry, matrix

Article history: received 29.12.2023; accepted 12.01.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution: undivided co-authorship.

For citation: Liakhnovitch, T.L., and T.V. Vashchekina. 2024. "Morpheme-grammar dictionary of Russian verbs as a means of forming intuitive knowledge of the language." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 58–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-58-71>

Введение

О значительной роли языкового чутья в овладении языковой системой и речевой деятельностью говорили такие ученые, как Бодуэн де Куртенэ, В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, А.А. Потебня, Л.В. Щерба и др. В частности, Бодуэн де Куртенэ как создатель учения о фонеме довольно активно пользовался понятием чутья языка. По его мнению, состав фонем и их различие находят свое отражение в сознании носителей языка, в его языковом чутье, которое реагирует на фонемные изменения, а не звуковые. Он понимал взаимозависимость между системой фонем и чутьем языка [1].

В современной лингвистической и лингводидактической литературе понятия «языковая интуиция», «языковое чутье» («чувство языка») также используют многие ученые, однако однозначного и общепринятого определения этих понятий до сих пор не существует.

Что обычно понимают под «языковой интуицией»? Что такое «языковое чутье» («чувство языка»), «языковая догадка», «имплицитное (интуитивное) знание»? Существуют разные трактовки этих понятий, но исследователи, как правило, выделяют следующие характеристики феномена «языковое чутье»: интуитивное понимание закономерностей построения языка; умение понимать взаимосвязанную иерархическую структуру языка; внутреннее, интуитивное, неосознанное владение языковой системой; «органичное соединение имплицитного знания о языке и созданного в процессе речевого опыта некоего внутреннего образа тех или иных языковых явлений, основанного на бессознательном (донаучном) обобщении» [2. С. 66].

В современной методике обучения русскому языку «чувство языка» является важнейшей методической категорией [2. С. 65], так как оно предполагает умение видеть и усваивать закономерности языка. Поэтому формирование и развитию языковой интуиции у студентов, изучающих русский язык,

должно уделяться большое внимание, и одним из эффективных средств в этом отношении может выступить морфемно-грамматический словарь русских глаголов, разработанный в рамках системной лингвистики.

Морфемно-грамматический словарь русских глаголов является словарем нового типа, так как в нем впервые в лексикографической практике материал систематизируется на основе степенной морфологической классификации глаголов с помощью морфемных матриц.

Как представляется, такой словарь представляет необходимую справочную информацию по грамматике, морфемике, этимологии, по словоизменению и словообразованию глагола. Он способен дать ответы на «разные в качественном отношении запросы одного и того же читателя» [8. С. 188].

Обсуждение

Идентификация суффиксов, оформляющих категорию степени действия

Степенная морфологическая классификация глаголов строится на основе категории степени глагольного действия (КСД) (подробнее о категории степени глагольного действия см. [3; 4]). Глаголы распределяются по классам в соответствии с наличием в их составе того или иного степенного суффикса. Г.П. Мельников распределил суффиксы, оформляющие КСД, на двухуровневой степенной шкале, где абстрактно представляемая мера ‘количественности’ каждого суффикса выражена с помощью числа [5; 6]; (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Шкала степенных глагольных суффиксов / Scale of verbal suffixes

№	1	2	3	4	5
А)	-ну-	-∅-	-Е ¹ -	-а-	-ыва-
Б)	-jну-	-j∅-	-и-	-ja-	-jыва-

Глагол в русском языке отличается повышенной синтетичностью, что затрудняет проведение межморфемных границ. Обилие консонантных и вокалических чередований в корне приводит к его нестабильности, большое качественное разнообразие вариантов корня нередко вводит в заблуждение лингвистов, занимающихся процедурой отождествления корневых алломорфов. Еще большую трудность вызывает идентификация суффиксальных алломорфов глагола. Репрезентантом глагольного суффикса, как правило, явля-

¹ Большая буква -Е- означает, что в современном русском языке этот суффикс, восходящий к -*ē-, может иметь разные графические обозначения.

ется лишь одна фонема, морфемоотожествляющая функция которой весьма невелика. Неявность же, неочевидность значения глагольных суффиксов делает невозможным обращение к смысловому критерию для корректировки членения, проведенного на основе формальной аналогии.

Поэтому для идентификации суффиксальных алломорфов глагола помимо общепринятых критериев морфемного анализа (принцип максимально дробного членения слов, принцип формальной аналогии и принцип смыслового сходства) использовался также принцип этимологического контроля. Последовательный учет генетического аспекта в морфемном анализе, а также применение в качестве дополнительного диагностирующего средства шкалы степенных глагольных суффиксов и степенной морфемной матрицы позволили избежать субъективности при вычленении и идентификации корневых и суффиксальных алломорфов глагола. Этимологический контроль позволил учесть все исторические чередования и достоверно провести морфемную границу между корнем и суффиксом, отделяя случайные, технические элементы слова от подлинного суффикса: *поло-Ø-ть* (не *пол-о-ть*), *бр-а-Ø-ть* (не *бр-а-ть*), *на-ча-Ø-ть* (не *на-ч-а-ть*), *у-мере-Ø-ть* (не *у-мер-е-ть*) и т.п.

Сравнение глагола с однокорневыми степенными коррелятами позволило проверить предположение о степенном грамматическом значении суффикса, ранг которого на шкале обозначен числом. Сравн. следующие степенные ряды: *со-бр-а-Ø-ть* : *со-бир-а-ть*; *на-ча-Ø-ть* : *на-чин-а-ть*; *с-тере-Ø-ть* : *с-тир-а-ть*; *дых-ну-ть* : *дыш-а-ть* (<дых-Ъ-ти) : *дых-а-ть*; *фырк-ну-ть* : *фырч-а-ть* (<фырк-Ъ-ти) : *фырк-а-ть*; *рык-ну-ть* : *рыч-а-ть* (<рык-Ъ-ти) : *рык-а-ть*; *хруст-ну-ть* : *хруст-е-ть* : *хруст-а-ть*, *у-по-мя-ну-ть* : *у-по-мн-и-ть* : *у-по-мин-а-ть* и др.

Степенная морфологическая классификация глаголов

В результате разбиения глаголов на классы в соответствии с наличием в их составе того или иного степенного суффикса образуется пять основных классов, каждый из которых делится на два подкласса в зависимости от принадлежности суффикса к «верхнему» (А) или «нижнему» (Б) ряду степенной шкалы (см. табл. 1). Внутри подклассов выделяются более мелкие группы в том случае, если степенной суффикс в современном русском языке представлен несколькими алломорфами, а также если глаголы характеризуются некоторыми особенностями формообразования. В качестве индексов подклассов и подгрупп используются алломорфы степенных суффиксов в их орфографической записи с добавлением условных обозначений, призванных пояснить чередования на стыках морфем.

1-й класс включает подгруппы с индексами **-ну¹**- (*сох-ну-ть* / *сох-л-а*, *за-вя-ну-ть* / *за-вя-л-а*), **-ну²**- (*толк-ну-ть*, *дер-ну-ть*), **-ану-** (*толк-ану-ть*, *дерг-ану-ть*), **-јну-** (*шевел-ьну-ть*, *пал-ьну-ть*).

В «верхнем» подклассе **2-го класса** (индекс **-Ø-**) объединяются все первообразные атематические и тематические глаголы (*вес-Ø-ти, тере-Ø-ть, да-Ø-ть, ши-Ø-ть, коло-Ø-ть*).

К «нижнему» подклассу 2-го класса (индекс **-jØ-**) относятся глаголы типа *лиз-а-ть, лиж-е-шь; ла-я-ть, ла-е-шь; рис-ов-а-ть, рис-у-е-шь*. Характерной особенностью глаголов этого подкласса является наличие у них контаминированного инфинитива на *-ать*.

«Верхний» подкласс **3-го класса** включает все глаголы с суффиксом, восходящим к *-*ē-*. В зависимости от современного орфографического облика этого суффикса и особенностей спряжения глаголов в данном подклассе выделяется несколько подгрупп: 1) **Ъ>е/и** (*вид-е-ть, смотр-е-ть*); 2) **Ъ>а/и** (*крич-а-ть, слыш-а-ть*); 3) **Ъ>а/а** (*дич-а-ть, ум-н-ич-а-ть*); 4) **Ъ>е/е** (*зелен-е-ть, красн-е-ть*); 4) **Ъ>и/и** (*мн-и-ть, воз-о-мн-и-ть, по-мн-и-ть, у-со-мн-и-ть-ся*) и др.

К «нижнему» подклассу 3-го класса относятся все глаголы продуктивного типа с суффиксом *-и-* (индекс **-и-**): *черн-и-ть, бел-и-ть*.

Глаголы **4-го класса** подразделяются на следующие подгруппы:

1) **-а-** (*лет-а-ть, блист-а-ть*), 2) **-ва-** (*об-мы-ва-ть, за-ши-ва-ть, проби-ва-ть*), 3) **-е-ва-** (*за-бол-е-ва-ть, о-скуд-е-ва-ть*), 4) **-ја-** (*раз-гуж-а-ть, под-слащ-а-ть, о-стуж-а-ть*), 5) **-jА-** (*при-лепл-я-ть, о-дар-я-ть*).

В **5-м классе** выделяются подгруппы со следующими индексами:

1) **-ыва-** (*вы-лам-ыва-ть, на-кат-ыва-ть*), 2) **-jВа-** (*вы-дерг-ива-ть, по-сверк-ива-ть*), 3) **-jjВа-** (*вы-лепл-ива-ть, за-мораж-ива-ть*).

Таким образом, при разбиении глаголов на классы были выдержаны три главных требования, выдвинутых в лингвистической литературе к построению морфологической классификации глаголов:

- 1) опора на морфемную структуру слова;
- 2) единственность и значимость классификационного признака;
- 3) выделение единой основы для всех форм спряжения.

Степенная морфемная матрица

Составление степенных морфемных матриц, включающих все префиксальные и суффиксальные дериваты глаголов с этимологически тождественным корнем, является заключительным этапом морфемного анализа глаголов. Если анализ морфемной структуры глаголов произведен правильно, то в матрице глаголы с определенными морфонологическими и грамматическими (вид, степень) характеристиками, а также с определенными словоизменительными и словообразовательными особенностями занимают строго закономерное место.

Морфемная матрица состоит из горизонтальных рядов (строк) и колонок (табл. 2–8). Пять основных колонок матрицы являются аналогами степенных классов глаголов. Слева от матрицы приводится исходный вид корня

глаголов данного гнезда (подгнезда), а сверху колонок матрицы указывается тот алломорф (алломорфы), которым представлен корень в глаголах данного класса. Например, у глаголов 2-го класса (подгруппа -Ø-) степенная основа, фактически совпадающая с корнем, сильно варьируется. Для наглядной подачи информации о специфике формообразования таких глаголов используется понятие парциальных основ — основы инфинитива (прошедшего времени) и основы настоящего времени. В вершину колонки 2-го класса выносятся алломорфы, записанные в виде дроби, при этом в числителе подается алломорф, представленный в формах инфинитива (прошедшего времени), а в знаменателе — в презентных формах (табл. 2, 8).

Таблица 2 / Table 2

Образец морфемной матрицы / Example of a morphemic matrix

№	№ 1	ПЛЕТ			$\frac{\text{плес (пле)}}{\text{плет}}$		плет		
				1	2	3	4	5	
			Инд. Преф.		-Ø-		-á-		Постфикс
		А)	Ø		+				
			в-		+		+		
			вы-		+		+		
			и т.д.						

	№ 2	ПЛОТ				плот		плáч	
				1	2	3	4	5	
			Инд. Преф.			-и'-		-jЫва-	Постфикс
		Б)	Ø			+			
			на-			+			
			пере-			+			
			с-			+		+	

Ниже корневого алломорфа записывается индекс класса, совпадающий, как правило, с орфографическим обликом степенного суффикса в современном русском языке. Индекс указывает на тип парадигмы глагола. В горизонтальных рядах матрицы, сверху вниз, в алфавитно-«словообразовательном» порядке перечислены префиксы. На пересечении колонок и строк матрицы знаком «+» отмечается наличие в современном русском языке глагола, степенная (или общая формообразовательная) основа которого синтезируется из заданного префикса, корневого и суффиксального алломорфа. По сути, матричный морфемно-грамматический словарь являет собой реализацию замысла Р. Якобсона о создании словаря, перечисляющего только «полные основы», достаточные для того, чтобы читатель составил себе адекватное

представление о спряжении глагола [7]. Внутри матрицы в каждом степенном ряду однокорневых глаголов (напр., *при-ль-ну-ть*: *при-лип-ну-ть* (СВ)/ *при-лип-а-ть*; *при-леп-и-ть* (СВ) / *при-лепл-я-ть* : *при-лепл-ива-ть*) цветом отмечается зона совершенного вида, всегда расположенная слева (табл. 2–8).

Таблица 3 / Table 3

Образец морфемной матрицы / Example of a morphemic matrix

№	№ 1	ЛьП		ль	лип		лип			
				1		2	3	4	5	
			Инд. / Преф.	-ну ² -	-ну ¹ -			-á-		Постфикс
		А)	∅	+	+					
			в-		+			+		
			на-	+	+			+		
			и т.д.							

	№ 2	ЛЕП			леп	лепл	лѐпл			
				1	2	3	4	5		
			Инд. / Преф.			-и´-	-jA´-	-jЫва-		Постфикс
		Б)	∅			+				
			в-			+				
			вы-			+	+	+		

Таблица 4 / Table 4

Образец морфемной матрицы / Example of a morphemic matrix

№	№ 1	ЗВЕН			звен					
				1	2	3	4	5		
			Инд. / Преф.			Ъ> ^é _{и´}				Постфикс
		А)	∅			+				
			за-			+				
			от-			+				
			и т.д.							

	№ 2	ЗВОН			звон		звѧн			
				1	2	3	4	5		
			Инд. / Преф.			-и´-		-jЫва-		Постфикс
		Б)	∅			+				
			вы´-			+		+		
			до-			+		+		(-ся)

Слева от матрицы выделяется несколько дополнительных вертикальных зон: в крайней левой указывается номер гнезда в сплошной нумерации, правее следует номер зоны данного гнезда, еще правее — колонка, в которой условной записью представлен **основной вид корня**.

Матричный словарь морфем ориентирован преимущественно на графический облик алломорфов, поэтому всевозможные условные обозначения, объясняющие особенности комбинирования морфем, сведены к минимуму. Это существенно облегчает синтезирование форм необходимого глагола из заданных в матрице корней и аффиксов. Для синтезирования **степенной основы** (СО) необходимо взять тот префикс и тот корневой и суффиксальный алломорф, которые отмечены в соответствующих графах. Все остальные категориальные формы образуются путем добавления к СО необходимых аффиксов по модели, приведенной во вступительном комментарии. Например, для синтезирования инфинитива к СО присоединяется показатель инфинитива и постфикс, если в графе ‘постфикс’ указано, что без **-ся(сь)** данный глагол не употребляется. Ударение всякий раз стоит на соответствующем алломорфе — либо на корне, либо на суффиксе, напр.:

за+грем+е+ть, раз+гром+и+ть, о+глох+ну+ть, о+глуш+и+ть,
до+сох+ну+ть, до+суш+и+ть, до+сущ+ива+ть (табл. 5–7)

Таблица 5 / Table 5

Образец морфемной матрицы / Example of a morphemic matrix

№	№ 1	СБХ		сох			сых		
				1	2	3	4	5	
			Инд. Преф.	-ну ¹ -			-á-		Постфикс
		А)	∅	+					
			вы´-	+			+		
			до-	+			+		
			и т д.						

	№ 2	СУХ				суш	суш	суш	
				1	2	3	4	5	
			Инд. Преф.			-и´-	-já-	-jЫва-	Постфикс
		Б)	∅			+			
			вы´-			+		+	
			до-			+		+	
			за-			+		+	
			ис-			+	+		

Условная запись -j- в индексах (-jИва-, -ja-/jА-) указывает на скрытое присутствие -j- в альтернантах -ш- (о+глуш+а+ть, ис+суш+а+ть, за+суш+ива+ть), -жд- (о+хлажд+а+ть), -пл- (цепл+я+ть) и т.д. При синтетизировании инфинитива этот -j- не записывается.

Большая буква в индексе, например -jИва-, -jА-, означает, что после конечного шипящего, заднеязычного или смягченного согласного корня степенной суффикс орфографически обозначается посредством -ива-, -я- (за+суш+ива+ть, при+лепл+я+ть).

Таблица 6 / Table 6

Образец морфемной матрицы / Example of a morphemic matrix

№	№ 1	ГРЕМ		грэм		грэм			
				1	2	3	4	5	
			Инд. Преф.	-ну ² -		Ъ ^é и'			Постфикс
		А)	∅	+		+			
			вз-			+			
			за-			+			
			и т.д.						

	№ 2	ГРОМ		гром		гром			
				1	2	3	4	5	
			Инд. Преф.			-и'-			Постфикс
		Б)	∅			+			
			по-			+			
			раз-			+			

Таблица 7 / Table 7

Образец морфемной матрицы / Example of a morphemic matrix

№	№ 1	ГЛbX		глобх					
				1	2	3	4	5	
			Инд. Преф.	-ну ¹ -					Постфикс
		А)	∅	+					
			за-	+					
			о-	+					
			и т.д.						

	№ 2	ГЛУХ		глуш	глуш				
				1	2	3	4	5	
			Инд. Преф.			-и'-	-já-		Постфикс
		Б)	∅			+			
			за-			+	+		
			о-			+	+		

Каждая словарная статья в данном словаре представляет собой этимологическое гнездо, в вершину которого выносятся исходный корень. В состав гнезда может входить одна или несколько морфемных матриц, отражающих системные связи глаголов с исходным и производным, этимологически родственным корнем, напр.: ЖИ (жи-ть) и ЖИ·В (О-ЖИВ-И-ТЬ), КРАС (крас-и-ть) и КРАС·Н (крас н-е-ть).

Таблица 8 / Table 8

Образец морфемной матрицы / Example of a morphemic matrix

№	№ 1	МБР		1	мере (мер)	3	мир	4	5	
					мр					
				1	2	3	4	5		
			Инд. Преф.		-Ø-		-á-			Постфикс
		А)	Ø		+					
			вы´-		+		+			
			за-		+		+			
			и т.д.							

	№ 2	МОР		1	2	мор	3	4	5	
		Б)	Ø				+			
			вы´-				+		+	
			за-				+		+	

Заключение

Морфемные матрицы являются эффективным средством систематизации материала и повышения информативности словаря. С помощью морфемной матрицы удастся создать пространственный образ морфемной структуры глаголов и их грамматических характеристик (класс, особенности спряжения, степень, вид), отразить синхронные и диахронные деривационные и смысловые связи и другие сведения.

Словарь, насыщенный столь разнообразной информацией, может служить справочником по грамматике, морфемике, этимологии, по словоизменению и словообразованию глагола.

Матричный морфемно-грамматический словарь может быть использован также как учебное пособие в русскоязычной и иностранной аудитории. Словарь обладает высоким объяснительным потенциалом, в нем реализуется постулат об эксплицированности и демонстрирующей методике (В.В. Мор-

ковкин). Например, в морфемной матрице каждый вариант корня, характеризующийся как вокальными, так и консонантными чередованиями, всегда занимает определенное место. Упорядоченным расположением корневых алломорфов, путем введения незначительных условных обозначений в индексы классов, а также с помощью приводимого слева от матрицы основного (реконструированного) вида корня наглядно объясняются имеющиеся в корне чередования.

Таким образом, с помощью матрично-гнездовой подачи материала отражаются морфонологические характеристики глагольной системы, дается наглядное представление о правилах выбора морфов одной морфемы, строящих свой альтернативный ряд по определенному образцу, причем в словаре упорядочены как морфонологически маркированные корневые алломорфы, так и альтернирующие суффиксальные алломорфы.

В морфемных матрицах соблюдена многоуровневая иерархичность в расположении материала: «горизонтальная иерархичность» в пределах одного ряда, напр., иерархия суффиксов 1-5-го классов: -ну-, -Ø-, -е-(-и-), -а- (-ва-, -ја-), -ыва- (-јыва-), иерархия альтернирующих корневых морфов в степенном ряду: *сох* / *сых*, *др-а* / *дир*, *бр-а* / *бир* и т.д.; «вертикальная» иерархичность в пределах одной матрицы и всего гнезда, напр., апофоническая иерархия вариантов корня: -лѣп-/-леп-, -гряз-/-груз-, -сох-/-сух-, -верт-/-ворот- и т.д., иерархия производных корней: ЗНА — ЗНА·К — ЗНАК·ОМ — ЗНА·МЕ·Н — ЗНА·Х·АР.

Словарь, в котором показаны исторические связи корней, вскрыты причины многообразных гетерогенных и гетерохронных чередований в сложной морфонологической системе глагола, может найти применение на занятиях по морфемике, грамматике, орфографии, словообразованию.

Иностранцам, овладевающим русским языком на начальном и продвинутом этапах, словарь поможет расширить потенциальный запас слов, выработать чутье к формально-языковым построениям, приобрести морфемно-семантическую интуицию, облегчит усвоение русской глагольной системы, позволит лучше понять такие специфические категории славянского глагола, как вид и степень.

На основе матричного морфемно-грамматического словаря может быть разработана новая методика преподавания системы русского глагола в иноязычной аудитории. Традиционная практика представления перфективов и имперфективов только в виде бинарной оппозиции, а также только в направлении от глагола НСВ к глаголу СВ (*вылепливать* → *вылепить*) представляется в настоящее время несовершенной, так как означает отказ от овладения системой всех суффиксальных и префиксальных форм глагола и серьезно искажает деривационные связи.

При усвоении спряжения и видов глагола студенты не механически запоминают глагольные формы, а учатся образовывать, с учетом всех не-

обходимых преобразований, соотносительные формы «бóльших» классов от глаголов меньших классов (напр., *вы-леп-и-ть* → *вы-лепл-я-ть*, *вы-лепл-ива-ть*, *на-гре-ть* → *на-гре-ва-ть*) или подбирать префиксальные формы к бес-префиксным имперфективам (*гре-ть* – *на-гре-ть*, *по-гре-ть*, *со-гре-ть*).

Таким образом, матричное предъявление глагольных семей активизирует логические и зрительные механизмы памяти, формирует у студентов адекватное представление о богатстве суффиксальных и префиксальных глагольных форм, о разнообразии корневых алломорфов, о морфологической структуре глагола, научает разбираться в семантических особенностях соотносительных степенных и видовых форм, способствует скорейшему усвоению значения префиксальных, суффиксальных и корневых морфем, демонстрирует координационные и субординационные отношения глагольных классов и групп.

Список литературы

1. Богомазов Г.М. Соотношение понятий чутье языка, чувство языка, языковая компетенция, языковая способность // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 33–39.
2. Чибухашвили В.А. Функциональные особенности языковой интуиции и условия ее использования в речевом развитии школьника // Вестник ТГУ. Вып. 4 (72). 2009. С. 63–69.
3. Ляхнович Т.Л. Объяснение вариантности морфемной структуры глаголов с позиций системной лингвистики // Языковая системология: К 85-летию профессора Геннадия Прокопьевича Мельникова: сборник статей: материалы Международной научной конференции. Москва, РУДН, 21 февраля 2013 г. М.: РУДН, 2013. С. 147–155.
4. Ляхнович Т.Л. Звуковой символизм как средство выражения грамматического значения в системе русского глагола // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: статьи и материалы Шестой Междунар. науч. конф. «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Санкт-Петербург, 19–21 февраля 2014 г.). СПб., 2014. С. 80–88.
5. Мельников Г.П. К методике выявления и объяснения нерегулярности русского глагольного формообразования // Межвуз. конф. «Оптимальные методы преподавания языка и теории русского языка»: тез. докл. М.: Изд-во высшей школы профсоюзного движения, 1974. С. 12–16.
6. Мельников Г.П. Морфемный состав инфинитивов и личных форм русского глагола // Сопоставительная и описательная лингвистика. М.: Изд-во УДН, 1987. С. 97–109.
7. Якобсон Р. Русское спряжение // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 198–209.
8. Морковкин В.В. Некоторые утверждения из области теории учебной лексикографии // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания: доклады советской делегации на VII Междунар. конгрессе преподавателей русского языка и литературы. М.: Рус. язык, 1990. С. 182–192.

References

1. Bogomazov, G.M. 2007. Correlation of the concepts of flair of language, sense of language, language competence, language ability. Questions of psycholinguistics, no. 6, pp. 33–39. Print. (In Russ.)
2. Chibuhashvili, V.A. 2009. Functional features of linguistic intuition and conditions of its use in the speech development of a student. Bulletin of TSU. Issue 4 (72), pp. 63–69.

3. Liakhnovitch T.L. 2013. Explanation of the variation of the morphemic structure of verbs from the standpoint of systemic linguistics. *Language Systemology: On the 85th anniversary of Professor Gennady Prokopyevich Melnikov: collection of articles. Materials of the International Scientific Conference. Moscow, RUDN, February 21, 2013. Moscow: RUDN, pp. 147–155.*
4. Liakhnovitch, T.L. 2014. Sound symbolism as a means of expressing grammatical meaning in the Russian verb system. *Topical issues of philology and methods of teaching foreign languages. Articles and materials of the Sixth International Scientific Conference “Topical issues of philology and methods of teaching foreign languages” (St. Petersburg, February 19–21, 2014). St. Petersburg, pp. 80–88.*
5. Mel’nikov, G.P. 1974. On the methodology of identifying and explaining the irregularity of Russian verb formation. *Inter-university. conf. “Optimal methods of teaching the language and theory of the Russian language” Thesis. dokl. Moscow: Publishing House of the Higher School of the trade union movement, pp. 12–16.*
6. Mel’nikov, G.P. 1987. *Morphemic composition of infinitives and personal forms of the Russian verb. Comparative and descriptive linguistics. Moscow: Publishing House of UDN, pp. 97–109.*
7. Jakobson, R. 1985. *Russian conjugation. Selected works. Moscow: Progress, pp. 198–209.*
8. Morkovkin, V.V. 1990. Some statements from the field of the theory of educational lexicography. *Russian language and literature in communication of the peoples of the world: problems of functioning and teaching. Reports of the Soviet delegation to the VII International Conference. Congress of teachers of Russian language and Literature. Moscow: Rus. Yazyk, pp. 182–192.*

Сведения об авторах:

Ляхнович Татьяна Леонидовна — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистических дисциплин Белорусской государственной орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственной академии. eLibrary SPIN-код: 5036-822; ORCID: 0009-0000-0702-3131; E-mail: vvktil@mail.ru

Ващекина Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. eLibrary SPIN-код: 6735-6570; ORCID: 0009-0009-7193-4437; E-mail: vascjulia@yandex.ru

Bio notes:

Tatiana L. Liakhnovitch is a Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistic Disciplines of the Belarusian State Orders of the October Revolution and the Red Banner of Labour Agricultural Academy. eLibrary SPIN-code: 5036-822; ORCID: 0009-0000-0702-3131; E-mail: vvktil@mail.ru

Tatiana V. Vashchekina is a Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Comparative Language Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University. eLibrary SPIN-code: 6735-6570; ORCID: 0009-0009-7193-4437; E-mail: vascjulia@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-72-82

EDN: YQNODO

Научная статья / Research article

От лингводидактики к лингвистике. Возвратные глаголы: лингвистические выводы и лингводидактические рекомендации

Н.В. Крашевская

Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК),
Российская Федерация, 105064, Москва, Гороховский переулок, 4

✉ breshka2@gmail.com

Аннотация. Данная работа завершает первую серию статей, которые призваны продемонстрировать, как в процессе преподавания языка выявляются нестандартные характеристики языковых явлений, которые в процессе отвлечённых научных изысканий остаются незамеченными. В данной серии речь идет о возвратных глаголах, о предназначении постфикса — *-ся* и о работе с феноменом залога в процессе преподавания РКИ. Обобщаются выводы по теме и даются рекомендации, каким образом феномен «возвратности» может быть достаточно просто представлен иностранной аудитории при обучении русскому языку. Указывается, что с лингвистической точки зрения главная и важнейшая функция постфикса *-ся* — это регулирование взаимоотношений субъекта и объекта в создании виртуального события в соответствии с замыслом говорящего. И таким образом, залог — это не столько глагольная категория, сколько синтаксическая. В плане преподавания предлагается использовать континуальную шкалу с крайними точками «100 % актив — 100 % пассив» с опорой на идею «самостоятельности» субъекта предложения. Предлагается использовать понятие «замкнутая система», заимствованное из физики. На шкале выделяются три зоны: несомненный актив — «переходная зона» — несомненный пассив. Это делает явление возвратности простым и понятным и снимает ряд трудностей в использовании различных форм дополнительных актантов в предложении.

Ключевые слова: лингводидактика, лингвистика, возвратность, залог, высказывание, замысел, сюжет, субъект S_1 , гештальт

История статьи: поступила в редакцию 15.12.2023; принята к печати 12.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Крашевская Н.В. От лингводидактики к лингвистике. Возвратные глаголы: лингвистические выводы и лингводидактические рекомендации // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 72–82. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-72-82>

From Language Teaching Science to General and Applied Linguistic Science. Reflexive Verbs: Linguistic Educt & Language Teaching Recommended Guideline

Nataliia V. Krashevskaja

Moscow State University of Geodesy and Cartography (MIIGAİK),
4 Gorokhovskiy Lane, Moscow, 105064, Russian Federation

✉ breshka2@gmail.com

Abstract. This study is to complete the research in the Russian reflexive verbs — first in a series of articles intended to demonstrate how language teaching could correct some points of General Linguistics. This paper capture the lessons learned and gives recommendations on how the complicated phenomenon can be quite simply presented to foreign audiences when teaching the Russian language. Linguistically postfix *-sya* that marks reflexive verbs is to regulate subject — object balance within utterance in accordance with the speaker’s intention. And thus, voice of verbs is not so much a verbal category as a syntactic one. In terms of teaching, it is proposed to use a continuum scale with extreme points “100% active — 100% passive” based on the idea of “independence” of the subject S_1 . It is proposed to use the concept of “closed system”, borrowed from physics. There are 3 zones on the scale: an undoubted asset — a “transition zone” — an undoubted liability. This makes the phenomenon of reflexivity simple and understandable and removes a number of difficulties.

Key words: Linguodidactics, Linguistics, reflexivity, passive & active voice, utterance, utterance design and plot, subject S_1 , gestalt

Article history: received 15.12.2023; accepted 12.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Krashevskaja, N.V. 2024. “From language teaching science to general and applied linguistic science. Reflexive verbs: Linguistic educt & language teaching recommended guideline.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 72–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-72-82>

Введение

Данная статья является заключительной в серии работ, посвященных феномену возвратного глагола как одного из самых парадоксальных в русском языке. Некоторые результаты были изложены в ранее опубликованных работах. В целом исследование проводится в рамках создания серии работ, в задачу которых входит: 1) на конкретных примерах продемонстрировать, каким образом практическая деятельность по обучению языку иностранцев способна повлиять на общетеоретические представления о тех или иных лингвистических феноменах; 2) предложить пусть и не бесспорные, но полностью оригинальные трактовки некоторых конкретных феноменов русского

языка, упрощающие работу с конкретным языковым материалом в аудитории в целях преподавания РКИ.

В первой части исследования парадоксов феномена возвратных глаголов в русском языке было показано, какие именно противоречия наблюдаются при его рассмотрении и какие затруднения они вызывают при изучении русского языка иностранцами [1]. Во второй части кратко описывался критерий, с помощью которого можно однозначно представить функциональную роль постфикса *-ся*, и указывалось, как можно опереться на понятийное поле технических наук в поисках такого критерия [2]. В представленной же здесь завершающей части исследования обобщаются полученные ранее результаты и предлагается в максимально несложном виде описать функцию постфикса *-ся* в высказывании на русском языке. Для этого предлагается использовать понятие «замкнутой системы», заимствованное из физики, применительно к описываемому явлению. В завершение даются конкретные методические рекомендации для работы в аудитории РКИ, представленные в виде примеров, организованных в таблицу.

Обсуждение

Здесь, как и в предыдущих работах данной серии, в своих рассуждениях мы продолжаем опираться на два важных для нас момента.

1. Для обозначения смысла высказывания используются термины «замысел высказывания» (на уровне интенций говорящего) и «сюжет высказывания» (для обозначения номинативного смысла высказывания). Говорящий при конструировании высказывания стремится к тому, чтобы собеседник смог получить сюжет, максимально соответствующий замыслу, который ставит цель обновить знания собеседника.

2. При рассмотрении сюжета мы исходим из предложенного Г.П.Мельниковым утверждения о том, что в русском языке фраза строится так, чтобы описывать ситуацию как происходящее событие [3. С. 116], то есть как некий процесс. При этом следует особо подчеркнуть, что событие — это не только процесс (само действие и его характеристики, выраженные глаголом с постфиксом *-ся* или без него), но и наличие или отсутствие субъекта и объекта действия, их свойства, взаимоотношения, взаимная позиция, а также их значимость для формирования сюжета в нужном для говорящего ракурсе. Следовательно, категория возвратности, маркируемая постфиксом *-ся*, рассматривается не столько как глагольная, сколько как синтаксическая. Забегая вперёд, заметим, что этот опорный пункт станет базовым и для всех построений в рамках дальнейших исследований, которые будут посвящены другим загадочным (особенно для иностранца) явлениям русского языка, таким как глагольный вид, глагольный префикс *по*, глаголы движения.

Прежде чем перейти к понятию замкнутой системы, на котором строятся конечные выводы, отметим, что контингент учащихся, с которыми по большей части доводилось и доводится работать автору, — это студенты естественных и технических специальностей, магистранты и аспиранты, специализирующиеся в точных науках и науках о природе. Как показывает многолетний опыт, ряд наиболее общих понятий, повседневно используемых учащимися в своей познавательной деятельности и их деятельности в качестве начинающих исследователей, не только применим к языковым явлениям, но даже позволяет взглянуть на них в ином, по сравнению с общепринятым, ракурсе и поставить иные, по сравнению с общепризнанными, специфические задачи, решение которых способно в довольно значительной степени прояснить функциональные характеристики самых загадочных элементов русской языковой системы.

По признанию самих учащихся, странности глаголов с постфиксом *-ся* — это одна из наиболее непонятных и запутанных сторон русского глагола: «Когда мы изучаем русский язык, мы изучаем, что „комбухада“ переводится: 1) *учить* 2) *изучать* 3) *учиться*, поэтому мы воспринимаем, естественно, *я учу русский язык = я изучаю русский язык = я учусь русский язык*. Всё одинаково переводится... но почему-то не используется с винительным падежом, а используется с дательным падежом... *Готовить и готовиться* — тоже тяжело. Вот это для корейцев просто непонятно... Как объяснять эти слова корейцам — иностранцам?»¹

Мальчик мылся лицо, магазин начинается работать, картина нарисовалась художником, мы часто видимся друзья — на начальном этапе подобных примеров тысячи [4. С. 184]. На более продвинутом этапе обучения в ходе составления высказываний научного характера при необходимости передать идею актива и пассива, процесса, результата или статуса состояния объекта задачи всё более и более усложняются. При этом если это магистранты и аспиранты, то они хотят увидеть суть явления в целом, а не только выучить каждый конкретный пример в каждом конкретном контексте, что, кстати, и нереально. Объяснения типа «это активно-безобъектный глагол» или «это побочно-возвратный глагол» — не очень помогают делу. Особенно смущают примеры, когда приходится переходить от актива к пассиву и наоборот. Выясняется, что *глаголы, маркируемые* постфиксом *-ся*, довольно часто *маркируют* идею процесса-пассива (а почему не *маркируются* *идеями*?). Например, *объект исследуется, оборудование устанавливается*. Но даже здесь есть свои трудности: *Сигналы отражаются от поверхности Земли* (почему-то не *поверхностью* Земли), *сводятся воедино при помощи*

¹ Чериш. Почему корейцы не могут выучить русский язык? 3 причины [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7XyAHSg9cHQ&t=393s> (дата обращения: 01.12.2023).

оборудования (почему-то не оборудованием). Но эти же сигналы поступают на приёмник (но не поступаются). Вообще всё очень странно: объект появляется, возникает, стремится, существует, представляется собой. Или правильнее объект появляется, возникает, стремится, существует, представляет собой?

Из примеров очевидно, что отдельно взятый глагол практически невозможно идентифицировать как возвратный или невозвратный, «полувозвратный» или «не совсем возвратный». Несомненно, как было указано выше, следует рассматривать категорию возвратности в рамках высказывания как синтаксическую.

Вначале попытаемся аргументировать применимость понятия замкнутой системы к оценке структуры и содержания высказываний, оформленных при помощи глаголов с постфиксом *-ся*.

Остановимся кратко на понятии замкнутой системы как таковой. Даже в физике оно представляет собой абстрактное, идеальное понятие, но при этом является фундаментальным методологическим понятием науки как таковой. По большому счету абсолютно замкнутой системы нет и быть не может, поскольку система в целом неизбежно подвергается воздействию внешних сил. Однако, во-первых, под воздействием внешних сил изменения происходят в конце концов в системе в целом, а не только в одном из её элементов. Изменения любого элемента приводят к изменениям в системе в целом. Во-вторых, происходит это потому, что внутри любой системы существует информационный обмен данными между ее компонентами об их состоянии и параметрах, и «принятие решения» об изменениях системы в целом носит совместный скоординированный характер, будь то природное явление или человеческий коллектив. В противном случае система приходит к концу своего существования. Части системы не могут существовать вне зависимости друг от друга. Таким образом, полная энергия внутри замкнутой системы — это постоянная величина. Важнейшим свойством замкнутых систем, которое имеет принципиальное методологическое значение, является то, что передача энергии, вещества и информации происходит только внутри этой системы.

О понятии замкнутой системы как одном из фундаментальных понятий науки пишет В.И. Мельников (однофамилец Г.П. Мельникова) в своей монографии «Теория замкнутой системы»: «...метод замкнутой системы... в настоящее время широко используется при решении подавляющего большинства разнообразных количественных задач в самых разных областях знаний». [5. С. 12]. Автор, кстати, упоминает о возможности использования данного понятия для анализа так называемого «грамматического предложения». [Там же. С. 148–149]. Таким образом, приложение понятия замкнутой системы к языковым феноменам кажется разумным и «физикам» и «лирикам».

Если мы сравним реальную, физически имеющую место ситуацию с минимальным количеством участников (как реально протекающее событие) с одной стороны, и минимальное типичное высказывание на русском языке — с другой, то увидим три необходимых компонента. В первом случае событие сводится к трем компонентам: 1) субъект, производящий действие, 2) само действие и 3) прямой объект, на который направлено действие. Всё прочее отнесём к разряду условий протекания события. В соответствующем высказывании мы увидим те же компоненты. Например, в высказывании *Маша ест кашу* мы видим полное соответствие сюжета картинке происходящего в физической реальности. В ходе физического события *Маша* является субъектом, производящим действие. Для высказывания существительное *Маша* является грамматическим субъектом предложения в именительном падеже (обозначим его как S_1); подобное обозначение легко воспринимается иностранцем, изучающим русский язык, как знакомое и понятное. Если рассматривать эту целостность как замкнутую систему, то в обоих случаях она отвечает всем признакам замкнутых систем, перечисленным выше — что в виде картинке физической реальности, что в виде сюжета. Такую замкнутую систему можно воспринимать как некий легко воспроизводимый гештальт, который является вполне спокойным и может считаться закрытым: реальное событие и высказывание находятся в полной гармонии. Человек увидел — человек сообщил.

В то же время зададимся вопросом: а всегда ли S_1 в высказывании соответствует активному деятелю как базовому параметру реального события? Даже странно задавать такой вопрос: конечно, нет. В таком случае хочется спросить: а какова же функция S_1 в высказывании? Оставим в стороне фундаментальные теоретические рассуждения и посмотрим, как на этот вопрос нам ответит лингводидактика. Элементарно: это точка отсчёта для сюжета в целом. S_1 в приведённом примере ориентирует собеседника на то, что *Маша* — та незыблемая точка, из которой измеряются все параметры смыслового пространства сюжета. Даже если мы скажем *Кашу ест Маша* — в этом случае всё равно это значит лишь, что для собеседника объект *каша* раньше попал в сферу наблюдаемого, но от этого в данном конкретном высказывании он не стал точкой отсчёта. Отсчёт параметров сюжета ведётся от *Маши*.

Однако коварство замысла говорящего в том и состоит, что, манипулируя точкой отсчёта, он имеет возможность «исказить» картинку реальности в нужном ему направлении и создать «иной» по сравнению с физической реальностью сюжет, перераспределив потоки внутри высказывания как замкнутой системы. К примеру, для сюжета, который хочет построить говорящий, *Маша* — далеко не является точкой отсчёта. Например, папа сходил в магазин, купил кашу — а мама недовольна. Не ту кашу купил. И у папы вызревает коварный замысел переубедить маму, поставив кашу в центр ситуации.

Или фабрика начала выпускать новый вид каш — надо убедить директора, что все молодцы. Маша, хотя и является по-прежнему главным критерием качества и потребителем продукции, тем не менее уходит на задний план или вообще «отодвигается» из высказывания, существуя где-то фоном. Что происходит при этом с сюжетом? На этапе замысла возникает незакрытый гештальт, который надо закрыть при помощи языковых средств. Но поскольку внутри замкнутой системы, как было сказано выше, полная энергия является постоянной величиной и передаётся только внутри этой системы, приходится перенаправить поток информации. Как это можно сделать? Прежде всего, сменив точку отсчета, то есть переместив S_1 в другое место или удалив его вовсе: *Естся, ется твоя каша!* (S_1 — каша) / *Новая каша ется хорошо!* (S_1 — каша) / *Маше сегодня весь день ется* (S_1 отсутствует). Данные примеры смотрятся не особо употребительными, но вполне допустимыми. Но, например, в такой паре, как *Учёные наблюдали это явление много раз. / Это явление наблюдалось много раз* (даже и не требуется добавлять, кем!) — модифицированный вариант смотрится гораздо естественнее.

Таким образом, постфикс *-ся* при глаголе как раз и служит для того, чтобы указать на факт перенесения точки отсчёта внутри сюжета в соответствии с замыслом говорящего, — таким замыслом, который требует перераспределения функциональных ролей базовых компонентов внутри замкнутой системы. Один из компонентов (обозначаемый глаголом с постфиксом *-ся*) представляет событие как процесс, а направление развития процесса не соответствует стандартно воспроизводимому соотношению компонентов — участников реального события. В этом плане не случайно языковой системой был выбран элемент *-ся*, восходящий по смыслу к возвратному местоимению. Он помогает «гнать» потоки вспять — к новой точке отсчёта. Таким образом, постфикс *-ся* является маркером возникновения напряжения внутри «гештальта» в связи с особенностями смысла высказывания как замкнутой системы, возникшими в результате отклонения от распределения ролей в физической реальности.

Обобщая вышесказанное, перечислим, в чем состоит сходство и различие реального события (назовём его «картинкой») — и сюжета высказывания.

Сходство проявляется в том случае, если замысел высказывания и его целевой сюжет зеркально отражают состав, структуру и функциональную роль элементов, формирующих картинку. С необходимостью присутствуют минимально три компонента: активный деятель, действие (процесс), прямой объект. При этом на деятеля указывает субъект S_1 , на процесс (действие) — переходный глагол, а на объект, на который направлено действие, — винительный падеж без предлога. Звучит абсолютно банально, все спокойно, гештальт закрыт: *Маша ест кашу*. Но для сочинителя сюжета далеко не всегда деятель бывает нужен в качестве точки отсчёта внутри создаваемого им виртуального события в пределах замкнутой системы, призванного коррек-

тировать предполагаемую «недоинформированность» собеседника. При изменении точки отсчёта меняется направление обменных потоков и степень «задействованности» в них реального деятеля и реального объекта. И в этом случае отклонения сюжета от реального события могут давать отличия, которые можно представить следующим образом.

В сюжете высказывания появляется неравенство S_1 как точки отсчета активному деятелю и становится возможной полная передача этой функции реальному объекту: *Каша естся Машей / Каша естся / Каша съедена*. Таким образом, возможно один или оба базовых компонента участников события могут присутствовать в латентном виде: *Каша естся* — вообще не важно, кто это делает, хотя ясно, что кто-то это делает. Точка отсчёта перемещается на объект, и при этом глагол приобретает возможность формировать два разных сюжета: либо указывать на процесс как **актуальное событие** — *Каша естся Машей*, либо указывать на процесс как на **процессуальный признак** объекта — *Каша естся*. При этом если в качестве задачи обозначена необходимость показать **статус** объекта как результат некоего процесса, то показатель *-ся* исчезает за отсутствием процесса как такового: *каша съедена*.

Наиболее интересным является пример *Маше естся*. В данном примере особенность сюжета состоит в том, что S_1 как точка отсчета вообще не предполагается, поскольку источник активности представляет собой некое мистическое начало, которое навязывает часть своей активности Маше при помощи дательного падежа (что вполне соответствует его функции в системе падежей) [6. С. 379–412, 414–421]. Этот пример заслуживает отдельного разговора, однако в контексте исследуемой проблемы ясно, что и здесь постфикс *-ся* выполняет свою обычную функцию — перераспределения информационных потоков. Это такое высказывание, где вся «энергия» сюжета сосредоточена на процессе.

Заключение: лингводидактические рекомендации

Как можно представить вышеописанную картину для иностранных студентов? Собственно, все вышеприведенные положения не являются для лингводидактики исходными, а, напротив, выведены в ходе решения практических задач.

Первое и самое важное, на что следует обратить внимание, — это то, что процессы «перемещения» информационных потоков внутри высказывания как замкнутой системы не носят дискретного и скачкообразного характера. В зависимости от лексического наполнения степень участия как обоих базовых компонентов, так и роль самого действия варьируется. Именно поэтому столь сложным представляется создать единую непротиворечивую

Шкала несамостоятельности субъекта S₁

100 % актив	Почти актив	Пассив 100 %
<p>Зона самостоятельности</p> <ul style="list-style-type: none"> • Однокомпонентная замкнутая система, где субъект является одновременно и объектом: <i>Кумар улыбается, сосед занимается.</i> • Многокомпонентная замкнутая система, компоненты которой в равной степени являются и субъектом, и объектом: <i>Мы встретились. Они борются.</i> • Замкнутая система, в которой необходимость в прямом объекте полностью отсутствует или он намеренно исключается за отсутствием необходимости в нем: <i>Кумар высказывается, он разбирается в этом. Собака кусается, а Кумар ругается.</i> • Система, в которой источник активности в принципе существует, но намеренно исключается с целью создания эффекта самостоятельности субъекта: <i>Автобус движется. Уровень воды снижается. Студенты учатся.</i> 	<p>Переходная зона</p> <ul style="list-style-type: none"> • Замкнутая система, внутри сюжета которой S₁ — очевидный объект реального события, однако сюжет не воспринимается как 100% пассив и сохраняется эффект самостоятельности субъекта: <i>Фактор не учитывается, но план выполняется. Как вариант — процессуальное свойство: <i>ботинки носятся, товары покупаются.</i></i> • Замкнутая система, где всё внимание сосредоточено на действии, а реальный деятель является косвенным, вторичным участником; при этом важно, что субъект намеренно исключается, поскольку носит мистический характер: <i>Кумару не спится. Емму думается.</i> 	<p>Зона несамостоятельности</p> <ul style="list-style-type: none"> • Замкнутая система, где безоговорочно S₁ — прямой объект реального события. Это очевидный пассив — чрезвычайно многочисленный класс сюжетов, поскольку дает возможность не обращать внимания на реального деятеля и ставить объект в центр внимания: <i>предмет изучается, объект изображается, отчёт составляется.</i>

S₁ Independence Scale

100% the active	Conversion zone	The passive 100%
<p>Close to the active</p> <p>Zone of independence</p> <ul style="list-style-type: none"> • One-component closed system, where the subject is also an object: <i>Kumar umy`vaetsya, sosed zanimaetsya.</i></li> <li>• A multicomponent closed system, the components of which are equally subject and object: <i>My` vstretilis` . Oni boryutsya.</i></li> <li>• A closed system in which the need for a direct object is completely absent or it is deliberately excluded due to the lack of need for it: <i>Kumar vy`skazy`vaetsya, on razbiraetsya v e`tom. Sobaka kusaetsya, a Kumar rugaetsya.</i> • A system in which a source of activity exists, but is deliberately excluded in order to create the effect of subject independence: <i>Avtobus dvizhetsya. Uroven` vody` snizhaetsya. Studenty` uchatsya.</i> 	<p>Conversion zone</p> <ul style="list-style-type: none"> • A closed system, within the plot of which S₁ is the obvious object of a real event, but the plot is not perceived as 100% passive and the effect of the subject's independence is preserved: <i>Faktor ne uchity`vaetsya, no plan vy`polnyatsya.</i> Alternatively, a procedural property: <i>botinki nosyatsya, tovary` pokupayutsya.</i> • A closed system, where all attention is focused on action, and the real actor is an indirect, secondary participant; it is important that the subject is deliberately excluded because it is of a mystical nature: <i>Kumaru ne spitsya. Emu dumaetsya.</i> 	<p>Zone of lack of independence</p> <ul style="list-style-type: none"> • A closed system, where S₁ is unconditionally the direct object of a real event. This is an obvious passive — an extremely numerous class of plots, since it makes it possible not to pay attention to the real figure and put the object in the center of attention: <i>predmet izuchaetsya, ob`ekt izobrazhaetsya, otchet sostavlyaetsya.</i>

классификацию возвратных глаголов. Не в глаголах дело. Все существующие классификации, если их внимательно проанализировать, скорее учитывают семантику участников события, чем самого глагола. Но есть один способ, при помощи которого возможно представить данное загадочное явление русского языка в довольно простом виде (табл.).

В заключение несколько комментариев по содержанию таблицы. Как очевидно, при переносе точки отсчёта на прямой объект и соответственном переходе на него функции S_1 нередко в контексте сохраняется необходимость указать на реального деятеля. Существует целый ряд способов: N_5 (творительный падеж), словосочетания *с помощью / при помощи (2)*; *под действием / под воздействием (2)*; *посредством (2)*; в N_6 , N_3 (связано с лексической семантикой составляющих).

Зона самостоятельности. N_5 кем возможно лишь как второй объект, если он необходим: *мама занимается ребёнком*. N_5 чем — либо такой же второй объект: *Кумар занимается математикой*, либо полностью лишенный самостоятельности инструмент: *Кумар умывается мылом*. Для указания на второго вспомогательного реального деятеля с соответствующей степенью активности в научном стиле используются конструкции *с помощью / при помощи (2)*; *под действием / под воздействием (2)*; *посредством (2)* для указания на второго вспомогательного реального деятеля с соответствующей степенью активности. Заметим, что здесь невозможно использование N_5 кем: *Студенты учатся преподавателем*. *Ребенок моется мамой*.

Переходная зона. Для нее приложимы все вышеперечисленные средства, однако следует иметь в виду, что в данном случае имеет место лишь эффект самостоятельности, а это значит, что реальный деятель сознательно умалчивается за ненадобностью, поэтому N_5 кем можно встретить лишь в исключительных случаях. Например, сюда можно отнести классический для начального этапа обучения русскому языку пример *Дом строится рабочими*. На самом деле пример весьма неудачный. Да, ясно, что здесь пассив. Однако подобный пример чрезвычайно редко можно встретить в речи, поскольку здесь имеет место иллюзия самостоятельности, отсутствие необходимости в указании на реального деятеля: *Дом строится* (как бы растёт).

Зона пассива. N_5 довольно широко используется в случае необходимости указать на реального деятеля. Но сама необходимость встречается нечасто.

В завершение хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что приведенная в таблице шкала носит континуальный характер: разбиение на три класса не имеет четко очерченных границ, и речь идет о степени самостоятельности в зависимости от лексической семантики компонентов высказывания.

Список литературы

1. *Крашевская Н.В., Басманова А.А.* От лингводидактики к лингвистике: парадоксы возвратных глаголов в русском языке // Современное педагогическое образование. 2021. № 6. С. 121–126. <https://doi.org/10.24412/2587-8328-2021-6-121-126>
2. *Крашевская Н.В., Басманова А.А.* От лингводидактики к лингвистике: шкала «степени самостоятельности» как способ устранения и объяснения парадоксов возвратных глаголов в русском языке // Современное педагогическое образование. 2022. № 1. С. 236–242. <http://doi.org/10.24412/2587-8328-2022-1-236-242>
3. *Мельников Г.П.* Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 308 с.
4. *Вязовская В.В.* Возвратные глаголы в практике преподавания русского языка как иностранного // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7. Ч. 1. С. 183–185.
5. *Мельников В.И.* Теория замкнутой системы: монография. 4-е изд. URL: http://www.vixri.ru/d/Melnikov%20V.I.%20_Теорija%20zamknutoj%20sistemy.pdf (дата обращения: 09.01.2024).
6. *Лутин С.А.* Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке: дис. ... д-ра. филол. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2008. 484 с.

References

1. Krashevskaya, N.V., and A.A. Basmanova. 2021. From linguodidactics to linguistics: paradoxes of reciprocal verbs in the Russian language. Modern pedagogical education. Scientific journal, no. 6, pp. 121–126. <https://doi.org/10.24412/2587-8328-2021-6-121-126>
2. Krashevskaya, N.V., and A.A. Basmanova. 2022. From linguodidactics to linguistics: the scale of “degree of independence” as a way to eliminate and explain the paradoxes of recurrent glares in the Russian language. Modern pedagogical education, no. 1, pp. 236–242. <https://doi.org/10.24412/2587-8328-2022-1-236-242>
3. Mel’nikov, G.P. 2003. The system typology of languages. Principles, methods, models. Moscow: Nauka, 308 p.
4. Vyazovskaya, V.V. 2017. Reflexive verbs in the practice of teaching Russian as a foreign language. Philological Sciences. Questions of theory and practice, no. 7, part 1, pp. 183–185.
5. Mel’nikov, V.I. The theory of a closed system. Monograph. 4th edition. Available from: http://www.vixri.ru/d/Melnikov%20V.I.%20_Теорija%20zamknutoj%20sistemy.pdf (date of application 09.01.2024).
6. Lutin, S.A. 2008. System-functional analysis of the category of case in the Russian language: Diss. ... doct. Philol. Sciences. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia. 484 p.

Сведения об авторе:

Крашевская Наталия Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИ-ГАиК), Москва, Российская Федерация. eLibrary SPIN-код: 1968-3148; ORCID: 0009-0009-6016-5740; E-mail.ru: breshka2@gmail.com

Bio note:

Nataliia V. Krashevskaja is a PhD, General Linguistics, Russian Language, Education Associate Prof., Dpt of Linguistics, Moscow State University of Geodesy and Cartography. eLibrary SPIN-code: 1968-3148; ORCID: 0009-0009-6016-5740; E-mail.ru: breshka2@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-83-98

EDN: YETFVQ

Научная статья / Research article

Природа ошибки в русской речи будущего билингвального учителя русского языка: психолингвистический и лингвометодический подходы к интерпретации экспериментальных данных

Н.В. Медведева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24

✉ basha_n@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обоснована необходимостью анализа ошибок в русской речи естественного инационально-русского билингва коми-пермяка на основе специфики процессов его речевой деятельности. Феномен «ошибка» трактуется на основе психолингвистического подхода как следствие сбоя в механизмах речевой деятельности билингва и лингвометодического подхода как факт нарушения нормативности для определения инструментария совершенствования русской речи билингвальной личности. Термин «ошибка» в речи обусловлен классическим понятием нарушения и считается в достаточной мере разработанным и описанным в разных аспектах. Материалами исследования послужили экспериментальные данные: ошибки в письменной и устной русской речи билингвальных студентов коми-пермяков на занятиях лингвометодического цикла. Методами исследования являются метод непосредственного наблюдения за русской речью билингвального студента коми-пермяка, анализ его письменных работ и устных высказываний, интерпретация ошибок в психолингвистическом и лингвометодическом аспектах. Результаты исследования подтверждают гипотезу: природа ошибок в русской устной и письменной речи инационально-русского билингва психолингвистическая, проявляющаяся на всех уровнях билингвальной личности в межязыковых взаимодействиях систем родного и русского языков, определяющих работу механизмов речевой деятельности на русском языке. Совершенствование русской речи инационально-русского билингва требует разработки эффективного лингвометодического инструментария для обучения.

Ключевые слова: инационально-русский билингвизм, билингвальная личность, русская речь, ошибка, интерпретация, психолингвистический и лингвометодический подходы

История статьи: поступила в редакцию 27.11.2023; принята к печати 12.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Медведева Н.В. Природа ошибки в русской речи будущего билингвального учителя русского языка: психолингвистический и лингвометодический подходы к интерпретации экспериментальных данных // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 83–98. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-83-98>

The Nature of Errors in Russian Speech of a Future Bilingual Teacher of the Russian Language: Psycholinguistic, Linguo-Methodological Approaches to the Interpretation of Experimental Data

Natalya V. Medvedeva

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24 Sibirskaja St, Perm City, 614990, Russian Federation

✉ basha_n@mail.ru

Abstract. Thematic justification is explained by the necessity to analyze errors in the Russian speech of a bilingual personality of natural foreign — Russian bilingual Komi — Permyak based on specific character of the processes of his speech. Phenomenon of “error” is interpreted on the basis of psycholinguistic approach as a result of failure in mechanism of speech of a bilingual and linguo-methodological approaches as a fact of normalization disorder and the exploration of tooling for improving the Russian speech of a bilingual personality. The author relies on studies in which the linguistic and didactic vectors of error research tend to interpret the processes of speech-cognitive activity and are explained psycholinguistically and linguistically. The choice of a psycholinguistic approach to the study of errors makes it possible to identify their nature, to interpret them not only as facts of violation of speech normativity, but also as manifestations of processes of violations/failures/interference in the speech-mental activity of the speaker and writer. Purpose of the study is to analyze errors in the Russian speech of a bilingual speaker — a future teacher of the Russian language (Komi-Permyak) in the process of perception and generation of the Russian speech. Object of the study is the speech activity of a bilingual speaker in Russian, the subject is errors in his speech in the conditions of preparation for the profession of a Russian language teacher. Materials of the study were experimental data: errors in the written and oral Russian speech of bilingual Komi — Permyak students during linguo-methodological subjects and in their written works. The study methods are direct viewing of the Russian speech of a bilingual Komi — Permyak student, analysis of his written works and oral statements, error interpretation through psycholinguistic and linguo-methodological approaches. The study results confirm the hypothesis: the nature of errors in Russian oral and written speech of a foreign — Russian bilingual is psycholinguistic, appearing on the all levels of a bilingual personality in interlingual interactions of the systems of the native and Russian languages, which determines the functioning of the speech mechanisms in Russian. In order to improve the Russian speech of a foreign — Russian bilingual it is necessary to develop an effective linguo-methodological tooling for teaching.

Keywords: foreign-Russian bilingualism, bilingual personality, Russian speech, error, interpretation, psycholinguistic and linguo-methodological approaches

Article history: received 27.11.2023; accepted 12.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Medvedeva, N.V. 2024. “The nature of errors in Russian speech of a future bilingual teacher of the Russian language: Psycholinguistic, linguo-methodological approaches to the interpretation of experimental data.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 83–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-83-98>

Введение

Термин «ошибка» в речи обусловлен классическим понятием нарушения и считается в достаточной мере разработанным и описанным в разных аспектах. Существует достаточное количество работ, в которых лингвистические и дидактические векторы исследований ошибок стремятся к интерпретации процессов речемыслительной деятельности и обосновываются психолингвистически и лингвометодически в трудах А.А. Залевской [1; 2] В.И. Капинос [3], М.Р. Львова [4], И.Г. Овчинниковой, А.В. Павловой [5], М.В. Панова [6], И.В. Приваловой [7], С.Н. Цейтлин [8; 9] и др. Психолингвистический подход к исследованию ошибок позволяет выявить их природу, трактовать их не только как факты нарушения речевой нормативности, но и как проявления процессов нарушений/сбоев/помех в речемыслительной деятельности говорящего и пишущего. Другими словами, опираясь на следствие, то есть сделанную в речи ошибку, возможна и необходима интерпретация причин, отвечающих за ее возникновение, и реконструкция процессов, предопределяющих ее появление. Такое рассмотрение ошибок не ново, в науке оно применяется достаточно широко (ошибки в детской речи, в речи людей с ментальными нарушениями, ошибки при обучении иностранным языкам, неродному/второму языку, переводческие ошибки, ошибки в речи в условиях би/поли/транслингвизма и др.).

Целью исследования является определение природы ошибок в русской речи инонационально-русского билингва, *объектом* — речевая деятельность на русском языке билингвального носителя, *предметом* — ошибки в его речи в условиях подготовки к профессии учителя русского языка.

Материалом исследования послужили проанализированные устные ответы и письменные работы билингвальных студентов коми-пермяков: тексты диктантов, подробных/сжатых изложений, сочинений, созданных в рамках учебных дисциплин «Развитие русской устной и письменной речи», «Методика обучения русскому языку», тексты письменных ответов на контрольные вопросы по методике русского языка, аудиозаписи учебных ответов, тексты курсовых и выпускных квалификационных работ бакалавров и магистрантов коми-пермяков за 2016–2022 годы.

Анализ ошибок в русской речи билингвальных студентов коми-пермяков осуществлялся на основе заявленных подходов: психолингвистического и лингвометодического. **Методами исследования** стали психолингвистические, педагогические, лингвистические методы: метод фиксации и анализа ошибок/недочетов/сбоев, который применялся в совокупности с методом контрастного анализа русской речи билингвального субъекта; метод включенного наблюдения; метод лингвистической и методической интерпретации материала.

Результаты. Ошибка в речи будущего учителя русского языка — инонационально-русского естественного билингва коми-пермяка — в условиях коми-пермячко-русской образовательной среды рассматривается нами как сопряжение факта нарушения речевой нормативности и как инструмент выявления «процессов и механизмов функционирования языка... в том числе продуцирования и понимания речи, организации языковых явлений и готовности их применения в речемыслительной деятельности» [1. С. 6]. Работа над коррекцией ошибок в речи билингвального носителя предопределяет сопряжение анализа механизмов речевой деятельности, их лингвистических следствий и лингвометодических способов совершенствования русской речи.

Организация эффективной работы со стороны лингвометодики по коррекции нарушений в русской речи билингвального носителя — более трудоемкий и объемный процесс, направленный от следствия (самой ошибки) → к ее интерпретации со стороны лингвистики русского языка → к механизмам речевой деятельности по переработке воспринимаемого или порождаемого высказывания/текста на русском языке → к отбору эффективного лингвометодического инструментария для предупреждения и коррекции ошибок в русской речи билингвальной личности. Интеграция психолингвистического и лингвометодического подходов для выявления и коррекции ошибок в русской речи будущего билингвального учителя русского языка дает основание для дальнейшего лингвистического и методического совершенствования.

Обсуждение

Данное исследование требует уточненных трактовок основных понятий: «билингвальная личность», «ошибка» в речи билингвального носителя, «психолингвистический и лингвометодический подходы» к интерпретации ошибок.

Обосновывая понятие языковой личности в лингводидактике, Ю.Н. Караулов отмечает: «Лингводидактическое представление языковой личности отличается двумя особенностями. <...> языковая личность предстает в этом случае как человек говорящий, а сама способность пользоваться языком — как родовое свойство человека» [10. С. 29]. Развивая концепцию, ученый пишет о специфике языковой личности, утверждая, что она отражает принадлежность к определенному этносу, отличается включенностью в его культуру и характеризуется типом естественного билингвизма: доминантного или сбалансированного, что прямо соотносится с нашими представлениями о том, что в условиях современного социума билингвальная личность требует не «обезличенного», а направленного подхода, прежде всего, со сто-

роны этнокультурного/этноязыкового компонентов в ее структуре. Ошибки, проявляющиеся в русской речи билингвального носителя, определенно связаны со структурой его личности и спецификой его речевой деятельности.

Понятие «билингвальная личность» сформулировано нами с опорой на понятие «языковая личность» Ю.Н. Караулова: «Языковая личность — это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще. Последнее соткано из противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью мотивационных предрасположений и способностью поддаваться внешним воздействиям и самовоздействию, трансформируя их результаты в перестройке отношений элементов на каждом из уровней — *семантическом, когнитивном и мотивационном* [10. С. 38]. Базовая структура языковой личности, по Ю.Н. Караулову, определяется характеристиками *семантико-строевого уровня; тезауруса* (на основе произведенных ею текстов); выявлением *установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения собственных и восприятия чужих текстов* [10. С. 42–43].

Трехуровневая структура языковой личности применительно к билингвальному — инационально-русскому субъекту прирастает на каждом уровне языковыми единицами, осложняется их отношениями и проявляется стереотипами наложений двух языковых систем родного / русского.

Ю.Н. Караулов определяет вариативные характеристики, которые необходимо учесть «для «достраивания» языковой личности, в том числе билингвальной. Ими являются на *вербально-семантическом уровне* системно-структурные данные о состоянии родного и второго языков в соответствующий период; на *когнитивном (тезаурусном) уровне* социальные и социолингвистические характеристики этнической и языковой общности, к которой относится личность, то есть специфика в ее национальной картине мира, проявленная в языке; на *мотивационном (прагматическом) уровне* сведения, обусловленные принадлежностью билингвальной личности к более узкой референтной группе, определяющей те ценностно-установочные критерии, которые и создают колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее «языка»).

В науке существуют синонимичные термины к термину «ошибка», что отражается в разных классификациях и в употреблении: в психолингвистике в классификации С.Н. Цейтлин [8; 9], А.А. Залевской [2] и др.; в лингвистике — М.Н. Кожинной [11] и др., в лингвометодике — М.Р. Львова [4], В.И. Капинос [3] и др.

С понятием «ошибка» коррелируют понятия «нарушение», «недочет», свойственные для лингвистики и лингвометодики. Ошибки/недочеты/нарушения указывают на факты искажения нормативности, проявляющиеся в речи: грамматическая, речевая, стилистическая ошибка/нарушение/недочет

и др. В методике при обучении языкам применяются средства коррекции и предупреждения ошибок/нарушений/недочетов.

Понятие «ошибка» в психолингвистике рассматривается не в качестве отступления от нормы, а как «сигнал разошедшегося шва в речевом механизме индивида», по образному выражению А.А. Леонтьева [12. С. 78], или «как сбой в программе речевого высказывания, не откорректированный на стадии контроля», по словам И.Г. Овчинниковой [5. С. 105]. А.А. Залевская определяет, что в трактовке понятия «ошибка» в речи произошел «переход от рассмотрения ошибки в чисто прикладных целях (прежде всего при обучении языку) к ее теоретическому осмыслению и объяснению не только механизмов и причин самой ошибки, но и работы речевого механизма в целом» [1. С. 6].

Определяя все нарушения в русской речи инонационально-русских билингов общим термином «ошибка», мы имеем в виду совокупность всех видов ошибочности (за исключением ситуативных оговорок и их поправок).

Анализ ошибок в речи билингвальной личности происходит на основе многих факторов. С.Н. Цейтлин пишет об ошибках, «...связанных с нарушениями системы (говорящий или пишущий недостаточно знакомы с языковыми правилами)... связанных с нарушениями нормы (говорящий или пишущий владеют языковыми правилами, но не знакомы с ограничениями, накладываемыми на их действие нормой), <...> связанных с нарушениями узуса (говорящий или пишущий не знакомы с условиями реализации тех или иных форм речи)» [9. С. 103]. Следует выделить основания, опора на которые будет несомненно значимой для интерпретации ошибок и совершенствования русской речи будущего учителя русского языка — инонационально-русского билинга: выбор речевого действия при обучении, задействование речевого контроля в процессе обучения грамматическим структурам (Т.Д. Кузнецова [13]), развитие чувства (неродного) языка (М.М. Гохлернер, Г.В. Ейгер [14]), учет «промежуточного языка» (Ю.Н. Караулов [10], М. Дебрэнн [15], А.А. Залевская [1] и др.).

Анализ русской речи естественного инонационально-русского билинга предполагает не только фиксацию ошибок, но и, по определению А.А. Залевской, рассмотрение их в качестве «естественного компонента промежуточного языка», что обеспечивает «убедительные косвенные данные» в понимании функционирования когнитивных систем, посредством которых перерабатывается воспринимаемый языковой материал [2. С. 14].

Примеры ошибок (наиболее частотных) помещены в табл. 1–4: в первой строке дана ошибка и один из верных вариантов употребления, во второй — психолингвистическая, в третьей — лингвометодическая ее интерпретации.

Ошибки в русской речи билингвального студента коми-пермяка, возникающие в процессе восприятия/передачи информации и порождения высказывания/текста

Таблица 1

Ошибки в русской речи, связанные с нарушением орфографических и фонетико-графических норм

1. Фрагмент текста диктанта без ошибки	<i>Багровое пламя охватило все вокруг; Ничего не было видно за густыми ветвями</i>
Результат письменной передачи фрагмента	<i>Багровое пламя охватило все вокруг; Ничего не было видно за густыми ветвями</i>
<p>Психолингвистическая интерпретация ошибки: на основе закрепленного в билингвальном сознании стереотипа правописания имени существительного в родном коми-пермяцком языке: между основой существительного и суффикса <i>-яс</i> в определённых случаях при письме может употребляться буква «ь»: [16. С. 49]. Оформление орфографического облика слова русского слова в соответствии со стереотипами в родном (коми-пермяцком) языке</p>	
<p>Лингвометодическая интерпретация ошибки: нарушение орфографической нормы употребления правописания слова; употребление разделительного мягкого знака в несвойственной для него позиции. Неверная логика мыслительных операций для определения правописания русского слова: 1) определение созвучного/схожего облика русского слова с моделями слов в родном языке; 2) применение к его написанию стереотипов-представлений о правописании слова в родном языке; 3) отсутствие анализа структуры русского слова, распознавания его морфемной модели; 4) применение неверного алгоритма рассуждения для выяснения правописания русского слова. Следствие — неверное орфографическое оформление русского слова</p>	
2. Фрагмент текста диктанта без ошибки	<i>В воздухе, насыщенном влагой, ...</i>
Результат письменной передачи фрагмента	<i>В воздухе, насысенном влагой, ...</i>
<p>Психолингвистическая интерпретация ошибки: ошибка обусловлена артикуляторными автоматизмами, проявляющимися в реализации звуков и их сочетаний в коми-пермяцкой речи. При передаче звучащей русской речи и ее записи на письме работают стереотипы — представления родного языка, касающиеся образования звуков и их реализации в определенной позиции, облик русского слова, передаваемый на письме, формируется на основе неверного выбора букв русского алфавита</p>	
<p>Лингвометодическая интерпретация ошибки: нарушение орфографической нормы правописания на основе неверного отбора и употребления буквы/букв русского алфавита, не соответствующих передаче звукового облика русского слова: 1) запись на основе образа-представления звучащего слова в родном языке; 2) отсутствие/недостаточность проверки соответствия звукового/правописного облика русского слова на этапе контроля; 3) несоответствие принципов правописания в русском и родном языках; 4) недостаточная сформированность умений русской орфографии. Следствие — фонетико-графическая ошибка при записи русского слова. Коррекция — введение в практику обучения работы с написаниями, усваиваемыми через звуковой и слоговой анализ; через фонемно-морфемный анализ; через зрительно-двигательное запоминание графического образа русских слов</p>	

**Errors in Russian speech associated with deviance
of orthographic and phonetic-graphic norms**

1. The fragment of the dictation text without an error	<i>Crimson flames (пламя) engulfed everything around. Nothing could be seen behind the thick branches (ветвями)</i>
The result of the written interpretation of the fragment	<i>Crimson flames (пламья) engulfed everything around. Nothing could be seen behind the thick branches (ветвьями)</i>
Psycholinguistic interpretation of the error: on the basis of the stereotype of the noun spelling in the native Komi-Permyak language, fixed in the bilingual consciousness: between the noun stem and the suffix <i>-yas (-яс)</i> , in certain cases the letter “ь” can be used in writing [16. P. 49]. Native Orthographic appearance of the Russian word is in accordance with stereotypes of the native (Komi-Permyak language)	
Linguo-methodical interpretation of the error: violation of the orthographic norm of the use of the spelling of the word; the use of the separating soft sign (the letter “ь”) in its uncharacteristic position. Incorrect logic of mental operations to identify the spelling of a Russian word: 1) Association of the similar appearance of the Russian word with word models in the native language; 2) Application of stereotyped ideas about the spelling of the word in the native language to its writing; 3) Lack of analyses of the structure of a Russian word, identification of its morphemic model; 4) The use of incorrect reasoning algorithm to find out the spelling of a Russian word. The consequence is incorrect spelling of a Russian word	
2. The fragment of the dictation text without an error	<i>In the saturated with moisture (насыщенном) air...</i>
The result of the written interpretation of the fragment	<i>In the saturated with moisture (насысенном) air...</i>
Psycholinguistic interpretation of the error: the error is caused by the articulatory automatisms in releasing the sounds and combinations of sounds in the speech of Permian Komi. In the transmission of the sounding Russian speech and its writing form stereotyping representations of the native language work, concerning the formation of the sounds and their implementation in a certain position, the appearance of the written Russian word is based on the wrong choice of the letters of the Russian alphabet	
Linguo-methodical interpretation of the error: violation of the orthographic norm of spelling on the basis of incorrect selection and use of letters of the Russian alphabet do not correspond to the transmission of the sound image of the Russian word. 1) Recording on the basis of the image-representation of the sounding word in the native language; 2) Absence/insufficiency of verification of correspondence of the sound/spelling appearance of the Russian word at the stage of control; 3) Discrepancy between the principles of spelling in Russian and native language; 4) Insufficient skills of spelling in Russian. The consequence is a phonetic-graphic error when writing a Russian word. The correction is the introduction into practice work with spelling through sound and syllable analysis; through phonemic and morphemic analysis; through visual-motor memorizing of the graphic image of the Russian words	

Таблица 2

Ошибки в русской речи, связанные с употреблением слова без учета его лексического значения или значений входящих в него морфем

<p>Фрагмент исходного текста для изложения</p>	<p><i>Прежний хозяин Дайван схватил ее за шерстяные щеки, поднял морду, заглянул в глаза, сказал что-то по-эвенски, затем с силой отбросил собаку от себя, повернулся и пошел прочь.</i></p>
<p>Результат передачи фрагмента в изложении</p>	<p><i>Старый хозяин Дайван потерябил ее за шерстяные щеки, что-то сказал по-эвенски и отошел прочь.</i></p>
<p>Психолингвистическая интерпретация ошибки: при взаимодействии контактирующих языков (коми-пермяцкого и русского) «поиск нужной языковой единицы осуществляется путем формирования промежуточного языка, а именно в процессах речемыслительной деятельности при идентификации слов и при понимании текста со слуха и при чтении» [1. С. 12].</p> <p>Билингвальная личность оперирует единицами ядра вербально-семантического поля, выбор единиц, которые находятся на периферии поля (приставки, предлоги, окончания и др.), отбор и употребление языковых единиц, грамматические категории которых имеют другую природу (вид, залог и др.) или которых нет в родном языке (род, согласование, управление и др.) выходят за границы ядра поля и не учитываются или используются формально/механистически без учета выражаемых ими значений.</p>	
<p>Лингвометодическая интерпретация ошибок:</p> <p>Употребление слова <i>старый</i> не раскрывает в данном контексте необходимого значения (старый — прежний, бывший), а выражает прямое значение (старый — в возрасте, немолодой). Следовательно, происходит искажение смысла.</p> <p>Аналогичные процессы свойственны употреблению глагола <i>потерябил ее за шерстяные щеки</i> вместо <i>схватил ее за шерстяные щеки</i>. Теряются оттенки значения ввиду неудачно выбранного глагола, который в точности не передает необходимого значения.</p> <p>Нарушение в образовании слова <i>отошел</i> при помощи приставки и недопонимание оттенков ее значения является характерной ошибкой, связанной с интерференцией коми-пермяцкого и русского языков. Приставок в коми-пермяцком языке немного. «К ним относятся лишь <i>мед-</i> со значением „самый, наи-“ и <i>не-</i> (заимствованная из русского языка), которые употребляются с прилагательными, местоимениями, наречиями...» [17. С. 597].</p> <p>Неверный выбор слова «отошел» вместо «ушел» или «пошел» связан с недоучетом значения, сообщаемого приставкой (ото-йти прочь — в значении отступить, но остаться здесь же). Для употребления был нужен глагол с другой приставкой: «у-шел» или «по-шел» со значением «удалиться, покинув какое-нибудь место, отправиться куда-нибудь» Наречие «прочь» со значением «дальше от какого-то места, долой» [18. С. 544]. Вслед за неверным выбором приставки для образования глагола происходит нарушение лексической сочетаемости глагола и наречия: отошел прочь, а также искажение смысла всего предложения, нарушение коммуникативной точности</p>	

Table 2

**Errors in Russian speech associated with the use of a word
without taking into account its lexical meaning or the meanings of its morphemes**

<p><i>The fragment of the source text for narration</i></p>	<p><i>The previous owner, Daivan, grabbed her by the woolly cheeks, lifted her muzzle, looked into her eyes, said something in Even, then forcefully threw the dog away from him, turned and went away.</i></p>
<p><i>The result of the transfer of the fragment in the narration</i></p>	<p><i>Old master Daivan tugged at her woolly cheeks, said something in Even, and stepped aside.</i></p>
<p>Psycholinguistic interpretation of the error: in the interaction of contacting languages (Komi-Permyk and Russian) “the search for the necessary linguistic unit is carried out through the formation of an intermediate language, namely in the processes of speech-thinking activity in the identification of words and in the understanding of the text by ear and in reading” [1, p.12].</p> <p>A bilingual person operates with units of the core of the verbal-semantic field, selection of units which are on the periphery of the field (prefixes, prepositions, endings etc); the selection and use of linguistic units, the grammatical categories of which are of a different nature (type, voice, etc.) or which are not in the native language (gender, agreement, control, etc.) go beyond the boundaries of the core of the field and are not taken into account or are used formally without regard to the meaning they express.</p>	
<p>Linguo-methodical interpretation of the error:</p> <p>The use of the word “old” does not reveal the necessary meaning in this context (old — former, previous), but expresses a direct meaning (old — not young). Consequently, there is a distortion of meaning.</p> <p>Similar processes are characteristic of the use of the verb tugged her woolen cheeks, instead of grabbing her woolly cheeks. Shades of meaning are lost due to a poorly chosen verb that does not accurately convey the necessary meaning.</p> <p>The violation in the formation of the word with the help of the prefix and the misunderstanding of the shades of its meaning is a characteristic mistake associated with the interference of the Komi-Permian Russian languages. There are few prefixes in the Komi-Permyak language. “It has only med- (мед-) with the meaning of “most, (самый) най-(най-)” and не- (не-) (borrowed from the Russian language), which are used with adjectives, pronouns, adverbs...” [17. P. 597].</p> <p>The wrong choice of the word “stepped aside” instead of “went” is due to the underestimation of the meaning conveyed by the prefix (ото-to move away — in the meaning of ‘to retreat, but to remain here’). In this case, a verb with a different prefix was needed: “y-(u-shel)” or “по-(po-shel)” with the meaning “to leave, leaving some place, to go somewhere” The adverb “away” with the meaning “further from some place, down” [18. P. 544]. Following the wrong choice of the prefix to form the verb, there is a violation of the lexical combination of the verb and the adverb: went away as well as distortion of the meaning of the entire sentence, a violation of communicative accuracy.</p>	

Таблица 3

Ошибки в русской речи, связанные с нарушением морфемного состава или способа образования слова

Фрагмент текста для изложения без ошибки	<i>Поселили ее на дворе. Много дней собака ничего не ела, дичилась, тосковала по хозяину.</i>
Результат письменной передачи фрагмента	<i>У Нурки было долгое тоскование по хозяину.</i>
Психолингвистическая интерпретация ошибки. 1. Использование стереотипа-представления о модели образования отглагольного существительного в родном языке. 2. В коми-пермяцком языке есть глагол <i>тоскуйтны</i> — тосковать, затосковать, скучать, грустить [17. С. 481] и образованное от него существительное <i>тоскуйтӧм</i> — тоска, грусть [17. С. 481]. Отглагольное существительное со значением отвлеченного действия или состояния образовано в коми-пермяцком языке при помощи продуктивного суффикса <i>-ӧм</i> . Ошибочное образование существительного «тоскование» восходит к аналогии: образование суффиксальным способом от производной основы глагола	
Лингвометодическая интерпретация ошибки: 1) в русском языке от глагола тосковать существительное образуется по другой модели (с усечением глагольного суффикса в производной основе и нулевой аффиксацией на ступени образования отглагольного существительного); 2) перенос словообразовательной модели родного языка основа глагола + суффикс для образования отглагольного существительного приводит к ошибочному образованию русского отглагольного существительного «тоскова + ни-е»	

Table 3

Errors in Russian speech associated with the deviance of the morphemic composition or the method of word formation

A fragment of the text for narration without error	<i>They settled her in the yard. For many days the dog did not eat anything, ran wild, longed for its owner.</i>
The result of the written interpretation of the fragment	<i>Nurka had a long longing for its owner.</i>
Psycholinguistic interpretation of the error. 1. The use of the stereotype-representation of the model of verbal noun formation in the native language. 2. In the Komi-Permyak language there is the verb <i>тоскуйтны</i> — to yearn, to miss, to bore, to be sad [17. P. 481] and the noun <i>тоскуйтӧм</i> derived from it — meaning melancholy, sadness [17. P. 481]. A verbal noun with the meaning of an abstract action or state is formed in the Komi-Permyak language with the help of the productive suffix <i>-ӧм</i> . The incorrect formation of the noun “longing” goes back to analogy: the formation with the help of the suffix from the derivative stem of the verb	
Linguo-methodical interpretation of the error: 1. In the Russian language the noun from the verb “to yearn” is formed according to different model (with truncation of the verbal suffix in the derived stem and zero affixation at the stage of formation of the verbal noun). 2. The transfer of the word-formation model of the native language verb stem + suffix for the formation of a verb noun leads to the erroneous formation of the Russian verbal noun “тоскова-ни-е”	

Таблица 4

Ошибки в русской речи, связанные с нарушением морфологических категорий при употреблении частей речи

Исходный фрагмент текста для изложения без ошибки	<i>Уже во время учебы он стал интересоваться металлургией. Он окончил училище с большой золотой медалью и получил премию 500 рублей.</i>
Результат передачи смысла в изложении	<i>Уже во время учебы он стал интересоваться металлургией. Он оканчивал училище с большой золотой медалью.</i>
<p>Психолингвистическая интерпретация ошибки. 1. Использование стереотипа-представления о виде глагола в родном коми-пермяцком языке. 2. В коми-пермяцком языке категория вида является очень специфичной. Комиведы называют данную грамматическую категорию «способом глагольного действия» [19. С. 77]. 3. Семантика вида в коми-пермяцком языке выражается с помощью формообразующих суффиксов. Следует обратить внимание на то, что в составе одного слова может быть два видовых суффикса. Различают следующие виды глаголов на основе способов глагольного действия: <i>однократный</i> (обозначают недлительное действие); <i>многократный</i> (противопоставляются однократному глаголу); <i>мгновенный</i> (противопоставляются глаголам длительного действия); <i>длительный</i> (обозначают длительное, рассредоточенное действие); <i>уменьшительный</i> (обозначают действие в малой мере); <i>завершенный</i> (обозначают результат действия); <i>начинательный</i> (обозначают начало действия)</p>	
<p>Лингвометодическая интерпретация ошибки: 1. Способ действия как доминирующее представление о виде глагола становится стереотипным представлением при определении вида русского глагола: осуществляется корреляция с прошедшим временем глагола как завершенным (совершенным) действием. По прошедшему времени глагола автоматически определяется совершенный вид русского глагола. Наличие/отсутствие приставок в русском глаголе как показателе совершенного/несовершенного вида не используется. Выделение суффикса в русском глаголе и соотнесение его значения с показателем совершенного/несовершенного вида не используется. 2. Для определения вида русского глагола инонационально-русскому билингу необходимо применить более объемную схему рассуждения для определения вида русского глагола:</p>	
Показатели определения вида русского глагола русскими учащимися	Неверная логика определения вида русского глагола учащимися коми-пермяками на основе стереотипа-представления о виде русского глагола
1. Вопрос	2. Вопрос
3. Категориальное значение (завершенного/незавершенного) действия	4. Значение завершенного/незавершенного действия определяется по лексическому значению в сочетании с определением категории времени глагола (если глагол стоит в прошедшем времени, значит, он совершенного вида), если в будущем — несовершенного.
	5. Вывод о том, в каком времени стоит глагол

Table 4

Errors in Russian speech associated with deviance of morphological categories when using parts of speech

<i>The fragment of the narration without an error</i>	<i>Already during his studies he became interested in metallurgy. He graduated from the school with the big gold medal and the prize of 500 rubles</i>
<i>The result of conveying the meaning in the narration</i>	<i>Already during his studies he became interested in metallurgy. He was graduating from the school with the big gold medal</i>
<i>Psycholinguistic interpretation of the error:</i> 1. The use of a stereotype-idea of the verb type in the native Komi-Permyak language. 2. In Komi-Permyak language the category of verb type is very specific. Komi scholars call this grammatical category “the mode of verbal action” [19. P. 77]. 3. The semantics of the verb type in the Komi-Permyak language is expressed with the help of form-forming suffixes. It should be noted that one word can contain two specific suffixes. The following types of verbs are distinguished on the basis of the methods of verbal action: one-time (denoting a short action); multiple (contrasted to one-time verb); instantaneous (contrasted to long-acting verbs); continuous (denotes a long-term, dispersed action); diminutive (denoting action in a small measure); perfect (denote the result of the action); introductory (denotes the beginning of the action)	
<i>Linguo-methodical interpretation of the error:</i> 1. The mode of action as the dominant idea of the verb form becomes a stereotyped representation when determining the type of the Russian verb: there is a correlation with the past tense of the verb as a completed (committed) action. The past tense of the verb automatically determines the perfect form of the Russian verb. The presence/absence of prefixes in the Russian verb as an indicator of the perfective/imperfective form is not used. The selection of the suffix in the Russian verb and the correlation of its meaning as the indicator of the perfect/imperfective form is not used. 2. To determine the type of the Russian verb, a non-national-Russian bilingual needs to apply a more voluminous scheme of reasoning to determine the type of the Russian verb:	
Indicators of determining the form of the Russian verb by Russian students	Incorrect logic of determining the form of the Russian verb by Permian Komi students on the basis of the stereotype-idea of the form of the Russian verb
1. Question	1. Question
2. Categorical meaning of (completed/incomplete) activity	2. The meaning of a complete/incomplete action is determined by the lexical meaning in combination with the definition of the verb tense category (if the verb is in the past tense, then it is perfective), if in the future – imperfective.
	3. Inference on the tense of the verb

Заключение

Ошибка в письменной и устной речи инонационально-русского билингва имеет психолингвистическую природу и должна интерпретироваться с учетом взаимовлияния родного и русского языков. Межъязыковые взаимодействия проявляются стереотипами-представлениями билингвального носителя о языковых явлениях, их моделях, структурах, значениях в родном языке и применением этих стереотипов в процессе восприятия / продуцирования высказываний / текстов на русском языке.

Интерпретация ошибок в русской речи исходит из понимания стереотипов в речевой деятельности инонационально-русского билингва и осуществляется в направлении от лингвистического факта нарушения к пониманию / реконструкции причин ее возникновения. Лингвометодическая интерпретация осуществляется на основании выявленных психолингвистических причин и их лингвистических следствий в русской устной и письменной речи и предполагает предложения специальных методических средств для совершенствования русской речи билингвального носителя.

Список литературы

1. *Залевская А.А.* Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 10–17.
2. *Залевская А.А.* Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6–22.
3. *Капинос В.И., Сергеева Н.Н., Соловейчик М.С.* Развитие речи: теория и практика обучения: 5–7 кл.: кн. для учителя / В.И. Капинос, Н.Н. Сергеева, М.С. Соловейчик. М.: Просвещение, 1991. 342 с.
4. *Львов М.Р.* Словарь-справочник по методике русского языка: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1988. 240 с.
5. *Овчинникова И.Г., Павлова А.В.* Переводческий билингвизм. По материалам ошибок письменного перевода. М.: ФЛИНТА: Наука. 2016. 304 с.
6. *Панов М.В.* Обучение учащихся школ народов финно-угорской группы русской орфографии и пунктуации // Методика обучения русскому языку в 4-10 классах школ народов финно-угорской группы. Л.: Просвещение. 1985. 351 с.
7. *Привалова И.В.* Ошибки при переводе под влиянием психологической установки // Функционирование языковых единиц в разных формах речи. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1995. С. 59–64.
8. *Цейтлин С.Н.* Речевые ошибки и их предупреждение: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. 143 с.
9. *Цейтлин С.Н., Круглякова Т.А.* О природе речевых ошибок многоязычных школьников // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Т. 1. № 2. С. 103–112.
10. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
11. *Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка: учебник. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 464 с.

12. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки). М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 88 с.
13. Кузнецова Т.Д. Роль установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях билингвизма и трилингвизма: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Алма-Ата, 1981. 172 с.
14. Гохлернер М.М., Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков: Основа, 1990. 184 с.
15. Дебрени М. Межязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-deviatologiya-oshibki-porozhdeniya-i-ponimaniya> (дата обращения: 10.01.2023).
16. Цыпанов Е.А. Видза олан, коми кыв! Сыктывкар: Кола, 2015. 352 с.
17. Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27 000 слов. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
18. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. 816 с.
19. Коми язык: энциклопедия: А-Я / М-во образования и высш. шк. Респ. Коми, РАН, Урал. отд-ние, Коми науч. центр. Ин-т яз., лит. и истории; отв. ред. канд. филол. наук Г.В. Федюнова. М.: Изд-во ДИК, 1998. 607 с.

References

1. Zalevskaya, A.A. 2009. Questions of psycholinguistic theory of bilingualism. Questions of psycholinguistic, no. 10, pp. 10–17. (In Russ.)
2. Zalevskaya, A.A. 2009. Speech error as a tool for scientific research. Questions of psycholinguistic, no. 9, pp. 6–22. (In Russ.)
3. Kapinos, V.I., Sergeeva, N.N., and Soloveichik, M.S. 1991. Speech development: theory and practice of teaching: 5–7 grades: teacher's book. Moscow: Prosveshchenie publ. print. (In Russ.)
4. L'vov, M.R. 1988. Dictionary-reference book on the methodology of the Russian language: a textbook for students of pedagogical institutes in the specialty. Moscow: Prosveshchenie publ. print (In Russ.)
5. Ovchinnikova, I.G., and A.V. Pavlova, 2016. Translation bilingualism. Based on written translation errors. Moscow: FLINTA: Nauka publ. print (In Russ.)
6. Panov, M.V. 1985 Teaching Russian spelling and punctuation to students of schools of the peoples of the Finno-Ugric group. Leningrad: Prosveshchenie publ. print (In Russ.)
7. Privalova, I.V. 1995. Errors in translation under the influence of a psychological attitude. Funktsionirovanie yazykovykh edinit v raznykh formakh rechi, pp. 59–64. (In Russ.)
8. Tsejtin, S.N. 1982. Speech errors and their prevention: A guide for teachers. Moscow: Prosveshchenie publ. print (In Russ.)
9. Ceytlin, S.N., and T.A. Kruglyakova. 2019. The nature of speech errors of multi-language schoolchildren, pp. 103–112. (In Russ.)
10. Karaulov, Ju.N. 2010. Russian language and linguistic personality. 7-th ed. Moscow: LKI publ. print (In Russ.)
11. Kozhina, M.N., Duskaeva L.R., and Salimovskii V.A. 2010. Stylistics of the Russian language: textbook. Moscow: FLINTA: Nauka publ. print (In Russ.)
12. Leont'ev, A.A. 1970. Some problems of teaching Russian as a foreign language (psycholinguistic studies). Moscow: Moskovskii universitet publ. print. (In Russ.)
13. Kuznetsova, T.D. 1981 The role of goal in the formation of correct and erroneous speech in the conditions of bilingualism and trilingualism: dissertation ... candidate of psychological sciences. Almaty. http web. (In Russ.)

14. Gokhlerner, M.M., and G.V. Eiger. 1990. Mechanisms of controlling the linguistic correctness of a statement. Kharkov: Osnova publ. print. (In Russ.)
15. Debrenn, M. 2007. Interlingual deviatology: errors of generation and understanding. NGU Journal; linguistics and intercultural communication. <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-deviatologiya-oshibki-porozhdeniya-i-ponimaniya>. Web (In Russ.)
16. Tsypanov, E.A. 2015. Vidza olan, komi kyv! Syktyvkar: Kola publ. print. (In Russ.)
17. Batalova, R.M., and A.S. Krivoshchekova-Gantman. 1985. Komi-Permyak-Russian Dictionary: about 27.000 words. Moscow: Russkii yazyk publ. print. (In Russ.)
18. Ozhegov, S. I., and N.Ju. Shvedova, eds. 1985. Dictionary of the Russian language. 17-th ed. Moscow: Stereotip publ. print. (In Russ.)
19. Fedunев, G.V. (editor). 1998. Komi language: encyclopedia: A–Z / Ministry of education and higher education. Rep. Komi, RAS, Ural. department, Komi Scientific Center. Institute of Language, Literature and History. Moscow: Publishing House of DIK, 607 p.

Сведения об авторе

Медведева Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. ORCID: 0000-0002-0152-2922; E-mail: basha_n@mail.ru

Bio note

Natalya V. Medvedeva is a Ph.D, Associate Professor Perm State Humanitarian Pedagogical University, Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages. ORCID: 0000-0002-0152-2922; E-mail: basha_n@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-99-109

EDN: UKNDPT

Научная статья / Research article

Язык специальности: деловое общение в билингвальной аудитории. От общего к частному

М.Н. Аникина

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76
✉ m.n.anikina@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено выявлению и анализу проблем, которые влияют на процесс обучения языку профессии — деловому / профессиональному общению учащихся-билингвов. Анализ скоординирован с описанием внешних факторов, обуславливающих смещение акцента с обучения языку специальности на обучение деловому общению. Проведённый комплексный анализ даёт возможность выстроить единую модель обучения на основе целостного подхода. Определяется общая стратегия обучения, формулируются задачи и намечаются подходы к их решению, а также очерчиваются контуры разветвлённого многокомпонентного практического продукта для обеспечения учебного курса.

Ключевые слова: русский язык, язык специальности, профессиональное общение, билингвальная аудитория, внешний контекст, стратегия обучения, практический продукт

История статьи: поступила в редакцию 30.11.2023; принята к печати 12.01.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Аникина М.Н. Язык специальности: деловое общение в билингвальной аудитории. От общего к частному // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 99–109. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-99-109>

Russian Language for Specific Purposes: Business Communication for Bilingual Learners. From General Concepts to Practical Applications

Marina N. Anikina

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

✉ m.n.anikina@gmail.com

Abstract. The study is focused on revealing and analysis of external influences that affect the process of teaching the Russian language for specific purposes — business/professional communication to bilingual learners. The analysis is correlated with the description of external factors that cause a shift of emphasis from teaching the language of profession to teaching business communication. This comprehensive analysis makes it possible to build a uniform teaching course model based on a holistic approach. The study defines the general strategy of training, formulates tasks and outlines approaches to their solution, as well as delineates the contours of a branched out multi-component practical training course.

Key words: Russian Language, Russian Language for specific purposes, professional communication, bilingual learners, external context, training strategy, practical training course

Article history: received 30.11.2023; accepted 12.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Anikina, M.N. 2024. “Russian Language for specific purposes: business communication for bilingual learners. From general concepts to practical applications.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 99–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-99-109>

Введение

В области обучения русскому языку специальности можно с уверенностью говорить о достигнутом в научно-методическом сообществе консенсусе по вопросу о необходимости смещения центра тяжести с учебно-научной сферы деятельности учащегося на его подготовку к будущей продуктивной профессиональной деятельности. Обучение языку специальности — деловому общению должно проходить комплексно, в единстве и тесном переплетении двух составляющих, то есть комплексно, «разграничение между учебно-научной и профессиональной сферами общения... нецелесообразно» [3. С. 266]. Признание факта тем не менее не означает повсеместного внедрения прагматического подхода в непосредственную практику обучения, где до сих пор царит глубоко укоренившаяся традиция. Сущностно цель обучения языку специальности в рамках действующей традиции можно определить следующими образом — подготовить студента-иностранца к адекватному восприятию и передаче научной информации по специальности с последующим успешным прохождением поэтапного контроля в рамках полу-

чения высшего образования. Однако быстрота и успешность вхождения в сферу непосредственной профессиональной деятельности не обеспечиваются достижением указанной цели. Мало того, суженное целеполагание с точки зрения динамичного продвижения по профессиональной траектории является малопродуктивным и существенно снижает мотивацию обучения.

Если говорить об обучении языку специальности студентов-билингвов, то ситуация в этой области ещё более печальная. Билингвы имеют в своём сознании субъективное представление со следующей усреднённой формулировкой: «Я свободно (хорошо, отлично) говорю по-русски, могу выразить всё, что я думаю по тому или иному вопросу, я правильно понимаю любую поступающую информацию. Значит, у меня нет и не может быть проблем с языком специальности и профессиональным общением». Ясно осознаваемое преимущество во владении русским языком по сравнению с другими студентами-иностранцами приводит к тому, что студенты-билингвы стремятся перейти на свободное посещение с выполнением письменных, в обычной практике реферативных заданий. Свободное владение русским языком бытового общения создаёт у них:

а) уверенность в достаточности имеющегося языкового багажа для достижения учебно-научных и профессиональных целей;

б) осознаваемое или неосознанное высокомерие по отношению к предмету. Естественно, что подобные представления ложны, они легко разбиваются при первом же столкновении с профессионально-ориентированным общением и в устной, и в письменной формах. Подобный когнитивный диссонанс полезен как разовая акция для осознания, но бесполезна при отсутствии дальнейших действий, направленных на его преодоление через «научение общению, организацию среды для его успешного развития, формирование особого вида мотивации» [1. С. 12]. Разработанный в едином мировоззренческом ключе многовекторный профессионально-центрированный мотивационный учебный курс позволит с первых шагов снять негативизм учащихся. Однако прежде чем приступить к разработке и созданию курса, необходимо проанализировать привходящий контекст, который оказывает непосредственное влияние на организацию процесса обучения и без учёта которого достижение указанной практической задачи невозможно.

Обсуждение

1. Причина → следствие: смещение приоритетов в обучении языку специальности

Неизбежность переноса акцента в обучении языку специальности с «обслуживания» учебно-научной сферы на подготовку к продуктивной профессиональной деятельности обусловлена комплексом причин, среди кото-

рых можно выделить два блока: первый детерминирован меняющимися требованиями работодателей к спектру профессиональных и надпрофессиональных качеств своих сотрудников и, соответственно, меняющимися приоритетами самих студентов; второй — изменениями в области принятия / восприятия информации, определяемыми развитием информационно-коммуникационных технологий. Остановимся на этом подробнее.

Работодатели заинтересованы в специалистах, которые обладают нужными знаниями, устойчивыми навыками профессионального общения, лежащими «в основе способности обеспечить... порождение определённого вида профессионального дискурса в устной или письменной форме» [2. С. 382]. Разграничение сфер профессионального взаимодействия и набор стратегий устного и письменного общения¹ в каждой сфере составляет прочную базу компетентной деловой коммуникации. Помимо этого, при наличии выбора между кандидатом «держателем знаний» и кандидатом «добывателем знаний» работодатель отдаёт предпочтение последнему. При меняющихся, расширяющихся или выпадающих из категории востребованных знаниях более ценным качеством становится не талант получить знания и удержать в памяти в максимально полной форме, а гибкая способность извлекать из разных источников актуальные, востребованные в моменте знания, умение сопоставлять, систематизировать интерпретации и вычленять новое с последующим обоснованным применением на практике. Из надпрофессиональных качеств системное адаптивное мышление становится главным конкурентным преимуществом.

В свою очередь, учащийся, как потенциальный соискатель подходящей вакансии, сознательно или подсознательно отдаёт себе отчёт в несовпадении того, что он получает в процессе обучения, тому, что будет востребовано в профессиональной жизни. Здесь в зависимости от исходных личностных характеристик, ценностей и целей прослеживаются два основных алгоритма действий: либо махнуть на учёбу и относиться к процессу чисто утилитарно (лишь бы сдать зачёт/экзамен и забыть), либо при том же утилитарном подходе уйти в практическое самообразование, проходя профессиональные курсы и тренинги, нарабатывая опыт в интересующей профессиональной сфере деятельности. При смене парадигмы обучения, в рамках которой обеспечивается прохождение мотивационного профессионально-сконцентрированного обучающего курса, баланс между «есть и надо» восстанавливается, роль русского языка значимо и ценностно растёт: язык учебного выживания → язык профессионального процветания и саморазвития [3. С. 265–266].

---

¹ Интересным и полезным здесь является проводимое в МГИМО исследование «Разработка языковой профиограммы выпускника МГИМО как попытка реализации функционально-прагматического принципа разработки курса языка профессии».

Перейдём к рассмотрению второго блока. Говоря об изменении принятия / восприятия информации, мы акцентируем три важных для дальнейших рассуждений момента, а именно а) интернет-ресурсы² стали приоритетным источником получения информации для большинства живущих на данный момент поколений; б) объём передаваемой через интернет-ресурсы информации растёт постоянно и значительными темпами; в) рост объёма информации приводит к внедрению действенных форм лаконичной и ёмкой её передачи, что повышает информативность текста, увеличивает его информативную плотность. Человек, как потребитель информации через интернет-ресурсы, сталкивается со следующими взаимосвязанными последствиями: объём удерживаемой в памяти информации сокращается, усвоение больших объёмов кратко ухудшается; информация начинает восприниматься и усваиваться только в лаконичных и ёмких формах, зачастую в форме комбинаторных креолизованных текстов; возникают проблемы с развёртыванием сжатых текстов; способ изложения информации меняется в сторону увеличения фрагментации и хаотизации; фокус внимания и, соответственно, отбор информации смещается на сугубо частное, бытовое «я-обусловленное». В целом хаотичность изложения, смешение причинно-следственных связей, неразграничение общего и частного — вот лишь небольшая, но существенная часть проблем, которые имеют непосредственное воздействие на сферу обучения.

Несмотря на видимые негативные (хотя предполагаем, что данная оценка в исторической перспективе может утратиться) последствия указанного фрагмента действительности, есть и положительный момент — повышение скорости восприятия краткой и ёмкой информации в сочетании с устойчивым навыком сортировки «я-обусловленной» информации.

Вышеизложенное обеспечивает достаточную аргументацию тезиса о необходимости изменения / коррекции профессиональных устремлений, целей, задач, подходов в области обучения языку специальности. И если информация первого блока определяет императив на смещение фокуса, то второй блок затрагивает пространство содержания, принципов, форм и методов работы, которые могут быть применены в интересующей нас сфере.

2. Язык специальности — деловое общение в билингвальной аудитории: анализ привходящих проблем, общая стратегия обучения

Независимо от того, какой тип двуязычия представляет студент-билингв, можно выделить общий круг проблем, которые в значительной мере опреде-

---

² В целях данной работы сузим понятие интернет-ресурсов до контент-сайтов, оставив за скобками различного рода онлайн-сервисы, сайты для общения и т.п.

ляют уровень результативности продвижения по директории «язык специальности — деловое общение». Следует особо отметить, что рассматриваемые ниже проблемы не исходят из качества общего владения русским языком, они имеют иную природу и частично определяются изменениями восприятия / усвоения информации, об особенностях которых речь шла выше.

➤ Первая проблема состоит в том, что языковой аппарат для участия в профессиональном общении либо не структурирован и размыт, либо структурно присутствует в языковом сознании и осознается, но не выведен в речь. Оговоримся, что здесь не имеется в виду отсутствие или недостаток владения нужной терминологией, эта лакуна естественна и успешно заполняема. Гораздо сложнее изменить или серьёзно скорректировать укоренившийся, но несоответствующий способ выражения. Рассуждения на профессиональные темы, участие в обсуждениях профессиональной повестки демонстрируют повсеместно распространённую подмену языковых средств, характерных для языка профессии, средствами разговорного языка, что приводит к примитивизации способа выражения. Примером может служить следующая модифицированная передача информации: «США были признаны виновными в нарушении Конвенции» → «Америку признали виновной (виноватой³), что она нарушила Конвенцию». Здесь наглядно представлены следующие типичные подмены: пассивные конструкции подменяются глаголами в форме 3-го лица множественного числа, отглагольные существительные — соответствующими глаголами, что влечёт за собой изменение синтаксической конструкции с простой на сложную, официальное название страны — разговорным аналогом. Приведём ещё один пример. «Вынесенное Судом решение не подлежат обжалованию». → «Решение, которое они вынесли, нельзя обжаловать». Здесь также наблюдаются синтаксическая трансформация за счёт замены причастия глагольной конструкцией со словом «который» и уход от употребления отглагольного существительного. Помимо этого, существительное «суд» заменяется местоимением «они»⁴, терминологическое сочетание «не подлежат обжалованию» — конструкцией «нельзя + инф». Ситуация примитивизации усугубляется проникновением в язык билингвов некоторых черт вульгаризации русского языка, которые также могут проявляться в обсуждении профессиональной тематики [4. С. 30].

➤ Вторая проблема тесно связана с предыдущей и заключается в том, что в языковом сознании не разграничены стили речи, нет целостного представления о профессиональном дискурсе в общем и составляющих его дис-

---

³ Ошибки в употреблении паронимов характерны для всех иностранных учащихся, билингвы не исключение.

⁴ Распространенность замены названий организаций, учреждений, стран и т.д. местоимением «они» повсеместна.

курсивных событиях в частности, что позволило бы следовать соответствующему алгоритму общения. Отсюда проистекает подмена деловой коммуникации бытовым общением при полном или частичном этикетном несоответствии.

➤ Третья проблема сводится к неразработанности или отсутствию навыков логического изложения информации. В отличие от вышеуказанных проблем, которые примитивизируют деловое общение, но, скорее всего, не нарушат адекватность восприятия информации, затруднения логического характера могут создать серьёзные препятствия в восприятии. Причина кроется в том, что отсутствие логики неизбежно порождает хаотичность, противоречивость, чрезмерную эмоциональность изложения.

➤ Четвёртая проблема соотносится с предыдущей и связана с системно несформированными умениями вычленять в воспринимаемом тексте основную информацию, отделять главное от второстепенного, профессионально значимое от профессионально незначимого. Проблема эта носит вневременной универсальный характер, однако — скорее всего под влиянием развития ИТ — видна тенденция к её нарастанию. При предъявлении небольшого по объёму текста, содержащего информацию профессионально значимого характера и профессионально обусловленного, но не значимого, учащиеся реагируют на последнюю, соответственно, и легче её запоминают, поскольку она в большей степени определена «я-обусловленным» интересом. Сюда, например, может относиться информация, связанная с названиями стран и городов (я-обусловленный интерес к путешествиям), с языками (я-обусловленный интерес к иностранным языкам и общению), с компенсациями (я-обусловленный интерес к финансовой стороне жизни) и т.д.

➤ Пятая проблема — недостаток декларативных (knowing that) и процедурных (knowing how) знаний [5. С. 17–20], с которыми студент-билингв приступает к процессу обучения в университете. Здесь имеется в виду комплекс знаний, составляющий интеллектуальный кругозор и выходящий за рамки обыденных знаний. В частности, существенные пробелы наблюдаются в знаниях по истории, географии, обществознанию, совокупность которых составляет отправную базу в подготовке специалистов в интересующей нас области международной деятельности: дипломатии, права, экономики. Естественно, что это сказывается и на динамике обучения языку специальности.

➤ Возможность преодоления комплекса проблем видится в определении стратегии обучения языку специальности — деловому общению при следующем целеполагании: формирование устойчивых навыков пользования актуальным профессиональным дискурсом как многоплановым интегративным единством. Стратегия определяется избранным мировоззренческим подходом к обучению. Конечный практический продукт — мотивационный

учебный курс по русскому языку «Язык специальности → профессиональное общение»⁵. Тактически это требует решения задач, в основной перечень которых входит следующее:

➤ Формирование компактного градуированного языкового блока с параллельным введением его составляющих в конкретный контекст, отбор тематических кластеров с набором информационно плотного текстового материала. «Информация, которую мы отбираем... должна отвечать следующим критериям: необходимо, достаточно, просто, коротко» [6].

➤ Выделение особого интегративного дискурса, уместно совмещающего дискурсы нескольких онтологически связанных профессиональных сфер и с ограниченным внедрением элементов разговорного дискурса.

➤ Выстраивание работы по развитию интегративных навыков делового общения в рамках одного тематического кластера по линии: предварительное (мониторинг предварительных знаний), основное (формирование и всесторонняя отработка новых знаний и необходимых навыков), заключительное (выборочные методы имитационного моделирования). Имитационное моделирование высокого уровня имеет значительную ценность как интегрирующее целое и способ всестороннего контроля достигнутых результатов обучения [7].

➤ Организация учебно-профессионального общения в рамках конкретных ситуаций с надлежащим применением коммуникативных стратегий и тактик, характерных для интегративного профессионального дискурса.

➤ Расширение декларативных и процедурных профессиональных знаний в единстве, развитие умений извлекать их самостоятельно.

➤ Развитие/формирование самостоятельности продуктивного профессионального мышления и рассуждения вне субъективно-эмоционального видения, но на основе знаний и аналитических умений, осуществляемое «за счёт решения речемыслительных задач разного уровня сложности, отражающих содержание процесса общения» [8. С. 35].

➤ Стимулирование исследовательской творческой активности (индивидуальной и в команде) в рамках интерактивных методов, в том числе метода профессионально ориентированных проектов [9].

➤ Развитие умений и навыков рационального аргументирования — логичного доказательного изложения и убеждения;

➤ Освоение этикетных норм поведения и общения в профессиональной среде и неукоснительное им следование в учебно-профессиональном общении.

---

⁵ Профессиональные интересы автора сосредоточены на создании курса для будущих специалистов в области права, экономики, международной политики и международных отношений.

➤ Для билингов с учётом высокой оценки ими собственного уровня владения русским языком процесс формирования качественной профессиональной коммуникации и автоматизации переключения с бытового на профессиональное общение требует установления чётких табу как в языковом, так и в этикетном употреблении. При раннем внедрении и жёстком следовании подобная практика дает отличные результаты и ускоряет указанный процесс.

Заключение

Фокус обучения — учебно-профессиональная сфера как обучающая тренировочная площадка для профессиональной коммуникации. Цель обучения состоит в обеспечении будущего специалиста устойчивым навыком владения интегративным профессиональным дискурсом, в общем смысле — достижении дискурсивной компетенции.

Способом достичь цели обучения является разработка и создание курса «Язык специальности → деловое общение». Курс должен быть: а) создан в едином мировоззренческом ключе; б) ёмким и лаконичным, но при этом достаточным для достижения цели, а также разветвлённым по составу обеспечивающего его пакета учебно-методических материалов; в) иметь всеобъемлющее учебно-методическое обеспечение.

Разработка курса должна строиться с учётом привходящих факторов: актуальных требований к соискателю вакансии со стороны работодателя, а также прямо влияющих на сферу обучения процессов, обусловленных научно-техническим прогрессом, в том числе и внедрением искусственного интеллекта.

Обучение языку специальности — деловому общению студентов-билингов имеет свои проблемы и особенности. Разработка единого пакета методических руководств и комплекса учебных материалов должна осуществляться с учётом указанных проблем с целью их устранения.

Эффективность курса определяется выполнением базовых требований: максимальное соответствие актуальным потребностям в профессиональном общении; мотивационность; лаконичность и ёмкость языкового и текстового пакетов; переплетение; динамическое напряжение; мультимедийность. Нельзя упустить ещё один важнейший фактор — интеллектуальную и эмоциональную готовность преподавателя к работе с курсом, что в применении к данной ситуации подразумевает:

- а) знания по профессиональному профилю подготовки учащихся;
- б) мировоззренческую убеждённость в высокой продуктивности избранного методического подхода;
- в) открытость к сотрудничеству и командной работе с учащимися.

Список литературы

1. *Аникина М.Н.* Целеполагание при обучении русскому языку как иностранному и средства достижения цели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 9–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2018-15-1-9-17>
2. *Тарнаева Л.П.* Формирование дискурсивной компетенции переводчика в сфере профессионального общения на основе дискурс-анализа // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III Международной научно-практ. конф. Симферополь 25–27.04.2019. Симферополь, 2019. С. 381–386.
3. *Аникина М.Н.* Учебно-научная и профессиональная сферы общения: поиск сбалансированного подхода в обучении РКИ // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы III Конгресса РОПРЯЛ. Т. 2. Санкт-Петербург (10–13.10.2012). Санкт-Петербург, 2012. С. 264–268.
4. *Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Лингвотоксичные явления в речи и языке // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 28–32.
5. Gilbert Ryle *The concept of mind*. NY.: Routledge, 2009. 314 p. URL: <https://antilogicalism.com/wp-content/uploads/2018/04/concept-of-mind.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).
6. *Аникина М.Н.* Обучение языку специальности: учебно-методический комплекс в учебное пособие // Русский язык в многополярном мире: новые лингвистические парадигмы диалога культур: сб. статей международной научно-практической конф., посвященной 50-летию образования РУДН. Москва, РУДН (22–24.10.2009).
7. *Дегтярева Е.А.* Проведение имитационного судебного процесса для подготовки студентов-юристов к иноязычному профессиональному общению (на англ. яз.) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 1. С. 85–89. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.65.1.085-089>
8. *Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е.* Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: метод. пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.
9. *Минакова Л.Ю.* Обучение иноязычному дискурсу студентов неязыковых специальностей с использованием профессионально ориентированной проектной деятельности / под ред. С.К. Гураль. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2015. 96 с.
10. *Коменский Я.А.* Великая дидактика. СПб.: Типография Котомнина. 282 с. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Великая_дидактика_\(Коменский,_1875\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Великая_дидактика_(Коменский,_1875)) (дата обращения: 20.10.2023).

References

1. Anikina, M.N. 2018. Goal-setting in teaching Russian as a foreign language and the means to achieve a goal. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, vol. 15, no. 1, pp. 9–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2018-15-1-9-17>
2. Tarnaeva, L.P. 2019. Formation of a translator's discursive competence in the field of professional communication based on discourse analysis. *Translation discourse: an interdisciplinary approach: materials of the III International Scientific and Practical Conference Simferopol (25–27.04.2019)*, pp. 381–386.
3. Anikina, M.N. 2012. Educational, scientific and professional spheres of communication: the search for a balanced approach in teaching RCT. *Dynamics of linguistic and cultural processes in Russian-temporary Russia. Materials of the III Congress of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 2. St. Petersburg (10–13.10.2012), pp. 264–268.

4. Skovorodnikov, A.P., and G.A. Kopnina. 2017. Linguotoxic phenomena in speech and language. *The world of the Russian word*, no. 3, pp. 28–32.
5. Gilbert Ryle. 2009. *The concept of mind* — NY.: Routledge. 314 p. Available from: <https://antilogicalism.com/wp-content/uploads/2018/04/concept-of-mind.pdf>
6. Anikina, M.N. Teaching the language of the specialty. Educational and methodical complex v. textbook. Russian language in a multipolar world: new linguistic paradigms of the dialogue of cultures: collection of articles of the international scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the formation of the RUDN. Moscow, RUDN (22–24.10. 2009).
7. Degtyareva, E.A. 2020. Conducting an imitation trial to prepare law students for foreign-language professional communication (in English). *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*, no. 1, pp. 85–89. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.65.1.085-089>
8. Passov, E.I., and N.E. Kuzovleva. 2010. *Fundamentals of communicative theory and technology of foreign language education: method. Russian Russian as a foreign language teacher's manual*. Moscow: Russian language. Courses, 568 p.
9. Minakova, L.Y. 2015. Teaching foreign language discourse to students of non-linguistic specialties using professionally oriented project activities, edited by S.K. Gural. Tomsk: TSU Publishing House, 96 p.
10. Komensky, Ya.A. *Great didactics*. St. Petersburg. Printing house of Kotomnin. 282 p. Available from: [https://ru.wikisource.org/wiki/Большая_дидактика_\(Коменский,_1875\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Большая_дидактика_(Коменский,_1875)).

Сведения об авторе:

Аникина Марина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; eLibrary SPIN-код: 3678-5326; ORCID: 0000-0003-1124-6869; E-mail: m.n.anikina@gmail.com

Bio note:

Marina N. Anikina is a Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; eLibrary SPIN-code: 3678-5326; ORCID: 0000-0003-1124-6869; E-mail: m.n.anikina@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-110-121

EDN: CXPTGW

Научная статья / Research article

Культурно-образовательная среда в развитии билингвальной и полилингвальной языковой личности

Т.Е. Владимирова

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ yusvlad@rambler.ru

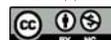
Аннотация. Исследование посвящено теме довузовского этапа обучения иностранных студентов-гуманитариев русскому языку. Особое внимание уделяется культурно-образовательной среде, которая остается недостаточно исследованной. Предпринятый анализ классического, неклассического и постнеклассического этапов (В.С. Стёпин) в развитии науки и образования позволил раскрыть ее синергетический, познавательный и лингводидактический потенциал. Рассмотрение культурно-образовательной среды как важнейшего ресурса, активизирующего формирование билингвальной и полилингвальной языковой личности, повлекло за собой разработку основных направлений в организации занятий по языку специальности. Раскрываются возможные пути практической реализации разработанной концепции культурно-образовательной среды в процессе подготовки иностранных студентов к учебе на гуманитарных факультетах российских вузов.

Ключевые слова: русский язык, культура, сознание, личность, синергетика, эпистемология, билингвальный, полилингвальный, культурно-образовательная среда

История статьи: поступила в редакцию 05.12.2023; принята к печати 11.02.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Владимирова Т.Е. Культурно-образовательная среда в развитии билингвальной и полилингвальной языковой личности // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 110–121. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-110-121>

Cultural and Educational Environment in Development Bilingual and Multilingual Linguistic Personality

Tatyana E. Vladimirova

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
✉ yusvlad@rambler.ru

Abstract. The study is devoted to the pre-university stage of teaching foreign humanities students the Russian language. At the same time, special attention is paid to the cultural and educational environment, which remains insufficiently studied. The undertaken analysis of the classical, non-classical and post-non-classical stages (V.S. Stepin) in the development of science and education made it possible to reveal its synergetic, cognitive and linguodidactic potential. Consideration of the cultural and educational environment as the most important resource that activates the formation of a bilingual and multilingual linguistic personality led to the development of main directions in the organization of classes in the language of the specialty. The article reveals possible ways of practical implementation of the developed concept of cultural and educational environment in the process of preparing foreign students to study at humanities faculties of Russian universities.

Key words: Russian language, culture, consciousness, personality, synergetics, epistemology, bilingual, multilingual, cultural and educational environment.

Article history: received 05.12.2023; accepted 11.02.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Vladimirova, T.E. 2024. “Cultural and educational environment in development bilingual and multilingual linguistic personality.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 110–121. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-110-121>

Введение

Довузовская подготовка иностранных студентов-гуманитариев к учебе на основных факультетах базируется на интегративной парадигме, которая объединяет в единое целое развитие речи, предметные знания и компетенции. Но есть у преподавателей-русистов еще одна задача — создание на занятиях по РКИ такой культурно-образовательной среды, которая способствует формированию билингвальной и полилингвальной языковой личности студентов.

Приступая к рассмотрению данной проблематики, обратим внимание на следующее обстоятельство. Такие педагогические понятия, как «языковая среда», «образовательная среда», «социокультурная среда», «культурно-образовательная среда», а также «образовательное пространство» и «социокультурное пространство», изначально разрабатывались с общедидактических позиций применительно к обучению иностранным языкам. Что же ка-

сается преподавания РКИ, то этой проблемой занимались Э.Г. Азимов, Т.М. Балыхина, А.Н. Богомолов, В.Н. Вагнер, Т.Е. Владимирова, М.В. Давер, А.В. Друзь, Н.А. Журавлева, М.Н. Кожевникова, В.Г. Костомаров, А.С. Мамонтов, О.Д. Митрофанова, В.В. Молчановский, Л.В. Московкин, И.А. Орехова, Е.И. Пассов, Н.В. Поморцева, Ю.Е. Прохоров, Н.М. Румянцева, О.Ю. Рязова, Н.И. Формановская, Е.А. Хамраева, А.Н. Щукин, О.В. Юдушкина, Ю.В. Юрова и др. Однако эпоха стремительно развивающейся цифровизации открывает новые возможности в области совершенствования культурно-образовательной среды и развития би-/полилингвальной языковой личности в обучении языку специальности в иностранной аудитории.

Обсуждение

Следуя совету **В.И. Вернадского**. В поисках путей совершенствования довузовского обучения РКИ воспользуемся выводом выдающегося ученого и методолога научного познания В.И. Вернадского, который в книге «Научная мысль как планетное явление» писал: «Мы всё больше специализируемся не по наукам, а по *проблемам*. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой — расширять охват его со всех точек зрения» [1. С. 67]. Принимая данный совет, попытаемся углубиться в суть проблематики, связанной с обучением РКИ, и расширить ракурс ее рассмотрения.

С этой целью зададимся вопросом: какой должна быть культурно-образовательная среда, которая создаст благоприятные условия для формирования би- и полилингвальной языковой личности на довузовском этапе обучения студентов-гуманитариев языку специальности?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к эволюции образования и рассмотрим стоящие за ним **типы научной рациональности: классический, неклассический и постнеклассический** [2. С. 634 и сл.], которые позволяют раскрыть *общую тенденцию* развития учебной деятельности, а следовательно, и культурно-образовательной среды.

Классическая образовательная среда (до XX в., т.е. до открытия квантовой физики) развивала рационально-логическое мышление, базируясь на заданных образцах и «жестких» формах управления. Это обусловило основную направленность образовательной среды на **знание лексико-грамматической системы** языка, а также на **контроль уровня владения** им и **субъект-объектные отношения** между преподавателем и студентами.

Неклассическая образовательная среда (до 70-х гг. XX в., когда были открыты реляционные теории) утвердила «менее жесткие» требования к студентам и в фокус ее внимания вошли собственно **познавательная деятельность, реальное общение и субъект-субъектные отношения** между преподавателем и студентами.

Современная **постнеклассическая образовательная среда** представляет собой взаимодействия таких составляющих, как 1) **обучение языку специальности**; 2) **синергетическая теория самоорганизации и содействия** с характерными для нее «мягкими» формами управления; 3) «**педагогическая концепция человекообразного образования**» [3], учитывающая мотивы, цели и индивидуальные возможности студентов. В этой связи заметим, что, согласно докторскому исследованию А.Д. Кулик, «профессионализацию учебного процесса в рамках практического курса РЯ **необходимо начинать с первого месяца обучения**» [4. С.11].

Действительно, накопленный опыт обучения РКИ свидетельствует о его тесной связи с эволюцией науки, которая преобразует культурно-образовательную среду, активизируя заложенные в ней потенциальные возможности, включая развитие би- и полилингвальной личности обучаемых.

Концепция культурно-образовательной среды А.А. Леонтьева: актуальные размышления. Среди работ А.А. Леонтьева особый интерес для данной проблематики представляет статья «Иностранный язык не должен быть „чужим“» [5], которая была опубликована в Германии (1995), а позднее вышла и на русском языке (1998). Прежде всего, сосредоточим внимание на принципиально важном вопросе, с которым автор обращается к преподавателям РКИ: «Что мы преподаем, когда мы преподаем язык?» И здесь же, отвечая на него, утверждает, что мы преподаем «язык как отражение социокультурной деятельности». Далее, раскрывая свое понимание ведущей направленности обучения РКИ, автор сформулировал следующее положение, которое остается актуальным и сегодня: «язык никак не должен преподаваться в качестве формальной системы: в гораздо большей мере **мы учим значениям**, конституирующим образ мира новой культуры и одновременно участвующим в процессах порождения речи на новом языке. Поэтому преподавать язык — значит, в конечном счете преподавать культуру» [Там же. С. 340].

Более того, выступая за преодоление знаниецентрической установки, А.А. Леонтьев подчеркивал приоритетность культуросообразного содержания обучения языку как средству общения с его носителями. Поэтому сформулированные им положения и рекомендации направлены на разработку такой культурно-образовательной среды, которая стимулирует речевое общение, создавая тем самым оптимальные условия для развития би- и полилингвальной языковой личности на занятиях по РКИ. Принимая установку на обучение «языку как отражению социокультурной деятельности», дополним ее сформулированными в статье базовыми принципами субъект-субъектного взаимодействия, которые раскрывают его синергетическую сущность:

- **коммуникативный принцип** как «направленность на другого человека, на партнера по общению..., в результате которого происходит оптимизация овладением языком» [Там же. С. 338];

• **когнитивный принцип**, выражающийся в отношении к языку как «составной части социальной памяти», которая является «ориентировочной основой как для познавательной деятельности, так и для деятельности общения» [Там же. С. 339];

• **личный принцип**, который в усвоении языка проявляется в «ориентации не только на партнера, но и на себя самого», чтобы «в полной мере реализовать свою личность в речи на иностранном языке» [Там же. С. 341].

Таким образом, в энергично-совместном учебно-педагогическом взаимодействии проявляются:

- 1) личностная включенность в общение и коллективное обсуждение;
- 2) направленность на адресата и, шире, на аудиторию;
- 3) активизация социокультурной памяти;
- 4) удовлетворение потребности в самопрезентации на русском языке.

Следовательно, в задачи преподавателя входит создание в аудитории такой энергично-совместной культурно-образовательной среды, в которой студенты чувствуют себя «в единстве существования и сущности, бытия и становления» [6. С. 5]. Это преобразует привычное «распределение ролей» и создает оптимальные условия для развития би- и полилингвальной личности обучаемых. В итоге занятие превращается в совместное бытие всех субъектов, объединенных задачами подготовки к учебе на гуманитарных факультетах российских вузов.

Завершая статью, А.А. Леонтьев дал нам еще один совет, согласно которому русский язык «должен стать для учащегося нормальным средством самовыражения. Чтобы это могло произойти, партнер общения не должен восприниматься нами как „чужой“, а его национальная культура должна переживаться нами как органическая часть общемировой культуры, а не как „чужая“, непонятная, чуждая русскому менталитету» [5. С. 342–343].

Таким образом, А.А. Леонтьевым фактически была представлена концепция энергично-совместной культурно-образовательной среды, сфокусированной на обучении социокультурной деятельности на русском языке. При этом подчеркивалась значимость коммуникативного, когнитивного и личностного принципов, в которых получила выражение синергетическая сущность русского межличностного общения с характерной для него направленностью на достижение в совместной деятельности полноты взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений. Не удивительно, что синергетический подход *рассматривается* методистами как актуальное направление в практике преподавания иностранных языков (Ю.С. Беленкова, Т.В. Болдырева, В.Г. Виненко, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, М.А. Глазун, С.К. Гураль, П.Б. Гурвич, Г.А. Китайгородская, Т.И. Красикова, Н.В. Курикова, С.А. Ламзин, Е.Ю. Надеждина, М.Д. Старостенков, И.И. Халева и др.). Что же касается обучения РКИ, то среди немногочисленных пуб-

ликаций особый интерес представляют исследования И.М. Белоусовой и С.М. Петровой.

Концепция культурно-образовательной среды: новые тенденции. Эволюция постнеклассической науки привела к тесному взаимодействию синергетики и эпистемологии. Возникшая на этом фундаменте синергетическая эпистемология существенно обогатила теорию самоорганизации, содействия и производства знания, актуальную для решения задач, стоящих перед обучением РКИ. Чтобы раскрыть потенциальные возможности образовательной парадигмы, обратимся к работам В.И. Аршинова [7] и В.Н. Поруса [8], которые выделили факторы, актуальные для обновления культурно-образовательной среды и развития би- и полилингвальной языковой личности студентов.

Отнесем к их числу, во-первых, **«возрастание роли и удельного веса субъективного фактора в научно-познавательных процессах»** [8. С. 862] (выделено нами. — *Т.В.*). Данный фактор выражается в ориентации на личность студента как ее субъекта и на личность преподавателя как ее организатора. Поэтому субъект-субъектное взаимодействие включает установку на личностное саморазвитие и творческий характер образовательной деятельности, которая выходит за рамки жесткой причинной обусловленности внешними обстоятельствами. Ведь «внутренние условия выступают как причины (проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития, источники развития находятся в самом процессе развития как его внутреннее причины), а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства» [9. С. 29]. Поэтому свойственная студентам экзистенциальная готовность к осуществлению собственного «проекта» развития, а также потребность в самоорганизации, самореализации и самоактуализации активизируют их прогностические способности, способствуя развитию би- и полилингвальной языковой личности.

Во-вторых, на занятиях по РКИ проявляется **«плюрализм синергетики как постнеклассической трансдисциплинарной коммуникативной деятельности»** [7. С. 14] (выделено нами. — *Т.В.*). Действительно, субъект-субъектный и личностно ориентированный образовательный процесс предполагает определенную степень свободы как для студента со свойственными ему представлениями о себе и своем будущем, так и для преподавателя при выборе им текстовых материалов, технологий и актуальных ценностных смыслов.

При таком подходе все субъекты образовательного процесса получают право на собственное мнение, оценку ситуации и внимание. Ведь человеку присущи потребности в самовыражении, самоутверждении и самореализации. А поскольку занятия по языку специальности обычно проходят в поликультурной среде, плюрализм точек зрения и оценок естественен и может

быть значительным. Что же касается ориентации на «человекообразное образование», то она также влечет за собой плюрализм подходов и технологий, принимающих во внимание индивидуальные возможности, способности, интересы и потребности студентов. При этом характерная для образовательного взаимодействия связь «всех со всеми» и «мягкие формы» управления также активизируют догадку, способствуя формированию би- и полилингвальной языковой личности студентов.

Отнесем к третьему фактору **«культурно-исторический контекст**, в котором познавательная и практическая деятельность оформляются и трансформируются, а также **цели и ценности** в их систематическом единстве» [8. С. 862] (выделено нами. — *Т.В.*). Известно, что самобытная русская культура вызывает у иностранных студентов-гуманитариев большой интерес. Поэтому занятия по языку специальности, которые отвечают их мотивационным ожиданиям и раскрывают ценностные представления и идеалы ее носителей, сопровождаются положительным эмоциональным настроением и эмпатией. Современная лингводидактика также подчеркивает «влияние эмоциональной вовлеченности на процесс формирования социокультурной компетенции (особенно на начальном этапе обучения, когда наиболее тяжело протекает адаптация) и поэтому ставит целью усвоение фактов культуры именно в эмоционально значимом контексте, через эмпатию» [10. С. 166].

При таком подходе субъект-субъектный и личностно-ориентированный характер «педагогического общения» (А.А. Леонтьев) создает в аудитории культурно-образовательную среду, которая воспринимается студентами как личностно значимая. Так на начальном этапе складываются условия, при которых «личность не осуществляет коммуникацию; она вовлекается в коммуникацию или становится ее частью. <...> Другими словами, она не порождает коммуникацию, а участвует в ней» [11. С. 84]. Постепенно включаясь в общение, студент практически ограничивается моделированием обращенных к нему высказываний в соответствии с усвоенными правилами.

Формирующийся при этом в сознании образ второго языка свидетельствует о становлении «смешанного уравновешенного билингвизма, являющегося оптимальным для обеспечения деятельности субъекта в условиях билингвального существования» [12. С. 1349]. Так шаг за шагом занятия превращаются в «живое» общение, которое, с одной стороны, активизирует поисковую деятельность и интуитивное «схватывание» смысла. А с другой — формирует адаптационные механизмы, снижающие уровень эмоционального напряжения и таким образом позволяющие избежать коммуникативных неудач в общении с носителями языка.

В этом контексте особую актуальность приобретает вывод А.А. Леонтьева: «Язык никак не должен преподаваться в качестве формальной системы: в гораздо большей мере мы учим значениям, конституирующим образ

мира новой культуры и одновременно участвующим в процессах порождения речи на новом языке» [5. С. 340]. Эту же позицию занимали Ю.Н. Караулов и Е.И. Пассов, с таким видением солидаризируется и автор настоящей работы.

Возвращаясь к совету В.И. Вернадского о важности изучения проблемы «со всех точек зрения», зададимся еще одним вопросом: возможно ли разработать в соответствии с «Требованиями» [13] такую обучающую программу, которая, акцентируя внимание на историко-культурном потенциале образовательной среды, обеспечивает ее доступность на довузовском этапе подготовки студентов к учебе на гуманитарных факультетах? Отвечая на вопрос, остановимся на «Книге о русском языке и культуре» [14] как варианте обучающего модуля, направленного на развитие общения в социально-бытовой, социокультурной и учебно-профессиональной сферах [13. С. 7–21], а также на знакомство студентов с «образом мира новой культуры» (А.А. Леонтьев).

Практическая реализация постнеклассической концепции культурно-образовательной среды. Стремясь сделать занятия по языку специальности не только интересными, но и доступными для восприятия, «Книга» предлагает студентам четкий алгоритм, ориентированный на пошаговое «вхождение» в русское лингвосоциокультурное пространство. С этой целью, используя технологию QR-кодирования, обучающимся предлагается не только прослушать тексты или отработать произношение фонетически трудоемких звуков, но и посмотреть видеоматериалы, ролики, телепередачи, а также мультипликационные, документальные и художественные фильмы.

Так все 12 уроков имеют одинаковую структуру и включают 9 разделов («Введение», «Чтение», «Аудирование», «Говорение», «Письмо», «Анализ текста», «Фонетические и лексико-грамматические задания», «Терминологический кроссворд» и «Видеоматериалы»), объем которых ограничен одной страницей. (Исключение составляют 9–12 уроки, где объем текстов и тестовых заданий может превышать одну страницу.)

Тем самым выполняется «принцип человекомерности», который позволяет студентам сосредоточить внимание на содержательно-смысловой и историко-культурной составляющих урока.

Раздел **«Введение»** открывается эпиграфом и иллюстративным материалом. Далее следуют вопросы для беседы, которые готовят к восприятию основной темы урока.

Раздел **«Чтение»** состоит из основного текста с вопросами на проверку понимания и дополнительный материал в рубрике «Это интересно».

Раздел **«Аудирование»** включает аудиолекцию (QR-код) и тестовые задания к ней.

Раздел **«Говорение»** представлен разнообразными заданиями на развитие устной речи.

Раздел «**Письмо**» направлен на совершенствование письменной речи: заполнение анкеты, составление плана, конспектирование, сочинение и др.

Раздел «**Анализ текста**» включает материал для чтения и задания, обучающие элементам анализа художественных и фольклорных текстов.

Раздел «**Фонетические и лексико-грамматические задания**», занимающий соответственно 2 страницы, позволяет отработать трудоемкие звуки и их комбинации, а также базовые лексико-грамматические конструкции разговорного и научного стилей речи.

Раздел «**Терминологический кроссворд**» проверяет знание введенных терминов.

Раздел «**Видеоматериалы**» ориентирован на «зону ближайшего развития» (Л.С. Выготский) и включает кадры из фильмов с фрагментами текста, которые готовят к их просмотру по интернет-ссылке. Таким образом, каждый урок — это четкая обучающая программа по развитию речи, которая погружает иностранных студентов в русское культурное пространство.

Заключительный 12-й урок представляет собой **Итоговый тест**, разработанный в соответствии с «Профессиональным модулем» [15]. Выполняя тестовые задания, студенты читают тексты о культурной картине мира, о роли А.С. Пушкина в создании русского языка, о жизни и творчестве П.И. Чайковского, а также слушают аудиолекции о традициях гостеприимства в различных культурах мира, о Третьяковской галерее и ее создателе П.М. Третьякове. А в Субтесте «Чтение и анализ художественного текста» учащиеся знакомятся с повестью А.С. Пушкина «Пиковая дама» (в адаптации) и рисунками поэта, а затем им предлагается посмотреть ее экранизацию и видеofilm. Таким образом, студентам предоставляется возможность самостоятельно проверить достигнутый ими уровень владения чтением, аудированием, анализом художественного текста, а также актуальным языковым, терминологическим и историко-культурным материалом.

Согласно установке на вовлечение студентов в мир русской культуры, в «Книге» их ждут встречи с А. Рублёвым, М.В. Ломоносовым, А.С. Пушкиным, А.С. Грибоедовым, В.И. Далем, В.Г. Белинским М.Ю. Лермонтовым, И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским, А.П. Чеховым, Л.Н. Толстым, П.И. Чайковским, П.М. Третьяковым, А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернаком, В.С. Высоцким и др. А видеofilm знакомят их с Москвой, Петербургом, городами Золотого кольца, Клином, Михайловским, Ясной Поляной, Мелиховым и Переделкино, а также с Русским музеем, Эрмитажем, Третьяковской галереей и Пушкинским лицеем. Таким образом, культурная составляющая вносит существенный вклад в развитие билингвальной и полилингвальной языковой личности иностранных студентов, существенно повышая их готовность к обучению на гуманитарных факультетах вузов России.

Выводы

Обращение к культурно-образовательной среде как важнейшему ресурсу «присвоения языка» (А.Н. Леонтьев) и рекомендация В.Г. Вернадского «углубляться в изучаемое явление» повлекли за собой рассмотрение эволюции образования от классического до постнеклассического этапов.

В результате были выявлены следующие ориентиры в организации культурно-образовательной среды, которые активизируют развитие би- и полилингвальной личности:

- 1) энергично-совместное, субъект-субъектное и личностно ориентированное взаимодействие преподавателя и студентов;
- 2) актуализация «педагогической концепции человекоразмерности»;
- 3) лингводидактическая перспективность историко-культурного подхода, обеспечивающего целостное восприятие русского языка и культуры;
- 4) творческий характер учебной деятельности, исключая жесткие формы взаимодействия;
- 5) возрастание роли и удельного веса субъектности: ориентация на личность студента как субъекта учебной деятельности и на личность преподавателя как ее организатора.

«Книга о русском языке и культуре» [14], разработанная с учетом лингводидактических, психолого-педагогических и лингвокультурных рекомендаций, способствует формированию культурно-образовательной среды, которая существенно повышает уровень адаптивности студентов к учебе на гуманитарных факультетах и создает условия для развития билингвов и полилингвов.

Принимая во внимание специфику довузовской подготовки иностранных студентов-гуманитариев по русскому языку и профилирующим предметам, предлагается ввести в качестве рабочего следующее определение: *культурно-образовательная среда обучения РКИ — это субъект-субъектное, личностно и профессионально ориентированное образовательное взаимодействие, которое развивает речь, предметные знания и компетенции, а на этой основе — би(поли)лингвальную языковую личность обучающихся.*

Список литературы

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 272 с.
2. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция, 2003. 744 с.
3. Степашико Л.А. Философия образования: онтологический аспект. Хабаровск: ХГПУ, 2002. 71 с.
4. Кулик А.Д. Интегративно-модульный подход к профессионально ориентированному обучению русскому языку иностранных студентов (начальный этап): автор. дис. ... д-ра пед. наук. М.: МПГУ, 2016. 52 с.

5. *Леонтьев А.А.* Иностранный язык не должен быть «чужим» // *Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды*. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. С. 337–343.
6. *Лэнгле А.* Экзистенциальный анализ — найти согласие с жизнью // *Московский психотерапевтический журнал*. 2001. № 1. С. 5–23.
7. *Аршинов В.И.* Событие и смысл в синергетическом измерении // *Событие и смысл (Синергетический опыт языка)*. М.: ИФРАН, 1999. С. 11–38.
8. *Порус В.Н.* Синергетическая эпистемология // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / под ред. И.Т. Касавина. М.: Издательство «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. С. 862–864.
9. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997. 192 с.
10. *Хамраева Е.А., Кожевникова М.Н., Рязова О.Ю., Юдушкина О.В.* Формирование социокультурной среды средствами лингвострановедческого контента при обучении РКИ // *Наука и школа*. 2021. № 6. С. 162–172. <http://doi.org/10.31862/1819-463X-2021-6-162-172>.
11. *Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.* Психология межличностных коммуникаций / пер. с англ. СПб.: Речь, 2000. 298 с.
12. *Татаренко Т.Д., Лисариди Е.К., Нурмухамбетова Б.Н.* Процесс формирования и развития билингвизма // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 12–7. С. 1348–1349.
13. *Андрюшина Н.П., Битехтина Г.А., Владимирова Т.Е., Иванова А.С., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Нахабина М.М., Соболева Н.И., Степаненко В.А.* Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль. СПб.: Златоуст, 2015. 64 с.
14. *Владимирова Т.Е.* Книга о русском языке и культуре. М.: ЛИБРОКОМ, 2023. 224 с.
15. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. 1 сертификационный уровень. Профессиональный модуль. Филология / Владимирова Т.Е., Красильникова Л.В. СПб.: Златоуст, 1999. 48 с.

References

1. Vernadsky, V.I. 1991. Scientific thought as a planetary phenomenon. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
2. Stepin, V.S. 2003. Theoretical knowledge. Moscow: Progress–Tradition publ. Print. (In Russ.)
3. Stepashko, L.A. 2002. Philosophy of education: ontological aspect. Khabarovsk: KhSPU. Print. (In Russ.)
4. Kulik, A.D. 2016. Integrative-modular approach to professionally oriented teaching of the Russian language to foreign students (initial stage): abstr. diss. ... Doctor of Ped. Science. Moscow: MPGU. Print. (In Russ.)
5. Leontiev, A.A. 2001. A foreign language should not be “foreign”. Language and speech activity in general and educational psychology. Selected psychological works. Moscow: Moskovskiy psikhologo-sotsial’nyy institut, Voronezh: NPO “MODEK” publ., pp. 337–343. Print. (In Russ.)
6. Lengle, A. 2001. Existential analysis — finding harmony with life. *Moscow Psychotherapeutic Journal*, no. 1, pp. 5–23. Print. (In Russ.)
7. Arshinov, V.I. 1999. Event and meaning in the synergetic dimension. Event and meaning (Synergetic experience of language). Moscow: IFRAN, pp. 11–38. Print. (In Russ.)
8. Porus, V.N. 2009. Synergetic epistemology. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*, edited by I.T. Kasavin, pp. 862–864. Moscow: Publishing house “Canon+”, ROOI “Rehabilitation”. Print. (In Russ.)
9. Rubinshteyn, S.L. 1997. Man and the world. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)

10. Khamrayeva, Ye.A., Kozhevnikova, M.N., Ryauzova, O.YU., and O.V. Yudushkina. 2021. Creation of sociocultural environment by means of country studies content in teaching Russian as a foreign language. *Science and School*, no. 6, pp. 162–172. <http://doi.org/10.31862/1819-463KH-2021-6-162-172>
11. Vatslavik, P., Bivin, Dzh, and D. Dzhekso. 2000. *Psychology of interpersonal communications*. Saint Petersburg: Rech' publ. Print. (In Russ.)
12. Tatarenko, T.D., Lisaridi, Ye.K., and B.N. Nurmukhambetova. 2015. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, no. 12–7, pp. 1348–1349.
13. Andryushina, N.P., Bitekhtina, G.A., Vladimirova, T.E., Ivanova, A.S., Klobukova, L.P., Krasilnikova, L.V., Nakhabina, M.M., Soboleva, N.I., and V.A. Stepanenko. 2015. Requirements for the First certification level of proficiency in Russian as a foreign language. Common ownership. Professional module. Saint Petersburg: Zlatoust publ. Print. (In Russ.)
14. Vladimirova, T.E. 2023. *A book about Russian language and culture*. Moscow: LIBROKOM publ. Print. (In Russ.)
15. Vladimirova, T.E., and L.V. Krasilnikova. 1999. *Standard tests in Russian as a foreign language. 1 certification level. Professional module. Philology*. Saint Petersburg: Zlatoust publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Владимирова Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, доцент, старший педагог кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов. eLIBRARY ID: 54772630; ORCID: 0000-0003-2458-3653; E-mail: yusvlad@rambler.ru.

Bio note:

Tatyana E. Vladimirova is a Doctor of Philology, Associate Professor, Senior Teacher of the Department of Russian Language and Intercultural Communication of the Institute of Russian Language, RUDN University. eLIBRARY ID: 54772630; ORCID: 0000-0003-2458-3653; E-mail: yusvlad@rambler.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

THE ARTISTIC DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-122-133

EDN: DACKHY

Научная статья / Research Article

Художественная вселенная Чингиза Айтматова: от билингвизма к транскультуре

А.И. Смирнова

Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4

✉ alfia-smirnova@yandex.ru

Книга — как храм, как
мироздание, как Вселенная.

Ч.Т. Айтматов

Аннотация. Анализируется проза Ч.Т. Айтматова, созданная на русском языке, начиная с повестей «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря» и заканчивая его романном «эпосом», раскрывается художественная эволюция писателя: от билингвизма к транскультуре. Этноонтологический анализ повестей и романов «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы (Вечная невеста)» позволил выявить динамику творческого развития автора, охарактеризовать этот процесс как «расширяющуюся художественную Вселенную» автора: от этнической картины мира к созданию мифопоэтической модели бытия в повестях, переход к жанру романа как «универсальной концепции Бытия и человека» и начало нового творческого этапа, отмеченного космоизмом мышления писателя и обращением к фантастике, интересом к разным национальным культурам, усиливающимся трагизмом мировосприятия, «синтегизмом» жанровой формы, новыми координатами в построении модели мира (Восток — Запад, Земля — Космос, архаическое время — современность), формированием пространства транскультурного полилога (включение Библейского и мирового литературного *интертекста*).

Ключевые слова: Айтматов, художественная Вселенная, миф, повесть, роман, жанр, модель мира, билингвизм, транскультура

История статьи: поступила в редакцию 10.12.2023; принята к печати 29.01.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Смирнова А.И. Художественная вселенная Чингиза Айтматова: от билингвизма к транскультуре // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 122–133. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-122-133>

The Artistic Universe of Chingiz Aytmatov: From Bilinguality to Transculture

Alfiya I. Smirnova

Moscow City Pedagogical University,
4 2nd Selsokhozyaystvenny Proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

✉ alfia-smirnova@yandex.ru

Abstract. The study analyzes the prose of Ch.T. Aitmatov, created in Russian, starting with the stories “Farewell, Gyulsary!”, “The White Steamer”, “The Piebald Dog Running by the Edge of the Sea” and ending with his “epic” novel, reveals the artistic evolution of the writer: from bilingualism to transculture. The ethno-ontological analysis of the stories and novels “And the Day Lasts Longer than a Century”, “The Scaffold”, “Cassandra’s Brand”, “When the Mountains Fall (Eternal Bride)” made it possible to identify the dynamics of the author’s creative development, to characterize this process as the “expanding artistic Universe” of the author: from ethnic picture of the world to the creation of a mythopoetic model of existence in stories, the transition to the genre of the novel as a “universal concept of Being and man” and the beginning of a new creative stage, marked by the cosmism of the writer’s thinking and an appeal to fantasy, interest in different national cultures, the increasing tragedy of the worldview, “synthetism” genre form, new coordinates in constructing a world model (East — West, Earth — Space, archaic time — modernity), the formation of a transcultural polylogue space (inclusion of Biblical and world literary intertext).

Key words: Aitmatov, artistic Universe, myth, story, novel, genre, model of the world, bilingualism, transculture

Article history: received 10.12.2023; accepted 29.01.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Smirnova, A.I. 2024. “The artistic Universe of Chingiz Aytmatov: From bilinguality to transculture.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 122–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-122-133>

Введение

Ретроспективно обозревая творческий путь Айтматова, мы приходим к пониманию того, что понятие *Вселенная* концептуально значимо для писателя и маркирует картину мира в его романах, оказывается наиболее точным

для обозначения масштабов постижения мира современным художником на пороге нового столетия и тысячелетия, что становится предметом его постоянных размышлений о призвании творца. Так, ещё в заметке «Ответь себе» 1967 года читаем: «Каждый из нас являет частицу человечества. Писатель тем более: в нем сходятся параллели и меридианы Вселенной, перекрещиваются века, концентрируется связь времён. Художника формирует ритм и температура эпохи, глобальная ответственность за разумность человеческого бытия» [1. С. 105]. Спустя почти сорок лет герой последнего романа Айтматова Арсен Саманчин произносит монолог: «Слово выпасает Бога на небесах. Слово доит молоко Вселенной и кормит нас тем молоком из рода в род, из века в век. И потому вне Слова, за пределами Слова нет ни Бога, ни Вселенной, и нет в мире силы, превосходящей силу Слова, и нет в мире пламени, превосходящего жаром пламя и мощь Слова» [2. С. 123]. Обратим внимание, что роман «Тавро Кассандры», появившийся за двенадцать лет до «Когда падают горы (Вечная невеста)», начинался так: «И на сей раз — в начале было Слово. Как когда-то. Как в том бессмертном Сюжете» [3. С. 5]. В этом контексте и эпиграф к первому роману, «И дольше века длится день», цитата из Григора Нарекаци: «И книга эта — вместо тела, / И слово это — вместо души моей...», — прочитывается в соответствии с масштабным замыслом писателя и новым уровнем художественного мышления, реализовавшимся в его романах.

Планетарный масштаб событий и измерение времени в контексте Вечности, заложенные в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» (2006), позволили Г.Д. Гачеву выделить в произведении «два уровня, предлагаемые для обитания человеку: Бытие и Жизнь... Выси снежные, где Земля переходит в Небо, в Дух и там — во Вселенную, Вечность, Целое» [4. С. 10]. Так, понятие *Вселенная* утверждается ученым в научном обиходе современного айтматоведения и выражает меру постижения мира и человека в литературном творчестве писателя, мыслителя, творца.

А. Акматалиев в статье «Вселенная, человек, Жаабарс» оценивает этот роман в единстве художественных открытий и философского мировосприятия автора: «Система образов в произведениях Айтматова неуклонно сближается с системой философского мышления, в конце концов демонстрируя неразделимое единство Вселенной и Человека» [5. С. 8]. В 2012 году в Бишкеке в издательстве «Манас» был издан «сборник изречений, сентенций-размышлений» под названием «Вселенная Чингиза Айтматова», открывавшийся словом «От составителя», в котором Замира Дербишева научно обосновала его название: «Ключевые концептуальные категории формируют целостную систему миропонимания и мироощущения писателя, организуя тем самым Ментальную Вселенную Чингиза Айтматова» [6. С. 4].

Сделав выбор в творчестве в пользу русского языка как языка межнационального общения в СССР, писатель размышляет о значении и роли

билингвизма в культуре XX века: «Билингвизм стыкует разные языки и, стало быть, разные мироощущения, а это, как всякое явление на стыке науки и культур, — создает *новый уровень сознания...* (курсив наш. — А.С.)» [7. С. 184]. Эта мысль получает развитие в трудах современных ученых. Так, Улданай Максutowна Бахтикереева отмечает: «В интенсивных взаимодействиях и взаимовлияниях народов, языков и культур создаётся и развивается новое состояние человечества, новая логика и процесс смыслообразования» [8. С. 76]. «Создавая тексты на русском языке, Айтматов постоянно обращается к родной языковой стихии. Автор широко использует тюркоязычную ономастику — антропонимы, зоонимы, топонимы, гидронимы. Вкрапленные в русскоязычный текст онимы как кумулятивные знаки, содержащие духовную и материальную информацию, формируют этнокультурное пространство художественного текста» [9. С. 58].

Цель анализа русскоязычной прозы Айтматова — выделить и описать координаты построения модели мира в его произведениях, определить характерные признаки обновления эстетической системы писателя, свидетельствующие о внутренних динамических процессах, включая и вектор движения — от билингвизма к транскультуре.

Материалы и методы исследования. Анализируются произведения писателя-билингва, созданные на русском языке: повести «Прощай, Гутьсары!», «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря», романы «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры (Из ересей XX века)», «Когда падают горы (Вечная невеста)».

Наряду с герменевтическим и этноонтологическим подходами используются методы сравнительного и интертекстуального анализа художественного текста. Понятие *этноонтология*, по словам З.А. Кучуковой, «несет в себе этнически маркированный комплекс мыслительных координат, воплощенных в системе национальной поэтики» [10. С. 11].

Основные результаты

Повести Айтматова: динамическая поэтика и миф

Проза писателя уже в конце 1950-х гг. уверенно заявила о себе и в переводах на русский язык вошла в орбиту внимания всесоюзного читателя. Переход автора на русский язык происходит в середине 1960-х гг., начиная с повести «Прощай, Гутьсары!» (Новый мир, 1966, № 3). Для творческой эволюции писателя-билингва это был важный шаг на пути расширения художественного сознания и освоения новых эстетических пространств. В целостной национальной картине мира с реалистически воссозданными образами «старого человека» Танабая и «старого иноходца» Гутьсары, соединенных общей Судьбой и многовековой «сращенностью» (по Г.Д. Гачеву, «Челове-

ко-Конь, кентавр Гультан») [11. С. 280], наряду с мифологической традицией прочитывалась и литературная традиция, идущая от русской классики (повесть «Холстомер» Л.Н. Толстого). В изображении иноходца проявилась новая в творчестве Айтматова интенция — психологизация образа животного.

Билингвизм автора, органичное сочетание русского литературного языка с тюркоязычной лексикой, создавало уникальный эстетический эффект, расширяющий художественное пространство текста включением лексем, как усвоенных русским языком (юрта, табун, камча, мажар, аксакал и др.), так и иноязычных слов (Гульсары, укрук, аламан-байга, дулдул, арбаки, тебетей, темир-комуз, кул и др.), смысл которых прояснялся благодаря переводу на русский язык, оформленному в виде метатекстовых сносок, что способствовало созданию этнического колорита и особой поэтической интонации. Этот принцип метатекста используется Айтматовым и в романах.

В повествовании как «текст в тексте» представлена «Песня старого охотника»: народный плач, где отец оплакивает кончину сына: «Убил я тебя, сын мой Карагул. Один остался я на свете, сын мой Карагул...» [12. С. 503].

Включение в текст этой древней киргизской песни стало, по словам писателя, мифопоэтическим «приёмом». В ней заложена трагическая интонация и задан бытийный план повествования. По словам Айтматова, миф может выполнять в произведении разные идейно-художественные функции. «В одном случае — это прием. В „Прощай, Гульсары!“ песня охотника — прием, передающий трагическое в жизни героя, состояние глубоких душевных потрясений. В „Белом пароходе“ — это уже концепция, основной пласт повести» [13. С. 327].

Мифы о тотемических предках по-своему преломляются в прозе Айтматова, в повестях о матери-оленихе, зачинательнице рода бугинцев («Белый пароход»), и Рыбе-женщине, от которой пошел род нивхов («Пегий пес, бегущий краем моря»). Основу художественной концепции повести «Белый пароход» (1970) составили выбор героев — архетипических образов «деда и внука», «старого и малого», тотемический миф о Рогатой матери-оленихе. Старик Момун хранит память о ней как родовую заповедь, воспринимает её как *священное животное, животное-тотем*. «Дед говорит, — по словам мальчика, — что каждый, кто живет на Иссык-Куле, должен знать эту сказку. А не знать — грех» [14. С. 34]. Если для остальных — это сказка, выдумка, то для деда и внука — правда: «Так было», — утверждает дед. «Для мифического сознания как такового миф вовсе не есть ни сказочное бытие, ни даже просто трансцендентное», а «наиболее яркая и самая подлинная действительность» [15. С. 73].

Тотемический миф заключает в себе объяснение нынешних бед бугинцев, забывших о своем происхождении и указывает пути спасения, которыми человек — по Ч. Айтматову — уже не способен воспользоваться. Именно поэтому и погибает мальчик. В «уходе» мальчика, в его вере в превращение

в рыбу кроется мифологический мотив спасения. Следуя логике мифа, так оно и происходит. Мальчик заменяет утраченную сказку своей — сказкой о белом пароходе и плывущем к нему рыбе-мальчике. Он навсегда уходит в свой мир, в котором Рогатая мать-олениха — истинная мать и спасительница (в вере в нее сказывается и тоска мальчика по матери, которой он не знает); мир, где есть не только настоящее, но и прошлое (белый пароход — это связь с отцом, и, соответственно, с «*обязательным коленом семерых отцов*», имена которых знает мальчик, в чем проявляются отголоски культа предков), и будущее. Понятие *рода* является ключевым в произведении и включает в себе кодовый смысл. В повести приходят столкновение миф и действительность, в результате чего рождается подлинная трагедия, отсюда и первоначальное название, ставшее подзаголовком, — «После сказки».

В следующей повести, «Пегий пес, бегущий краем моря» (1977), Айтматов осваивает иной этнический материал — *нивхский*, не случайно посвятив её писателю Владимиру Санги, подсказавшему автору замысел произведения. Процесс утраты *родовой* памяти, *родовых* святынь и заповедей, еще в близком историческом времени живых и необходимых, побудил Ч. Айтматова обратиться к мифу, дать его в трансформированном виде — с учетом творческих задач — ради поучения и предостережения. Подчиненность сюжета повести мифу и ориентация на него выразились не только в мифологизированном мышлении героев, в образной системе и художественной концепции произведения, но и в его структуре. Идея взаимосвязи поколений, от предков в прошлом до потомков в будущем, помогает в мифе реализоваться двуединой связи *диахронии* и *синхронии*, что является характерной чертой *мифопоэтической модели мира*. В создаваемой писателем модели мира эта идея является основной. Мальчик Кириск, отправившийся со взрослыми в первое свое плавание на родовом каяке, прочно связан со своим *родом*: через отца, аткычха Органа с Рыбой-женщиной. Миф не только определил концепцию и модель мира в произведении (*миф о сотворении мира уткой Лувр, миф о происхождении нивхов от Рыбы-женщины*), но и заложил масштаб событий и шкалу ценностей, подготовил в творчестве Айтматова переход к новой форме литературного бытия — жанру романа.

Романы Айтматова как «универсальная концепция Бытия и человека»

С появлением первых двух романов — «И дольше века длится день» (1980), «Плаха» (1986) — исследователи обратили внимание на то, что они «представляют собой качественно новый этап в творческой эволюции писателя, *образцы планетарного мышления*. Романы воспринимаются как своеобразная диалогия на тему об уязвимости жизни на земле» [16. С. 81]. Их

объединяет с последующими произведениями — «Тавро Кассандры» (1994) и «Когда падают горы (Вечная невеста)» (2006) — особое ощущение времени, космический масштаб событий, «новое мышление» автора.

Онтологическое измерение основ жизни человека

В слове «От автора», предворяющем первое издание романа «И дольше века длится день», Айтматов комментирует свой замысел: «Только разрядка международной напряженности может считаться прогрессивной политикой сегодня... Если человечество не научится жить в мире, оно погибнет. Атмосфера недоверия, настороженности, конфронтации есть одна из самых опасных угроз спокойной и счастливой жизни человечества» [17. С. 197]. Вопросы жизни и смерти, прошлого — настоящего — будущего, человека и мироздания, «живой» природы и технического прогресса, добра и зла, противостояния и объединения людей — в центре произведения.

Главный герой романа, Едигей Жангельдин, возвышающийся на двухгорбом великане (до головы верблюда Каранара «рукой не дотянешься»), имеет свой кругозор, своё миропонимание, у него — своя шкала нравственных ценностей. Не суетно и не сиюминутно воспринимает Едигей всё происходящее вокруг и соотносит это с тем опытом, которым генетически наделены они с Каранаром: животное для кочевника «есть продолжение его существа» [18. С. 62]. Одной из ключевых в романе является проблема «своего» ума и «чужого», «заёмного», реализующаяся в судьбе Едигея, «человека трудолюбивой души», в истории с арестом учителя Абуталипа, в легенде о манкурте, в сюжете с паритет-космонавтами.

В следующем романе, «Плаха», наряду с проблемой взаимоотношений человека и природы ставятся субстанциальные вопросы добра и зла, свободы и необходимости, бытия человечества и планеты. В нем речь идет о «трагической необходимости в познании добра и зла». Движущей пружиной в сюжетостроении произведения становится это «познание», реализующееся в обращении к двум *мифопоэтическим символам*, позволяющим раскрыть катастрофичность современного бытия: образу волчицы Акбары — «великой матери всего сущего» [19. С. 112] — и образу Иисуса Христа. *Природа* и *Духовность* — это те критерии нравственности человека, которыми писатель меряет его. Главный вопрос в романе «Плаха»: «Что такое жизнь?» В последующих главах через призму моюнкумской трагедии осмысливается эта жизнь, предстающая как цепь трагедий, происходящих по вине человека. Расплачиваются за эту вину — невинные: Авдий Каллистратов, распятый на саксауле; напарник Бостона Эрназар, сорвавшийся с горы в пропасть и оставшийся там навеки стоящим на коленях, словно отмаливая чьи-то грехи; маленький Кенджеш, сын Бостона, своя «плаха» и у Бостона.

Г.Д. Гачев обратил внимание на то, что «Авдий и Бостон — два возможных варианта человеческого поведения, которые можно обозначить как: Свобода или Судьба? Бостон вплетен в роковое стечение обстоятельств и исполнил их волю...» [20. С. 86]. Его трагедия состоит в том, что ему, как и гонимой волчьей паре, нет жизни. Авдий, стремящийся познать истину, которую нёс с собой Учитель, верит в то, что «изначальные законы мира действуют всегда, хоть и обнаруживают себя гораздо позже. Так и с идеей Страшного суда давно уже ум человеческий терзала идея грядущего возмездия за все несправедливости, что творились на земле» [Там же. С. 59–60]. В видении Иисуса Назарянина разрешается эта идея. В свете этих пророчеств описанная автором «Плахи» трагедия приобретает вселенские масштабы.

Модель мира и жанр

Впервые в своей писательской практике Айтматов прибегает к *фантастике*, включая в ткань повествования в романах «И дольше века длится день» и «Тавро Кассандры» «космологические истории». Это позволило ему обрести *новую оптику*: не только взгляд, устремленный в небо к звёздам и Луне, но и на Землю из Космоса. По словам Айтматова, «фантастическое — это метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения».

В произведениях реализуется *прогностическое начало*. Тревога автора за будущее в «И дольше века длится день» выражается в системе сквозных мотивов, семантике и функции повторяющегося в тексте рефрена, графически и стилистически выделенного, в сюжетостроении, что определило жанровую специфику: *роман-предупреждение, роман-притча*. В статье «Притча о мире: О романе Чингиза Айтматова „Плаха“» Г.Д. Гачев одним из первых обратил внимание на присущую произведениям писателя *новизну жанра*. В «синтетизме» структуры «Плахи» философ увидел достоинство произведения: это «не только роман по жанру, а синкретическая Книга: тут и мистерия, и философский диалог, и животный эпос...» [Там же. С. 88–89]. *Синкретизм романной формы* проявляется на структурном уровне повествования, всякий раз представляя по-новому, будь то роман-трагедия «Плаха», в которой некоторые исследователи увидели «круговое симфоническое построение» (С. Пискунова, В. Пискунов), или роман «Тавро Кассандры» с подзаголовком «Из ересей XX века».

Романный *хронотоп* в прозе писателя расширяется — по вертикали и горизонтали. Национальное пространство первых двух романов (Буранный полустанок и планета Лесная грудь, Сары Озеки — Серединные земли желтых степей, моюнкумская саванна и Иссык-куль) сменяется на космическое в романе «Тавро Кассандры» и охватывает весь земной шар (Америка,

Москва, Сицилия, Афганистан, Берлин, Варшава, Монреаль, Рио-де-Жанейро). Событийное время в них уплотняется до одних суток, трех дней, которые проецируются на циклическое время мифа и события доисторические или тысячелетней давности.

Структура повестей и романов Айтматова свидетельствует об особом внимании автора к архитектонике, композиции произведения, целостности и стройности формы, вызванном включением в текст преданий, легенд, сказок, мифов, молитв, баллад, метатекстовых фрагментов. Романную прозу писателя отличает взаимодействие разных голосов и этносов, мотивов, разновременных пластов и локусов, смешение жанрово-стилевых форм.

Заключение

В романах Ч.Т. Айтматова сохраняется смысловая связь с повестями, в которых ключевой категорией выступает священное для этнической самоидентификации человека понятие *рода*: в «И дольше века длится день» легенда о манкурте заключает в себе поучительный смысл, выраженный в словах матери, обращенных к сыну-манкурту: «Твой отец Доненбай!». Насильственно лишенный памяти о предках, о родной земле, человек утрачивает идентичность, превращается в «чучело человека». Концепт рода важен и в контексте драматической истории жизни учителя Абуталипа, и в связи с трагической участью волков Акбары и Ташчайнара, которым не дано продлить свой род в романе «Плаха». И закономерным выглядит фантастический сюжет романа «Тавро Кассандры» об ученом-генетике, посвятившем свою жизнь выведению искусственных людей, «иксродов».

В романистике автора расширяется *этнокультурное пространство* (народный эпос «Манас», мифы, предания и легенды: о манкурте, о верблюдице Акмае — прародительнице Каранара, о родовом кладбище Ана-Бейит, о певце Раймалы-ага, о «Белом облаке Чингизхана», о Вечной невесте; грузинская баллада «Шестеро и седьмой» вплетается в повествование о событиях конца XX века, как и «молитва современной монахини», целый ряд «молений» и др.); реализуется Библейский и литературный *интертекст* (Шекспир, Григор Нарекаци, парафраз евангельского предания, упоминание Третьей Книги Царств Ветхого Завета, эпитафия из Екклесиаста и «Из древнегреческой мифологии» и др.). Творчество Айтматова отмечено интересом к разным национальным культурам, благодаря чему в его текстах формируется пространство *транскультурного полилога*.

Нарастающий *трагизм мировосприятия* писателя отличает его романистику, пронизывая разные уровни повествования. Представление о круговращении времени в «Плахе» вбирает в себя и осознание того, что «всему свое время», осмысление начала и конца, и уже в этом заложен определенный трагизм мировосприятия автора. Через понимание этого он проводит

своих героев — Авдия и Бостона. В последующих романах трагическое приобретает вселенские масштабы, предопределяя конец жизни футуролога Роберта Борка и самопровозглашенного космического монаха Филофея (Андрея Крыльцова), который проходит путь от «Мефистофеля биологической науки» до человека, готового отдать всё ради блага других («Тавро Кассандры»); писателя Арсена Саманчина и снежного барса Жаабарса («Когда падают горы (Вечная невеста)»).

На материале русскоязычной прозы — от текста к тексту — прослеживается *расширение художественной Вселенной* Айтматова: от этнической картины мира к созданию мифопоэтической модели бытия в повестях, переход к жанру романа как «универсальной концепции Бытия и человека»; планетарное мышление, космический масштаб событий: не случайно Едигей ощущает нерасторжимую близость с окружающими его людьми, собравшись в его доме как «одна семья». А образ Земли наполняется в контексте романа символическим смыслом: «наш дом», *общий*.

Космизм мышления Айтматова стал закономерным итогом его творческой эволюции, при этноонтологическом характере прозы писателя и транскультурном контексте романистики общечеловеческий и гуманистический пафос составил центр его мироздания. По справедливому утверждению авторов статьи «Познание самих себя через познание культуры своего этноса», «подчинение языку более витальному в конкретном государственном устройстве, в том числе федеративном — исторически обусловленная жизненная необходимость, по крайней мере, до гипотетической возможности обретения „своим“ лингвистического императива на уровне мирового языка» [21. С. 230].

Список литературы

1. *Айтматов Ч.Т.* Ответь себе // Айтматов Ч.Т. В соавторстве с землей и водой...: очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е изд. Фрунзе: Кыргызстан, 1979. С. 102–107.
2. *Айтматов Ч.Т.* Когда падают горы (Вечная невеста): роман, повесть новелла. СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2006.
3. *Айтматов Ч.Т.* Тавро Кассандры: избранные произведения. М.: ЭКСМО, 1995.
4. *Гачев Г.Д.* О том, как жить и как умирать // Айтматов Ч.Т. Когда падают горы (Вечная невеста): роман, повесть новелла. СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2006. С. 5–16.
5. *Акматалиев А.* Вселенная, человек, Жаабарс // Адабият жана искусство маселелери. Вопросы литературы и искусства. 2009. № 1 (6). С. 6–23.
6. Вселенная Чингиза Айтматова / сост. З.К. Дербишева. Бишкек: КТУ «Манас», 2012.
7. *Айтматов Ч.Т.* Языковой космос // В соавторстве с землей и водой...: очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е изд. Фрунзе: Кыргызстан, 1979. С. 181–185.
8. *Бахтикиреева У.М.* О транслингвизме и транскulturации через призму одной биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 76–81.
9. *Смирнова А.И.* Феномен Ч.Т. Айтматова: к 90-летию со дня рождения писателя // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 52–62. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-52-62>

10. Кучукова З.А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005.
11. Гачев Г.Д. Чингиз Айтматов и мировая литература. Фрунзе: Кыргызстан, 1982.
12. Айтматов Ч.Т. Прощай, Гульсары! // Собрание сочинений: в 3 т. Повести. М.: Молодая гвардия, 1982. Т. 1. С. 373–512.
13. Айтматов Ч.Т. Точка присоединения // В соавторстве с землей и водой...: очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е изд. Фрунзе: Кыргызстан, 1979. С. 317–339.
14. Айтматов Ч.Т. Белый пароход (После сказки) // Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Повести, роман. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 6–114.
15. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1930.
16. Мыреева А.Н. Многонациональный роман 1960–1980-х годов: Типологические аспекты. Новосибирск: Сиб. предприятие РАН, 1997.
17. Айтматов Ч.Т. И дольше века длится день (Буранный полустанок) // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Повести, роман. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 195–489.
18. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
19. Айтматов Ч.Т. Плаха: Роман. М.: Молодая гвардия, 1987.
20. Гачев Г.Д. Притча о мире: О романе Чингиза Айтматова «Плаха» // Даугава. 1987. № 3. С. 86–89.
21. Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е., Амалбекова М.Б. Познание самих себя через познание культуры своего этноса // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 226–236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

References

1. Aitmatov, Ch.T. 1979. Answer yourself. Aitmatov Ch.T. In co-authorship with earth and water...: Essays, articles, conversations, interviews. 2nd ed. Frunze: Kyrgyzstan, pp. 102–107.
2. Aitmatov, Ch.T. 2006. When the mountains fall (The Eternal Bride). Novel, novella novella. St. Petersburg: Ed. House “ABC classics”.
3. Aitmatov, Ch.T. 1995. Brand Cassandra. Selected works. Moscow: EKSMO publ.
4. Gachev, G.D. 2006. On how to live and how to die. Aitmatov Ch.T. When the mountains fall (The Eternal Bride). Novel, novella novella. St. Petersburg: Ed. House “ABC classics”, pp. 5–16.
5. Akmataliev, A. 2009. The universe, man, Jaabars. Adabiyat zhana the art of maseleleri. In the field of literature and art. Bishkek, no. 1 (6), pp. 6–23.
6. The universe of Chingiz Aitmatov. 2012. Comp. Z.K. Derbishev. Bishkek: KTU “Manas”.
7. Aitmatov, Ch.T. 1979. Language space. In collaboration with earth and water... Essays, articles, conversations, interviews. 2nd ed. Frunze: Kyrgyzstan, pp. 181–185.
8. Bakhtikireeva, U.M. 2016. On translanguaging and transculturation through the prism of one biography. Social and Humanitarian Sciences in the Far East, no. 2 (50), pp. 76–81.
9. Smirnova, A.I. 2019. The phenomenon of Ch.T. Aitmatov: to the 90th anniversary of the birth of the writer. Poly-linguality and transcultural practices, vol. 16, no. 1, pp. 52–62. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-52-62>
10. Kuchkova, Z.A. 2005. The ontological metacode as the core of ethnopoetics: (Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry). Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov.
11. Gachev, G.D. 1982. Chingiz Aitmatov and world literature. Frunze: Kyrgyzstan.
12. Aitmatov, Ch.T. 1982. Goodbye, Gyulsary! Aitmatov Ch.T. Collected works: In 3 volumes. Vol. 1. Novellas. Moscow: Molodaya gvardiya, pp. 373–512.
13. Aitmatov, Ch.T. 1979. Point of attachment. In collaboration with earth and water... Essays, articles, conversations, interviews. 2nd ed. Frunze: Kyrgyzstan, pp. 317–339.

14. Aitmatov, Ch.T. 1983. The White Steamship (After the fairy tale). Aitmatov Ch.T. Collected works: In 3 volumes. Vol. 2. Novellas, novel. Moscow: Molodaya Gvardiya, pp. 6–114.
15. Losev, A.F. 1930. Dialectics of myth. Moscow.
16. Myreeva, A.N. 1997. Multinational novel of the 1960s–1980s: Typological aspects. Novosibirsk: Sib. enterprise of the Russian Academy of Sciences.
17. Aitmatov, Ch.T. 1983. And a day lasts longer than a century (Buranny station). Aitmatov Ch.T. Collection of works: In 3 volumes, vol. 2. Novellas, novel. Moscow: Molodaya Gvardiya publ., pp. 195–489.
18. Gachev, G.D. 1988. National images of the world. Moscow: Soviet writer.
19. Aitmatov, Ch.T. 1987. Block: Novel. Moscow: Young Guard.
20. Gachev, G.D. 1987. The Parable of the World: About Chingiz Aitmatov’s novel “The Block”. Daugava, no. 3, pp. 86–89.
21. Bakhtikireeva, U.M., Shagimgerayeva, B.E., and M.B. Amalbekova. 2023. Cognition of ourselves through cognition of the culture of our ethnic group]. New Research of Tuva, no. 4, pp. 226–236. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

Сведения об авторе:

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, начальник департамента филологии, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. eLibrary SPIN-код: 2783-4200; ORCID: 0000-0001-9198-548X; E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Bio note:

Alfiya I. Smirnova is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. eLibrary SPIN-code: 2783-4200; ORCID: 0000-0001-9198-548X; E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-134-143

EDN: CCUJJV

Научная статья / Research article

Скрытый билингвизм в прозе Фазиля Искандера

М.В. Битокова , А.С. Канкулова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика,
Нальчик, 360004, ул. Чернышевского, 173

 mariebitok@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности проявления билингвизма Фазиля Искандера в произведениях «Сандро из Чегема» и «Софичка». Они выбраны в качестве основного материала исследования, поскольку представляют собой наиболее полный «абхазский» метатекст писателя: действие происходит в Абхазии, предметом изображения часто становятся не только народные типы характеров, но и традиционный уклад жизни, народные обычаи и обряды. Такое погружение в культурный контекст не может обойтись без языкового переключения, которое обеспечивает эффект подлинности. Актуальность такого исследования продиктована не только неослабевающим интересом современных гуманитарных наук к феномену поли- и билингвизма, но и необходимостью атрибутирования и глубокого научного осмысления творчества русского писателя ирано-абхазского происхождения. Целью нашего исследования является выявление «механизмов билингвизма» в творчестве Фазиля Искандера. Его двуязычие, обусловленное фактом рождения в национальной республике и воспитания в русскоязычной среде, отразилось на языковых особенностях созданных им произведений. К этим особенностям относятся калькированные речевые формулы и этикетные фразы, специфика номинологии (в частности, прозвища, которые использует писатель), традиции абхазского устного красноречия. Все это помогает Искандеру наполнить роман и циклы рассказов поэтическим отношением к изображенной идиллии народной жизни, с другой же стороны, решает множество прагматических писательских задач. Результатом настоящей статьи можно считать определение особенностей двуязычия Фазиля Искандера, которое проявляется на различных уровнях — фонетическом, словообразовательном, синтаксическом, а также в ориентации на традиции абхазского устного рассказа и особенности традиционного красноречия.

Ключевые слова: билингвизм, транслингвизм, многоязычие, текст, Абхазия, Фазиль Искандер, абхазский язык, русский язык, лингвокультура, речевой этикет.

История статьи: поступила в редакцию 11.12.2023; принята к печати 07.01.2024.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Битокова М.В.* — разработка концепции и отбор материала, анализ полученных результатов; *Канкулова А.С.* — организационные вопросы и оформление статьи.

© Битокова М.В., Канкулова А.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: авторы выражают благодарность преподавателю кафедры абхазского языка Абхазского государственного университета Алхасу Капш за консультации по лингвистическим вопросам.

Для цитирования: Битокова М.В., Канкулова А.С. Скрытый билингвизм в прозе Фазиля Искандера // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 134–143. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-134-143>

Implicit Bilingualism in the Prose of Fazil Iskander

Marina. V. Bitokova , Arina S. Kankulova

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
173 Chrenyshevskiy St, Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation

 mariebitok@gmail.com

Abstract. The study examines the peculiarities of the manifestation of Fazil Iskander’s bilingualism in the works “Sandro of Chegem”, “Childhood of Chik” and “Sofichka”. They were chosen as the main research material because they represent the most complete “Abkhazian” meta-text of the writer: the action takes place in Abkhazia, the subject of the image is often not only folk types of character, but also the traditional way of life, folk customs and rituals. Such immersion in the cultural context cannot do without language switching, which provides the effect of authenticity. The relevance of such research is dictated not only by the relentless interest of modern humanities in the phenomenon of poly- and bilingualism, but also by the need to attribute the work of the Russian writer of Iranian-Abkhaz origin: simultaneously with the popularity of his works and the reader’s interest in them, there is a shortage of scientific understanding of Iskander’s creative heritage. The purpose of our research is the peculiarities of the mechanisms of bilingualism in the work of Fazil Iskander. His bilingualism, due to the fact of his birth in the national republic and upbringing in a Russian-speaking environment, was reflected in the linguistic features of the works he created. These features include calcified speech formulas and etiquette phrases, the specifics of nomenclature (in particular, the nicknames that the writer uses), the traditions of Abkhazian oral eloquence. All these ways help Iskander to fill the novel and the cycles of stories with a poetic attitude to the depicted idyll of folk life, on the other hand, solves a lot of pragmatic writing tasks. The result of this article can be considered the definition of the peculiarities of Fazil Iskander’s bilingualism, which manifests itself at various levels — phonetic, word-formation, syntactic, as well as in orientation to the traditions of the Abkhaz oral narrative, the features of traditional eloquence.

Key words: bilingualism, translanguaging, multilingualism, text, Abkhazia, Fazil Iskander, Abkhazian language, Russian language, linguistic culture, speech etiquette

Article history: received 11.12.2023; accepted 07.01.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors’ contribution: *Bitokova M.V.* — development of the concept and selection of material, analysis of the obtained results; *Kankulova A.S.* — organizational issues and design of the article.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the teacher of the Department of the Abkhazian Language of the Abkhazian State University, Alkhas Kapsh, for consultations on linguistic issues.

For citation: Bitokova, M.V., and A.S. Kankulova. 2024. “Implicit bilingualism in the prose of Fazil Iskander.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 134–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-134-143>

Введение

Имя писателя Фазиля Искандера стало широко известно в Советском Союзе в 1966 году — именно тогда в «Новом мире» вышла его повесть «Созвездие Козлотура», в которой многие увидели сатиру на преобразования в сфере сельского хозяйства хрущевского периода. Дальнейшая творческая судьба писателя складывалась довольно сложно: было противостояние с официальной цензурой, участие в неподцензурном альманахе «Метрополь», трудности с изданием полного текста романа «Сандро из Чегема». Но можно сказать, что, несмотря на все эти перипетии, именно дебютное произведение определило основные тенденции искандеровского творчества. Во-первых, это сатира, которая, по словам самого писателя, представляет собой результат оскорбленной любви к человечеству, а во-вторых, произведение сосредоточено на изображении абхазской жизни — традиционного уклада бытия и современных для Искандера реалий, зачастую иллюстрирующих разложение и забвение животворящей традиции.

Многие критики и писатели-современники (А. Битов, А. Генис) отмечали в качестве главной заслуги Искандера именно то, что он нанес на мировую литературную карту новую точку — Абхазию, раскрыл «значительность эпического существования маленького народа» (Новая газета, 06.03.2009 г.). И помимо объективных «приемов» такой писательской сверхзадачи, как то: сюжет, бытовые зарисовки, описание обрядов и обычаев и т.д., Искандер пользуется и менее очевидными способами воссоздания картины народной жизни — через речевой портрет героя, например, или введение в словесную ткань произведения непривычных для русскоязычного уха слов и синтаксических конструкций.

Как отмечает Д.К. Чачхалия, «плазмой творчества» писателя является: «Острое наблюдение за всем поведением и обликом „сельских шутников и балагуров“, восприятие их своеобразия, живое внимание к манере их речи, по слову самого Фазиля Абдуловича, оказывается „кровеносной связью с корнями“...» [11. С. 69].

На каком языке пишет Фазиль Искандер?

Советская критика иногда относила писателя к категории русскоязычных писателей, но сегодня от такого атрибутирования практически отказались: Искандер — русский писатель. Но его национальная идентичность довольно ярко проявляется в различных формах, на что указывает и исследователь его творчества Н.Б. Иванова: «Фазиль Искандер в большую русскую

литературу... принёс Кавказ от своего лица на прекрасном русском языке. Кавказ стал субъектом русской словесности» [1. С. 8].

Искандер не раз в интервью, давая определение своему месту в литературе использовал формулировку «русский писатель, но певец Абхазии», и это метафорически объясняет феномен транскультурных практик в творчестве билингов: «Литература, созданная этнически нерусскими авторами на русском языке, бесспорно, транслингвальна и шире — транскультурна... Вероятно, что каждая языковая биография расскажет нам о явлении транслингвизма больше, чем абстрактные теории и модели» [2. С. 270–271].

Причинами такого языкового переключения или сдвига, по мнению Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой, могут быть различные факторы. Но довольно часто это включение иной культуры в другую, часто более яркую или обширную через язык последней: «Если говорить о „внутригосударственном“ авторском билингвизме, когда писатель принадлежит к этносу, язык которого в данном государстве не является доминирующим (например, соотношение русского языка с другими языками народов, образующих Российскую Федерацию), то одной из наиболее естественных и очевидных причин может стать потребность расширить читательскую аудиторию, обратившись к идиому, понятному на всей территории данной страны. В этом случае возможно как языковое переключение (творчество на „местном“ идиоме, предназначенное, главным образом, для „своих“ читателей, наряду с произведениями, рассчитанными уже на иную читательскую аудиторию), так и изначальный языковой сдвиг, при котором все творчество протекает на языке, который... отличается от первого (родного) языка» [3. С. 229].

На абхазском языке Искандер никогда не писал, но известно, что сам он был двуязычным, и, более того, первым, родным языком был для него абхазский, а не русский. Это делает рассмотрение языковой специфики его прозы особенно интересным: такие авторы-билингвы обогащают не только художественное пространство собственного метатекста, но и создают условия для важного кросскультурного взаимодействия. То есть становятся, по наблюдению У.М. Бахтикиреевой и Б.Е. Шагимгереевой, своеобразными медиаторами: «„Перекрестное опыление“ культур в одном социуме обуславливает формирование особого типа личности — билингвальной, поликультурной творческой, или так называемой маргинальной личности, воспринимающей культуру своего народа извне и снаружи, а значит, более стереоскопичным зрением и более объемным мышлением, чем монолингв» [4. С. 87].

Искандер не стремится к экзотичности, к «завлеканию» в свой текст читателя, его основная цель — «вылепить заново» [10. С. 5] мир своего детства, уходящей патриархальной Абхазии. У этой основной задачи появляются и сопутствующие, например, показать тектонический культурный разлом, обозначившийся в XX веке, уход от традиции и обнищание национального характера.

Особенности билингвизма Искандера

Феномен русскоязычной — трансязычной литературы, имеющий свое начало в литературных тенденциях и трендах советского периода, сегодня переживает второй пик популярности: такие авторы, как Канта Ибрагимов, Гузель Яхина, Наринэ Абгарян, во многих своих проявлениях продолжают традиции предшествующих поколений русскоязычных писателей. Как отмечают исследователи, «единого подхода к толкованию транслингвизма на сегодня нет. „Общим местом“ у ряда исследователей остается лишь то, что художественный транслингвизм всегда предполагает переход писателя от одной лингвосистемы к другой, не являющейся для него этнически первичной. Но даже в этом случае оценки феномена полярны: от вынужденной необходимости до способа преодолеть замкнутость монолингвального мышления, от экономической валидности продукта до попытки создать мир культурного и языкового многообразия» [2. С. 269]. Если говорить о речевом вкраплении родного языка в текст повествования, то проявляется это почти всегда в использовании названий предметов быта и одежды (например, в романе «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной довольно часто используются слова *каплау* — *покрывало* или *кульмэк* — *платье, рубаха*, для таких терминов в конце книги даже приведен небольшой «словарь татарских слов и выражений» [5. С. 505]), или в традиционных формах обращений к членам семьи (как в рассказах сборника «Люди, которые всегда со мной» Н. Абгарян: *нани* — бабушка, *джан* — ласковое или уважительное обращение [6]). Канта Ибрагимов в качестве названия своего последнего романа использует слово «*Маршал*», которое в чеченском языке означает «свобода» и может использоваться в качестве приветствия, благопожелания, а кроме того, именно так называется национальный мужской сольный танец [7. С. 2].

Так вот подобных «экзотических» элементов лишен текст Фазиля Искандера: писатель минимально пользуется названиями утвари, одежды или обращениями, предпочитая находить им русскоязычные эквиваленты (например, «*мамалыжная лопаточка*» вместо «*амхан*»). Безусловно, аутентичная лексика присутствует в тексте романа, но эти случаи представлены практически исключительно словами, которые так или иначе уже адаптированы русским языком (*аджика, тамада, мамалыга, камча*) и обозначают некие предметы и реалии абхазского быта, даже если для этого используются слова не собственно абхазского происхождения. В таком случае читатель не стоит перед необходимостью выяснять значение незнакомого слова или восстанавливать его из контекста.

Поэтому мы и называем билингвизм Фазиля Искандера скрытым, имплицитным: он не демонстративен и применяется писателем филигранно,

работа над языковым оформлением каждого произведения, каждого эпизода ведется довольно тщательно и прагматически осмысленно. Важно ответить на вопрос, насколько проявляется, например, в романе «Сандро из Чегема» абхазский язык и какие механизмы для этого используются Фазилом Искандером. Очевидно, что роман написан по-русски, но настолько ли это бесспорно? И еще важно понять: на каком языке говорят герои романа?

Абхазский язык по-русски: особенности синтаксиса и словообразовательных моделей

Говоря о традиционном укладе жизни абхазской семьи или повествуя о событиях, произошедших в прошлом, Искандер проявляет свое отношение прежде всего через язык: обычно он прибегает к языковым калькам. Особенно в переводах ритуальных и этикетных формул — приветствий, ответов и т.д. Например: «*С радостной встречей!*», или «*Сидите, сидите, стоит ли из-за меня вставать!*» [8. С. 672]. На наш взгляд, таким образом он добивается нескольких целей: во-первых, насколько это возможно, сохраняет целостность этих формул, а во-вторых, максимально приближает читателя к пониманию этнического мировоззрения через такое языковое приближение. Использование писателем метафор и образов (например, образ Нури в «Софичке» [12]) также подчинены этим целям. В данном случае язык становится лупой, увеличивающей незнакомый «шрифт» чужой культуры. Этот процесс сложнее простого «переноса» культуры в пространство иного языка, по определению У.М. Бахтикиреевой и О.А. Валиковой здесь «национальное воображаемое ищет адекватных способов репрезентации в усвоенном языке, в результате чего этот язык не только в определенной степени трансформируется, но и способствует обновлению „говорящей“ через него культуры» [9. С. 57].

Главы, повествующие о современной (на момент написания) Абхазии таким калькированием, не отличаются. Наоборот, чужеродная русская речь, к примеру, бармена Адгура передана дословно — с типичными речевыми ошибками, жаргонными элементами и особенностями синтаксического строения предложений и фраз: «*Сейчас, Зиночка, мозги мне пудрить не надо! Ты знаешь — заказ-маказ я не люблю. Принеси все самое лучшее, что у вас есть, чтобы я с хорошими людьми поужинал, немножко выпил и от души провел время*» [10. С. 754]. Здесь писатель не задается целью вооружить читателя лупой приближения и понимания, его цель не сформировать эмпатическое поле, а скорее через речевой портрет «разоблачить» процесс этнической деградации, персонифицированной в этом конкретном герое.

Встречаются у Искандера и такие случаи языковой кальки, когда прагматическая задача иная: не только приблизить через понимание, но и сохранить колорит, придать тексту резко выраженные этнические черты. В при-

мер можно привести новеллу «Пастух Махаз» из романа «Сандро из Чегема»: когда заглавный герой подходит к милиционеру и произносит фразу: «*Моя резала амагазин ахозяин*» [10. С. 445], становится очевидно, что до сих пор мы читали эту главу на абхазском языке и только сейчас перед нами оказался ее перевод на русский. Такое языковое сальто позволяет Искандеру резко сменить языковые регистры и заставить читателя перейти в режим активного вчитывания в текст и проникновения в языковую стратегию автора. Интересно, что в этой реплике Махаза помимо типичных «ошибок», бросается в глаза специфическая особенность, присущая абхазскому языку: оба существительных начинаются с гласной ‘а’ — префикса начальной формы имени существительного, который, по сути, выполняет функцию определенного артикля.

Этот префикс может отпадать при изменении слова. Для примера можно разобрать некоторые прозвища из «Сандро из Чегема»: *Колчерукий* и *Большеусый*. Автор старается найти в русском языке варианты перевода, максимально близкие по форме к абхазскому варианту, поэтому использует сложные слова, чтобы было соответствие абхазскому языку, в котором есть стремление к выражению смысловых и грамматических значений в максимально сжатой форме, часто в пределах одной словоформы с помощью сложной системы префиксов и суффиксов. При обратном переводе этих прозвищ на абхазский мы получаем Напыхъараць (где анапы — рука, хъараць — короткий, искривленный) и Пацаду (апаца — усы, ду — большой). Как мы видим, префикс «а» отпадает при изменении слов «анапы» и «апаца».

Особенности номинации в произведениях Искандера

С прозвищем «Большеусый» связан еще один нюанс, характеризующий особенности речевого поведения абхаза: для Сталина чегемцы, выбирают просто прозвище. Это могло бы не привлечь нашего внимания, если бы для Ленина они не изобрели довольно витиеватый эвфемизм — *«тот, кто хотел хорошего, но не успел»*. Это яркий пример проявления отношения к объекту речи через языковые формулы: иносказание, сложное определение без называния является проявлением уважения, а прозвище свидетельствует об очевидном пренебрежении к предмету речи.

Вообще с номинацией героев в текстах Искандера дело обстоит особым образом: он не использует традиционные формы приветствия, предпочитая русские кальки, как в вышеприведенных случаях, например, «*дедушка*» вместо абхазских эквивалентов «*даду*» или «*сабду*». При этом имена героев писатель никак не адаптирует для русскоязычного читателя, даже фонетически (например, *Щащико* или *Чунка*). Интересно, что в главе «Умыкание, или Загадка эндурцев» из романа «Сандро из Чегема» Искандер особо обговаривает русское имя главной героини Катя: «Не исключено, что свою... роль сыг-

рало и само имя этой девушки, тогда редкое в наших краях русское имя... Как известно, имя женщины, особенно если это имя носит на себе печать чужого племени, пленяет многих мужчин дополнительной чувственной окраской» [10. С. 450–451]. Эта реплика интересна тем, что здесь происходит зримое переключение регистров: русский писатель смотрит как бы со стороны на особенности национального менталитета, и такое ироничное лингвистическое наблюдение становится возможностью двойной оптики на отношение главного героя Сандро и абхазов вообще к имени девушки, но этот взгляд преломлен через призму писательского взгляда. Таким образом, вроде бы мимолетное замечание становится важной составляющей той самой лупы приближения и познания иной этнокультуры.

Заключение

Для формирования художественного пространства и стилистического своеобразия прозы Фазиля Искандера важными были и традиции абхазской устной речи — повседневной, застольной, публичной и т.д. В романе «Сандро из Чегема» народное красноречие неоднократно оказывается в центре авторского внимания и играет важную роль в сюжетном построении романа и в расстановке смысловых акцентов.

Многоязычие Искандер считал огромным богатством и достоинством людей, о которых он пишет. Так, старый Хабуг — глава Большого дома знал несколько языков и мог изъясняться с любым человеком, которого имел возможность встретить в Абхазии, а Чегем в главе «Харлампо и Деспина» писатель вообще называет Вавилоном: «...Сегодня не слышно греческой и турецкой речи на нашей земле, и душа моя печалится, и слух мой осиротел. Я с детства привык к нашему маленькому Вавилону. Я привык слышать в воздухе родины абхазскую речь, русскую речь, грузинскую речь, мингрельскую речь, армянскую речь, турецкую речь... и теперь, когда из этого сладостного многоголосия, из брызжущего свежестью щебета народов выброшены привычные голоса, нет радости слуху моему, нет упоения воздухом родины!» [10. С. 554].

Особенности речевого поведения абхаза, нюансы этикета — все это находится под пристальным писательским (почти исследовательским) вниманием Фазиля Искандера. Однако ему удается сделать свой текст по-настоящему многоголосым, многоязычным не через формальные очевидные способы, а деликатно вкрапляя в ткань произведения элементы лингвокультуры — иной по отношению к русскому языку, на котором он всю жизнь писал.

Такой завуалированный транслингвизм делает возможным погружение читателя в стихию языковой культуры абхаза и при этом дает ему возмож-

ность оставаться на берегу привычной русской лингвокультуры. В случае с Фазилем Абдуловичем Искандером сложно выделить один главный фактор его трансязыкового перехода, очевидно, здесь имеет место целый ряд причин: на выбор языка оказали влияние и факты биографии писателя (переезд из Абхазии в Москву после окончания школы), и фактор языковой политики в Советском Союзе, и прагматическая задача расширения круга читателей, для чего русский язык подходит превосходно.

Но каковы бы ни были причины и мотивы такого перехода, мы не можем не констатировать, что такой двойной языковой код позволяет писателю значительно расширить свое художественное пространство и не только вовлечь читателя в сферу нового для него языка, но и вооружает его инструментарием для познания и понимания этой неведомой до сих пор сферы.

Список литературы

1. *Иванова Н.Б.* Мир и миф Фазиля Искандера // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. 2019. № 4. С. 8–13.
2. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А.* На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. 2021. № 6 (2). С. 263–273. <http://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>
3. *Хухуни Г.Т., Валуцьева И.И.* Билингвальное творчество: языковое переключение или языковой сдвиг? // Филологические науки. 2021. № 6 (2). С. 227–234. <http://doi.org/10.20339/PhS.6-21.227>
4. *Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е.* Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». 2020. Т. XVII. Вып. 1. С. 83–90.
5. *Яхина Г.Ш.* Зулейха открывает глаза. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016.
6. *Абгарян Н.* Люди, которые всегда со мной. М.: Издательство АСТ, 2017.
7. *Ибрагимов К.Х.* Маршал. М.: Вече, 2021.
8. *Искандер Ф.А.* Детство Чика. М.: Время, 2007.
9. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.* Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 1. С. 57–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63>
10. *Искандер Ф.* Сандро из Чегема. М.: Эксмо, 2009.
11. *Чачхалиа Д.К.* О прозе Фазиля Искандера в контексте традиций устного абхазского рассказа // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. 2019. № 4. С. 68–70.
12. *Искандер Ф.* Софичка // Искандер Ф. О любви. М.: Эксмо, 2010. С. 155–349.

References

1. Ivanova N. 2019. The world and the myth of Fazil Iskander. Bulletin of the Literary Institute named after A.M. Gorky, no. 4, pp. 8–13. (In Russ.).
2. Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A., and N.A. Tokareva 2021. At the “Agora” today: approaches to the study of translingual literature. Philological sciences, vol. 6, no. 2, pp. 263–273. (In Russ.). <http://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>

3. Khukhuni G., Valuitseva I. 2021. Bilingual creativity: language switching or language shift? // *Philological sciences*, vol. 6, no. 2, pp. 227–234. (In Russ.). <http://doi.org/10.20339/PhS.6-21.227>
4. Bakhtikireeva U.M., and B.E. Shagimgereyeva. 2020. Language Biography of a Creative Personality: Bakhyt Kairbekov. *Social and humanitarian sciences in the Far East XVII*, no. 1, pp. 83–90. (In Russ.).
5. Yakhina G.Sh. 2016. *Zuleikha Opens Her Eyes*. Moscow: AST Publ.: Elena Shubina. Print. (In Russ.).
6. Abgaran N. 2017. *People who are always with me*. Moscow: AST Publ. Print. (In Russ.).
7. Ibragimov K.H. 2021. *Marshal*. Moscow: Veche. Print. (In Russ.).
8. Iskander F. 2007. *Chick's childhood*. Moscow: Time Publ. Print. (In Russ.).
9. Bakhtikireeva U.M., and O.A., Valikova. 2017. Translingualism and revitalization of culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 8, no. 1, pp. 57–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63>.
10. Iskander F. 2009. *Sandro of Chegem*. Moscow: Exmo Publ. Print. (In Russ.).
11. Chachhalia D. K. 2019. About the prose of Fazil Iskander in the context of the traditions of the oral Abkhazian story. *Bulletin of the Literary Institute named after A.M. Gorky*, no. 4, pp. 68–70. (In Russ.).
12. Iskander F. 2010. *Sofichka*. In Iskander F. *About Love*. Moscow: Exmo Publ., pp. 155–349. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Битокова Марина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литератур, Кабардино-Балкарский государственный университет. e-Library SPIN-код: 3030-9132; ORCID: 0000-0001-6928-3115; E-mail: mariebitok@gmail.com

Канкулова Арина Сафарбиевна — аспирант кафедры русской и зарубежной литератур, Кабардино-Балкарский государственный университет. e-Library SPIN-код: 7161-1397; ORCID: 0000-0002-2994-4166; E-mail: shans11@list.ru

Bio notes:

Marina V. Bitokova is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. e-Library SPIN-code: 3030-9132; ORCID: 0000-0001-6928-3115; E-mail: mariebitok@gmail.com

Arina S. Kankulova is a Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign Literature, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. e-Library SPIN-code: 7161-1397; ORCID: 0000-0002-2994-4166; E-mail: shans11@list.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-144-153

EDN: CGRFNI

Научная статья / Research article

Древин и Слуцкий: контекст одного стихотворения

Э.Ф. Шафранская

Смоленский государственный университет,
Российская Федерация, 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, к. 1
✉ shafranskayaef@mail.ru

Аннотация. Исследование представляет собой один из аналитических фрагментов армянского текста русской поэзии. В корпус «армянских» вводится стихотворение Бориса Слуцкого «Строитель рая живописец Древин», внешне никак не связанное с Арменией. Цель статьи — проанализировать семантику контекста стихотворения, в частности, его опосредованную связь с Арменией. Решаемые задачи: характеристика живописного творчества Александра Древина и роль в нем Армении, а также написание очерка о трагической биографии художника; обозначение места Армении на шкале ценностей в поэзии Бориса Слуцкого; характеристика советского образа *рая* и его воплощение в искусстве и литературе. На материале стихов Бориса Слуцкого и архивного дела по обвинению Александра Древина в контрреволюционной деятельности (ГА РФ) выявлен при посредстве историко-культурного и биографического методов армянский подтекст в «неармянском» стихотворении «Строитель рая живописец Древин».

Ключевые слова: Армения; Александр Древин, Борис Слуцкий, рай, репрессии 1930-х годов, стихотворение «Строитель рая живописец Древин»

История статьи: поступила в редакцию 15.10.2023; принята к печати 07.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Financing. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00339, <https://rscf.ru/project/22-18-00339/>

Для цитирования: Шафранская Э.Ф. Древин и Слуцкий: контекст одного стихотворения // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 144–153. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-144-153>

Drevin and Slutsky: The Context of One Poem

Eleonora F. Shafranskaya

Smolensk State University,
4 Przhevalsky St, Smolensk, 214000, Russian Federation
Moscow City Pedagogical University,
building 1, 4 2nd Selskokhozyaystvenny Proezd, Moscow, 129226, Russian Federation
✉ shafranskayaef@mail.ru

Abstract. The study presents one of the analytical fragments of the Armenian text of Russian poetry. The corpus of “Armenian” texts includes the poem “The Builder of Paradise, the painter Drevin” by Boris Slutsky, which is outwardly unrelated to Armenia. The purpose of the article is to analyze the semantics of the poem’s context, in particular, its indirect connection with Armenia. The author solves a number of problems: characterizing the artistic work of Alexander Drevin and the role of Armenia in it, including writing an essay about the tragic biography of the artist; designation of Armenia’s place on the scale of values in the poetry of Boris Slutsky; characteristics of the Soviet image of paradise and its embodiment in art and literature. Using historical, cultural and biographical methods, the study reveals the Armenian subtext in the “non-Armenian” poem “The Builder of Paradise, the painter Drevin” based on the poems of Boris Slutsky and the archival file on charges of counter-revolutionary activities against Alexander Drevin (GA RF).

Keywords: Armenia; Alexander Drevin; Boris Slutsky, paradise, repressions of the 1930s, poem “The Builder of Paradise, the painter Drevin”

Article history: received 15.10.2023; accepted 07.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Shafranskaya, E.F. 2024. “Drevin and Slutsky: The context of one poem.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 144–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-144-153>

Введение

Изучение феномена локальных текстов культуры и литературы — один из приоритетных векторов гуманитаристики XXI века. В настоящее время активно исследуется непроговоренный и незафиксированный армянский текст. Работы современных исследователей многосторонне заполняют эту лауну: реконструируют армянский текст русской поэзии [1]; воссоздают систему слов-спутников армянского текста в русском поэтическом дискурсе [2]; исследуют колористическую семантику армянского текста русской поэзии [3; 4]; выделяют в качестве одного из паттернов армянского текста имя художника Мартироса Сарьяна и его полотна [5], а также другие паттерны, как то: Арарат, Севан, море, лаваш, армянский дворик, Грант Матевосян и др. [6]; путем квантитативного метода рассматривают различные параметры использования сенсорной лексики в армянском тексте [7].

Цель исследования — дополнить пространство армянского текста русской поэзии введением в него стихотворения Бориса Слуцкого «Строитель рая живописец Древин», проанализировав семантику контекста стихотворения.

Задачи:

- рассмотреть судьбу Александра Древина в историческом контексте 1930-х годов и его творчество, связанное с Арменией;
- выявить армянские интенции в поэзии и жизни Бориса Слуцкого;
- рассмотреть советский контекст построения будущего на примере стихотворения Бориса Слуцкого.

Объект исследования: стихотворение Бориса Слуцкого «Строитель рая живописец Древин».

Предмет исследования: семантика контекста стихотворения «Строитель рая живописец Древин».

Источниковая база: стихи Бориса Слуцкого, «Дело по обвинению Древина» из ГА РФа.

Обсуждение

Художник

В стихотворении Бориса Слуцкого «Строитель рая живописец Древин» дважды упоминается фамилия художника: в заглавии и в финале. *Частное* и *общее* в структуре стихотворного текста, по теории Л.Я. Гинзбург [8], или *эмпирическая* часть и *обобщающая*, по версии Т.И. Сильман [9], отчетливо выражена в этом тексте Слуцкого. Таким образом, фамилия *Древин* вынесена в самые значимые позиции текста — в его название и логически завершающую часть. Следуя за мыслью С. Кржижановского [10], классифицировавшего типы заглавий, перед нами заглавие-антескрипт: номинативное предложение *Строитель рая живописец Древин*, выполняющее функцию предтекстовой установки. Эмпирическая часть, или частное лирического текста, — все с первой по пятую строфы становятся подводкой к тем смыслам, с которыми ассоциируется у поэта личность Древина. А последняя, шестая строфа — аккорд, заключающий созидательную направленность деяний художника.

Александр Давидович Древин (1889–1938) — представитель русского авангарда, в расцвете творческих сил был арестован органами НКВД, обвинен в «контрреволюционной террористической деятельности» и расстрелян на Бутовском полигоне. Часть живописных работ Древина была изъята при аресте (так поступали с работами всех арестованных художников в 1937–1938 гг., см.: [11]) и уничтожена, другая часть была спасена: его жена, Надежда Андреевна Удальцова, тоже художница, сказала при обыске, что работы принадлежат ей.

Латыш по происхождению, Древин приехал в Москву в 1915 году, связав свою жизнь с Россией и впоследствии с СССР. Преподавал во Вхутемасе (далее — Вхутеине), будучи профессором.

Вплоть до ареста много путешествовал: по заданию общества „Прометей“¹ — в Азово-Черноморский край и в Западную область², на охоту — по средней полосе России (см. воспоминания его друга, лингвиста А.А. Реформатского³), на пленэр вместе с Н.А. Удальцовой — на Урал, Алтай, север Казахстана и, наконец, в Армению.

Армения стала кульминационной точкой его художественного видения.

Вот три мнения об этой вехе Древина-художника.

Современная ему критика:

«Страстный охотник и следопыт, он провел три лета в лесах Урала и три лета на Алтае, где кроме необычной природы был захвачен особенностями монгольского искусства. В работах этого периода особо сказались порочность его интуитивного и подсознательного метода, основанного на „непосредственном“ впечатлении. Метод этот искажает сущность вещей в зависимости от настроения автора, приводит к зауми, а иногда и к мистике; формализм в этих вещах, так же как и в других, целиком владел художником. Как ищущий мастер, Древин начал понимать ошибки своего метода и уходит от них.

Его последние вещи, привезенные из Армении, — лучшее из того, что до сего времени дал художник. Эти картины сделаны уже не только на основе впечатлений от природы, а предварены относительно реалистическими набросками и этюдными зарисовками» [12].

Искусствоведы 1970-х:

«Армения раскрылась художнику как древняя историческая земля. Древин ощущал созидательные силы могучей армянской природы повсюду: в каждом камне, в смелых и энергичных изгибах холмистой земли, в исполинском размахе горных степей, в огромных многолетних деревьях. <...> Его прежняя свободная, непосредственная и импульсивная живописная манера претерпела значительные изменения» [13. С. 53–54].

Сам Древин в 1934 году:

«Что же дала мне поездка в Армению? Необычайной силы дыхание страны втягиваешь уже в вагоне. С удивлением я ощущал замечательное сочетание растущих сил страны и сил природы. <...> ...я пытался писать ту же природу, но уже в мастерской, и странно, она стала постепенно превращать-

---

¹ «Прометей» — культурно-просветительское общество в Москве (1929–1937); см. подробнее в статье: [11].

² Западная область с центром в Смоленске просуществовала с 1929 по 1937 год.

³ *Реформатский А.А.* Из «дебрей» памяти: мемуарные зарисовки / публ., подгот. текста, предисл. и примеч. М.А. Реформатской // Новый мир. 2002. № 12. С. 113–130.

ся в нечто другое; природа исчезла, а язык живописи усиливался, создавалась другая реальность.

В этом году я пытался в Армении соединить эти два начала в нечто синтетическое, я начал замечать, с большим удовлетворением, что работа двигается»⁴.

Вернувшись в Москву, Древин показал свои армянские работы Реформатскому, спросив: «А на что это еще, Лексанич, похоже?» «На японскую живопись!» — был ответ. «Верно!» — воскликнул Древин⁵.

А в 1938 году (20 января) арестованный Древин так отвечает на вопросы следователя НКВД о своем творчестве:

«Вопрос: В чем выражалась ваша враждебность к советской власти?

Ответ: Моя враждебность к советской власти выражалась в том, что я поддерживал формалистические позиции в искусстве и противодействовал социалистическому реализму <...> и лишь с 1932 года я постепенно выправлял формалистические тенденции»⁶.

«Вопрос: Значит, вы как художник примыкали к формалистическому течению в искусстве?

Ответ: Да, я как художник примыкал к реакционному формалистическому течению.

Вопрос: Объясните, что такое формалистическое течение в изобразительном искусстве и в чем его контрреволюционная сущность?

Ответ: Я могу быть немного не точен в определении, но я понимаю, что контрреволюционная сущность формалистического искусства состоит в том, что оно противопоставляет себя социалистическому реализму и преподносит в изобразительном искусстве чуждые для советской действительности содержание и формы, ориентируясь на западных фашистских художников типа Брак⁷ и других. Я хочу заявить следствию, что формалистические течения в изобразительном искусстве подразделялись на ряд более мелких течений, как-то: „футуризм“, „кубофутуризм“, „супрематизм“ и „группа ОСТ“.

Вопрос: К какому из этих течений вы примыкали?

Ответ: Я примыкал к группе футуризм. Но у меня в работе имелись некоторые особенности, я бы назвал разновидность футуризма — примитивизм, и я в изобразительном искусстве отстаивал примитивное искусство, давно отжившее, заскорузлое, давным-давно изжившее себя искусство, и противопоставлял это искусство социалистическому реализму, а когда меня предупреждали работать в направлении социалистического реализма, я считал себя в положении обиженного советской властью, которая не дает сво-

⁴ Художник А. Древин о себе // Творчество. 1934. № 4. С. 15.

⁵ *Реформатский А.А.* Из «дебрей» памяти: Мемуарные зарисовки / Публ., подгот. текста, предисл. и примеч. М.А. Реформатской // Новый мир. 2002. № 12. С. 128.

⁶ Дело по обвинению Древина // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-44925. Л. 13.

⁷ Жорж Брак (1882–1963) — французский художник.

бодно работать и притесняет творчество художников, что вызвало во мне враждебное настроение к советской власти.

Вопрос: Расскажите, какие конкретно работы вы как художник написали с контрреволюционными искажениями?

Ответ: Я написал ряд картин, имеющих контрреволюционные искажения, это „Парашютист“, „Козули“, „Безработные в Риге“, „Девочка в колхозе“ и „Колхозный пейзаж“.

Вопрос: В чем сущность контрреволюционных искажений ваших картин?

Ответ: О всех картинах я не могу вам изложить подробно, в чем их контрреволюционная сущность, вот, например, картина „Девочка в колхозе“. Вместо того чтобы отобразить веселую, зажиточную, радостную колхозную жизнь, я нарисовал тяжелую действительность, печальную колхозную действительность...»⁸.

Армения — последний этап творчества Древина. Наблюдая за армянской землей, художник был искренне впечатлен теми преобразованиями, которые меняли, как казалось, устойчивый с древности ландшафт. В одной из армянских работ — «Строительство железнодорожного моста» (1933) зритель видит сочетание канонических ориентальных деталей (ослик с хурджумом, его хозяин — с выраженными этночертами в одежде и фенотипе) на фоне холмистого армянского ландшафта и кроны деревьев — и масштабной стройки (сваи, строительные вышки, тачки с рабочими) — все вместе воплощает реализацию социалистической утопии. Ею были увлечены многие интеллектуалы 1930-х, современники Древина. Один из них, очеркист и философ-марксист Карл Шмюкле увидел в таком векторе новую экзистенциальную фазу бытия (см.: [14]); к слову, в судьбе обоих, Древина и Шмюкле, есть одна общая веха — финал жизни: расстрел в Бутове, 1938.

Борис Слуцкий

Аналитики творчества Бориса Слуцкого после его смерти, не сговариваясь, замечают важное и в чем-то сакральное место Армении в картине мира поэта. Так, Георгий Кубатьян, критик и поэт, видит истоки любви к Армении в детстве Слуцкого, аргументируя строчками стихов поэта:

*Я, сызмальства,
с Харькова,
с детства
узнавший
армянский порядок, рассудок и чин...»⁹*

⁸ Дело по обвинению Древина // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-44925. Л. 16–17.

⁹ Слуцкий Б. Холсты Акопа Коджояна // Юность. 1965. № 2. С. 34.

Кубатьяну такой распорядок понятен как никому другому. Он, родившийся и выросший вне пределов Армении, только в двадцать с небольшим принял решение связать свою жизнь с Арменией: приехал в Ереван без знания армянского языка — в итоге стал одним из тончайших его знатоков и переводчиков. Кубатьяну на интуитивном уровне понятно это «шкалирование» стран и народов: Слуцкий, как и он, выбирает армян.

«Все, что усваивается в детстве, помнится человеку всю жизнь. А Слуцкий провел детство и школьные годы в Харькове, где в ту пору (как, впрочем, и ныне) было много армян. <...> Ведь речь идет о знании характера, семейных, а может, и общинных отношений, обычаев» [15. С. 239], — пишет Кубатьян о Слуцком. Лирический герой Слуцкого много где побывал: Ленинград, Москва и Белград, Венгрия и Франция (Байё) — «О земля! Я тебя узнавал постепенно!»¹⁰, тем не менее именно Армения для него — очень личная и глубокая «субстанция», освежающая и воспламеняющая одновременно: она его «словно волна окатывает», «окидывает от пят и до тмени горящим пламенем взгляда»; Армения для него — «высшая мера людских дел», эталон трудолюбия: «мужик, погорбоносей орла, тянет собственными руками лозу из скалы» («Это — Армения»¹¹). Даже нелепые традиции советских армян трогают поэта: «Армяне называют своих детей / именами великих людей: / именем Карла — в честь Маркса, / именем Гамлета — в честь Шекспира, / именем первооткрывателя Марса, / именем каждого гения мира»¹²; и самое главное — армянскую речь лирический герой Слуцкого будет хранить на дне души и беречь¹³.

«...Армения вошла в душу и сердце Бориса Слуцкого раньше, чем он там побывал» [16. С. 33], — пишет критик Ю. Болдырев. Перебирая каналы и источники — каким путем страны приходят к человеку, Болдырев называет травелоги, романы и стихи, впечатления друзей. «Канал», по его мнению, через который Армения вошла в сердце поэта Слуцкого, — это живопись. Этот «канал» для Слуцкого — один из главных: Армению ему открывали армянские художники: Мартирос Сарьян, Акоп Коджаян, Арутюн Галенц (см. подробнее: [17]).

Был еще один «канал» — это живопись неармянского художника Александра Древина, которого Слуцкий называет в стихах «прорабом райстроя»¹⁴. (Здесь необходимо пояснение для несоветских поколений: в советской бюрократической лексике были популярны сложносокращенные названия, в которых административная единица «район/районный» усекалась до слога рай: *райсобес, райком, райкооп, райсбыт, райветлечебница*; райстрой —

¹⁰ *Слуцкий Б.* Кругосветный путешественник // Юность. 1965. № 2. С. 34.

¹¹ *Слуцкий Б.* Работа. 4 книга стихов. М.: Советский писатель, 1964. С. 141–142.

¹² *Слуцкий Б.* Гостиница «Ереван» // Литературная Армения. 1987. № 11. С. 35.

¹³ См.: *Слуцкий Б.* Работа. 4 книга стихов. М.: Советский писатель, 1964. С. 141–142.

¹⁴ *Слуцкий Б.* Неоконченные споры. М.: Советский писатель, 1978. С. 153.

вполне реальное для советской жизни сокращение; прораб — сложносокращенное слово от «производитель работ».) Так, заурядное название должности *прораб райстроя* Слуцкий наделяет иным — экзистенциальным смыслом: Древин — *строитель райской жизни*.

Рай

Бинарная структура сознания — наиболее расхожая форма реализации мыслительной деятельности человека, работающая в повседневности. Человеку свойственно противопоставлять прошлое и настоящее, настоящее и будущее, «шкалировать» эти субстанции: где и когда лучше/хуже, больше/меньше. Все религии, идеологии, философии содержат категорию будущего, прямо или метафорично называемого *раем*, входящим в расхожую оппозицию «ад и рай», которая также функционирует в речи как реальность или метафора. Любая модель культурной космогонии строит рай, в любой эсхатологической фазе культуры на смену ожидаемому раю приходит ад. Иных структурных моделей человечество не знает.

Советский XX век гипертрофировал эту модель. Построению новой жизни (коммунизма) были подчинены все социальные процессы. Цель — построение будущего, или рая, — с успехом работала в репрессивном механизме власти. «Наш город мы в рай превратим — с вашей помощью, господа, с вашим содействием» — точно для эпохи 1930-х и экзистенциально для жизни вообще произносит Варлам Аравизде в фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Этим призывом вдохновлялись и, как оказалось, обманывались все, коллективно строя социалистическую утопию.

Борис Слуцкий написал стихотворение «Строитель рая живописец Древин», подробно перечисляя сюжеты, ландшафты, детали полотен Древина: «рай строят на песке», «рай строят и в степи, в полупустыне», «в горько-соленом море» — «рай, полный полудикой красоты»¹⁵, где эпитет *полудикий* не оценочно негативный, а напротив, он акцентирует древность земли и культуры Армении. Всем строительством рая, то есть новой жизни, руководит, как и должно на стройке, прораб — он «молод» и, «как пустыня, древен», «прораб райстроя живописец Древин».

Заключение

Таким образом, рассмотрена семантика контекста — исторического, историко-культурного, биографического — стихотворения Бориса Слуцкого «Строитель рая живописец Древин». В частности, сделан акцент на той роли, которую играла Армения в картине мира поэта Бориса Слуцкого и художника Александра Древина. На шкале экзистенциальной гармонии место

¹⁵ Слуцкий Б. Неоконченные споры. М.: Советский писатель, 1978. С. 152–153.

Армении у Древина и Слуцкого совпадает — это поэтический парафраз образа рая, где природа и созидательные деяния человека сливаются в едином направлении. Такое видение «рая» не в последнюю очередь складывалось под влиянием государственной идеологии и пропаганды — построения нового социалистического/коммунистического мира-рая. Аналитика стихотворения «Строитель рая живописец Древин» — новый вклад в изучение армянского текста русской поэзии, а рецептивные обертоны советской Армении в *образе рая* — его новый паттерн.

Список литературы

1. Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского гос. ун-та. 2020. № 2 (50). С. 5–21. <http://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-50-2-5-21>
2. Павлова Л.В., Романова И.В. «Армянский» текст русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 212–225. <http://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00103>
3. Павлова Л.В., Романова И.В. Синий цвет в армянском тексте русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. С. 3732–3738. <http://doi.org/10.30853/phil20220653>
4. Павлова Л.В., Романова И.В. «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» // Litera. 2022. № 12. С. 20–32. <http://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.12.39276>
5. Павлова Л.В., Романова И.В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов // Известия Смоленского гос. ун-та. 2023. № 1 (61). С. 5–18. <http://doi.org/10.35785/2072-9464-2023-61-1-5-18>
6. Шафранская Э.Ф. Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 56. С. 135–143. <http://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.135>
7. Андреев С.Н. Параметры армянского текста тепло и холод: квантитативный анализ // Квантитативная лингвистика. 2023. № 10. С. 4–12.
8. Гинзбург Л.Я. Частное и общее в лирическом стихотворении // Гинзбург Л.Я. О старом и новом: статьи и очерки. Л.: Советский писатель, 1982. С. 16–42.
9. Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. 223 с.
10. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 36 с.
11. Шафранская Э.Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей имени И.В. Савицкого // Знамя. 2021. № 7. С. 180–205.
12. От формализма к живой жизни // Творчество. 1934. № 4. С. 15.
13. Мясина М.Б. Старейшие советские художники о Средней Азии и Кавказе. М.: Советский художник, 1973. 285 с.
14. Шафранская Э.Ф., Должикова А.В. Карл Шмюкле — неизвестный соратник по тувинскому путешествию Отто Менхен-Хельфена // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 135–147. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.9>
15. Кубатьян Г. Одна из двух ипостасей. Армянская тема в поэзии Бориса Слуцкого // Дружба народов. 2019. № 6. С. 238–249.
16. Болдырев Ю. Борис Слуцкий // Литературная Армения. 1987. № 11. С. 33–34.
17. Шафранская Э.Ф., Кешфиудинов Ш.Р. Армянский транзит: художники как паттерн армянского текста в русской словесности // Поволжский педагогический поиск. 2023. № 2(44). С. 123–134.

References

1. Amirkhanyan, M.D., Pavlova, L.V., and I.V. Romanova. 2020. Reconstruction of the «Armenian» Text in the Russian Poetry of the XX Century (Computer Research Experience), no. 2, pp. 5–21. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-50-2-5-21>
2. Pavlova, L.V., and I.V. Romanova. 2020. “Armenian” text of Russian poetry (interpretation of data from the software package “Hypertext search for satellite words in author’s texts”). *New Philological Bulletin*, no. 4, pp. 212–225. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00103>
3. Pavlova, L.V., and I.V. Romanova. 2022. Blue color in the Armenian text of Russian poetry (interpretation of data from the software package “Hypertext search for satellite words in author’s texts”). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, vol. 15, no. 12, pp. 3732–3738. <https://doi.org/10.30853/phil20220653>
4. Pavlova, L.V., and I.V. Romanova. 2022. The “Color” component of the frequency dictionary of the “Armenian text”. *Litera*, no. 12, pp. 20–32. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.12.39276>
5. Pavlova, L.V., and I.V. Romanova. 2023. The consonance of Saryan and Armenia in the perception of Russian poets. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo unita*, no. 1, pp. 5–18. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2023-61-1-5-18>
6. Shafranskaya, E.F. 2022. Armenian text: poems and prose. *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school*, no. 56, pp. 135–143. <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.135>
7. Andreev, S.N. 2023. Parameters of the Armenian text heat and cold: quantitative analysis. *Quantitative linguistics*, no. 10, pp. 4–12.
8. Ginzburg, L.Ya. 1982. Private and general in a lyrical poem. L.Ya. Ginzburg. *About the old and the new: Articles and essays*. L.: Soviet writer, pp. 16–42.
9. Sil'man, T.I. 1977. Notes on lyrics. L.: Soviet writer, 223 p.
10. Krzhizhanovsky, S. 1931. *Poetics of titles*. Moscow: Nikitinsky subbotniks, 36 p.
11. Shafranskaya, E.F. 2021. Butovsky polygon vs Nukus Museum named after I.V. Savitsky. *Znamya*, no. 7, pp. 180–205.
12. From formalism to living life. 1934. *Creation*, no. 4, p. 15.
13. Mjasina, M.B. 1973. The oldest Soviet artists about Central Asia and the Caucasus. Moscow: Soviet Artist, 285 p.
14. Shafranskaya E.F., and Dolzhikova A.V. 2024. Karl Schmückle is unknown companion on the Tuvan journey of Otto Menchen-Helfen. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 135–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.9>
15. Kubat'jan, G. 2019. One of the two hypostases. The Armenian theme in the poetry of Boris Slutsky. *Friendship of Peoples*, no. 6, pp. 238–249.
16. Boldyrev, Y. 1987. Boris Slutsky. *Literary Armenia*, no. 11, pp. 33–34.
17. Shafranskaya, E.F. and Sh.R. Keshfidinov. 2023. Armenian transit: artists as a pattern of Armenian text in Russian literature. *Volga Pedagogical Search*, no. 2, pp. 123–134.

Сведения об авторе

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии», Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация; профессор департамента филологии, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация. e-Library SPIN-код: 5340-6268; ORCID: 0000-0002-4462-5710; E-mail: shafranskayaef@mail.ru

About the author

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher at the Smolensk Center for Quantitative Philology, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation; Professor of the Department of Philology, Moscow City University, Moscow, Russian Federation; e-Library SPIN-code: 5340-6268; ORCID: 0000-0002-4462-5710; E-mail: shafranskayaef@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-154-163

EDN: DPFUNK

Научная статья / Research article

Роман Ахмаду Курума *Allah n'est pas obligé* как пример полиязычного текста

Я. Траоре

Государственный университет просвещения,
Российская Федерация, Московская обл., 141014, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

✉ ya2.tra@gmail.com

Аннотация. Письменность на этнических языках Африки возникла относительно недавно в историческом масштабе, поэтому местные писатели в своих художественных произведениях использовали языки колонизаторов. Однако некоторые из них неполностью повали с языками родных этносов, запечатлев в своих произведениях лингвистическое разнообразие, характерное для среды проживания. Материалом нашего исследования является роман писателя из Кот-д'Ивуара Ахмаду Курума *Allah n'est pas obligé* (Аллах не обязан), вышедший в свет в 2000 году. Литературное произведение рассматривается как пример полилингвального художественного творчества — французский как официальный язык Кот-д'Ивуара, малинке как родной язык автора и либерийский английский (пиджин, возникший на территориях Либерии и Сьерра-Леоне), распространенный в данном регионе. Излагаются лингвистические способы выражения устной традиции африканских сказителей, хотя по содержанию произведение Курумы затрагивает темы, актуальные для современной Африки (использование пословиц, многократных повторов, буквального перевода слов и выражений из других языков). Основным методом исследования является лингвистический анализ текста. Показано, что полилингвильность и использование приемов традиционных сказителей являются ключевыми характеристиками творчества писателя, что способствует популярности его произведений на африканском континенте.

Ключевые слова: полилингвильность, языковая гибридизация, африканская литература, традиция, Ахмаду Курума

История статьи: поступила в редакцию 15.10.2023; принята к печати 03.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Траоре Я. Роман Ахмаду Курума *Allah n'est pas obligé* как пример полиязычного текста // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 154–163. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-154-163>

Ahmadu Kuruma's Novel *Allah n'est pas obligé* — As an Example of a Polylingual Text

Yaya Traore

State University of Education,
24 Very Voloshinoy St, Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

✉ ya2.tra@gmail.com

Abstract. Writing in the ethnic languages of Africa arose relatively recently on a historical scale, so local writers used the languages of the colonialists in their works of fiction. However, some of them did not completely break with the languages of their localities, capturing in their works the linguistic diversity characteristic of the living environment. The material of our research is the novel *Allah n'est pas obligé* (Allah is not obligated) by the Ivorian writer Ahmadou Kuruma, published in 2000. The literary work is considered as an example of multilingual artistic creation — French as the official language of Ivory Coast, Malinke as the author's native language and Liberian English (pidgin, originated in the territories of Liberia and Sierra Leone), common in this region. The article describes the linguistic ways of expressing the oral tradition of African storytellers, although the content of Kuruma's work touches on topics relevant to modern Africa (the use of proverbs, repeated repetitions, literal translation of words and expressions from other languages). The main method of research is the linguistic analysis of the text. It is shown that multilingualism and the use of traditional storytelling techniques are key characteristics of the writer's work, which contributes to the popularity of his works on the African continent.

Keywords: multilingualism, linguistic hybridization, African literature, tradition, Ahmadu Kuruma.

Article history: received 15.10.2023; accepted 03.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Traore, Y. 2024. "Ahmadu Kuruma's novel *Allah n'est pas obligé* — as an example of a polylingual text." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 154–163. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-154-163>

Введение

Многоязычие, или полилингвизм, многоаспектны. Согласно В.В. Кытиной и Н.В. Рыжовой полилингвизм представляет собой умение индивида ситуативно использовать единицы нескольких языковых систем [1. С. 611]. Выделяются два основных вида полилингвизма: индивидуальный и коллективный. Интуитивно понятное явление многоязычия в последние годы привлекает пристальное внимание лингвистов с позиций изучения языка писателей, так как в современном мире все больше появляется авторов, создающих свои произведения не на родном для них языке. Понятия билингвальной, полилингвальной и транслингвальной литературы по-разному интерпретируются в научных исследованиях. Так, И.И. Валуйцева и Г.Т. Хухуни выделяют два случая билингвизма в художественных текстах: во-первых, случай собственно авторского билингвизма, представляющего собой парал-

тельное использование различных языков при создании литературных произведений, и, во-вторых, несовпадение родного языка писателя с языком художественного творчества [2. С. 298]. У.М. Бахтикиреева и О.А. Валикова определяют феномен транслингвизма как практику художественного творения на языке, который не является для автора этнически первичным [3. С. 184]. А. Аузони определяет транслингвальных писателей как «занимающихся литературой, исключительно или нет, на втором языке» [4. С. 63]. Д. Вайсман противопоставляет термины «многоязычие» и «транслингвизм», утверждая, что последний представляет собой письменный процесс, в котором языки встречаются, влияя друг на друга, переводя и гибридизируясь [5. С. 37]. В данном исследовании мы понимаем полилингвальное творчество как создание автором художественного текста с использованием двух и более языков, а также их взаимодействие в тексте [6. С. 147]. Более того, многоязычие является путем к диалогу с миром, так как речевая деятельность индивида обусловлена взаимодействием с языками и культурами, с которыми он знаком [7. С. 117].

Когда говорят о литературе Черной Африки, следует различать, с одной стороны, произведения, написанные на европейских языках, а с другой — устную литературную традицию, представленную на многочисленных африканских языках [8. С. 84]. По мнению Кестелоота, это полноценная и значимая литература, которой присущи не только признаки мифа, народной фантазии, но и истории, генеалогии и семейных традиций [9. С. 6].

Писатель из Джибути Абдурахман Вабери хронологически делит историю африканской литературы на четыре периода: эпоха «пионеров» литературы (1910–1930 гг.), эпоха негритюда (1930–1960 гг.), эпоха деколонизации и разочарований (1970–1980 гг.) и, наконец, эпоха «детей постколониального периода», начиная с 1990-х гг. [10; 11. С. 20].

Среди наиболее известных писателей третьей эпохи выделяется Ахмаду Курума (*Ahmadou Kourouma*), во-первых, тематикой, а во-вторых, стилем, который придает его произведениям своеобразие.

Цель исследования — лингвистический анализ полилингвизма в произведении Ахмаду Курумы — представителя африканской литературы на французском языке, в творчестве которого специфически переплелись разные языки родного региона автора.

Методология. Элементы художественного текста рассматриваются во взаимодействии части и целого [12. С. 99], основным методом является лингвистический анализ выбранного произведения.

Ахмаду Курума: творческий путь

Ахмаду Курума родился в 1927 году в городе Бундиале в Кот-д’Ивуаре и умер в декабре 2003 года. Он был родом из этнической группы малинке и

один из немногих детей своей деревни, которых отправили в школу для получения образования на Западе, во Франции. В 1947 году как участник и лидер антиколониальных протестов Ахмаду Курума был не только исключен из Высшей технической школы в Бамако, но и выслан на родину в Кот-д’Ивуар.

Первый его роман *Les Soleils des indépendances* был опубликован в 1968 году [14]. Ахмаду Курума вскрывает недостатки как традиционного общества, так и современного города, которые угрожают равновесию независимой Африки. В этом и последующих романах Курумы изображены ключевые моменты в истории государств континента [8. Р. 49].

Роман *Allah n'est pas obligé* [15], 2000 год, по содержанию представляет собой историческое произведение, которое обращает внимание читателя на проблемы гражданской войны в современной Африке с ее пагубными последствиями для различных социальных слоев. Через историю, рассказанную героем романа — юным Бирахимой, писатель стремится привлечь внимание общества к острой проблеме образования детей-сирот.

Для его творчества характерен собственный язык и стиль. Будучи последовательным защитником африканского культурного наследия, Курума часто опирается на устную традицию в своих произведениях.

Лингвостилистические особенности романа Allah n'est pas obligé (Аллах не обязан)

По мнению Ж. Дерив, отношения между устной и письменной литературной традицией не могут рассматриваться одинаково для всех человеческих цивилизаций и быть поняты вне конкретной культурной истории этих цивилизаций [16]. Поэтому важно уточнить, что ограничить понимание понятия «устная африканская литература» исключительно фольклором — значит неверно истолковывать его смысл. Что касается нюансов отношений между африканской устной традицией и фольклором, С. Ндиай различает, с одной стороны, рассказчика, хранителя фольклора, как любого человека, который учится на собственном опыте. С другой стороны, она описывает гриота, носителя знаний устной традиции этноса, как «профессионала устного слова», который проходит формальное обучение у знаменитого гриота, отца или старейшины касты гриотов [17].

Стиль повествования в романе Курумы очень похож на стиль гриота.

В Африке рассказчики часто сопровождают свои повествования песнями и припевками. Припевы, подхватываемые слушателями, позволяют им, с одной стороны, проверить, следят ли за ними слушатели, а с другой — разбудить тех, кто дремлет или спит. Они также используют большое количество повторов и реплик либо для того, чтобы подчеркнуть интересный аспект повествования, либо для того, чтобы привлечь внимание аудитории к какому-либо важному моменту.

В романе *Allah n'est pas obligé* на протяжении всего произведения повторяются такие слова, как “faforo”, “gnamokodé” (обсценная лексика) и “walahé” (ругательство), которые часто употребляют молодые люди.

Для создания ритма повествования приводятся группы слов или целые предложения в стиле, которым владеют традиционные африканские сказители. Приведем только один пример: при рассказе о случае в больнице повторяется глагол *mourir* — умереть:

“Si le capitaine opère ta jambe, tu vas mourir, complètement mourir, totalement mourir comme un chien” [15. С. 23]

(Если капитан будет оперировать твою ногу, ты умрешь, полностью умрешь, совершенно умрешь, как собака — здесь и далее перевод наш. — Я.Т.).

На протяжении всего текста автор неоднократно упоминает название романа, возвращая читателя к основной теме повествования так, как это делают гриоты.

«La braise ardente a fait son travail [...] parce que Allah n'est pas obligé d'être juste dans toutes les choses qu'il fait sur terre» [15. С. 12].

(Яркий костёр совершил свое дело [...] потому что Аллах не обязан быть справедливым во всем, что он делает на земле).

В африканских обществах традиционные сказители обычно начинают свои рассказы с пословиц или загадок. Как традиционный африканский рассказчик, Ахмаду Курума включает в свои романы пословицы, которые позволяют читателю открыть и оценить красоту, богатство и разнообразие образов, передаваемых языком малинке, — родным языком Ахмаду Курумы.

В романе *Allah n'est pas obligé* писатель использует многочисленные пословицы, чтобы донести до аудитории свою мысль:

“On suit l'éléphant dans la brousse pour ne pas être mouillé par la rosée” [15. С. 173]

(Следуют за слоном в лесу, чтобы не намочить от росы).

Это означает, что человек часто чувствует себя защищенным, когда стоит рядом с пожилым человеком или идет по его стопам.

“Un enfant n'abandonne pas la case de sa maman à cause des odeurs d'un pet” [15. С. 18]

(Ребенок не покидает хижину матери из-за запаха пеленок).

Иными словами, в каких бы условиях ни находился ребенок, он никогда не должен покидать свою мать, он всегда должен быть рядом с ней.

Многоязычие в романе *Allah n'est pas obligé*

Гибридный характер языка африканских писателей заключается в том, что в основной текст на языке бывшей метрополии (французский, английский и т.д.) включаются слова и фразы из местных африканских языков, пиджинов. Применяется также ряд стилистических приемов, квалифицируемых как специфически негро-африканские. Их можно рассматривать как стремление отразить в тексте региональные особенности речи, противопоставив их французскому языку метрополии [18. С. 935].

Приведем примеры из разных языков, выделенные нами в романе *Allah n'est pas obligé*.

Малинке: *gnata* (дух, тень убитого человека, преследующая его палача), *оуа-оуа* (беспорядок, человек, который устроил беспорядок), *sofas* (солдаты, войска).

Пиджин: *grigriman* (человек, поклоняющийся фетишам), *kid-soldier* (ребёнок-солдат), *bushmen* (лесной народ), *songos* (афроамериканский народ, живущий в Либерии), *katajor* (ассоциация традиционных охотников).

Арабский: *hadji* (человек, который выполнил паломничество в Мекку), *Allahou koubarou* (Бог велик), *almату* (имам).

На протяжении всего повествования Курума объясняет не только слова своего родного языка малинке, но и французские слова, которые большинство африканцев не понимает. Он их называет «*gros mots*», («большие слова»), например: *ulcère*, *emmitoufléé*, *exécrable*. Для объяснения значения слов писатель вводит в текст романа определения из словарей *Larousse* и *Petit Robert* (для французских слов), *Inventaire des particularités lexicales du français en Afrique noire* (для слов этнического языка) и словарь *Harrap's* для пиджина. Таким образом, текст романа становится гетерогенным, в нем присутствуют слова как минимум трех языков: французского, малинке и пиджина (либерийского английского). Встречаются также слова из арабского языка, такие как *hadji*, *allahou koubarou*, которые относятся к лексике ислама. Такое многоязычие писатель объясняет следующим образом:

“*Il faut expliquer parce que mon blablabla est à lire par toute sorte de gens: des toubabs (blancs) colons, des noirs indigènes sauvages d'Afrique et des francophones de tout gabarit (genre)...*” [15. С. 9]

(*Придется объяснять, потому что мое бла-бла-бла будут читать самые разные люди: колониальные тубабы (европейцы), дикие местные черные африканцы и франкоговорящие всех размеров (видов)...*).

Следует указать и на то, что некоторые фразы на французском имеют другое значение во французском жителей Кот-д'Ивуара.

На уровне семантики нами выделены следующие особенности:

1. Выражения с буквальным переводом слов из малинке (в тексте романа они даются на французском):

Mon école n'est pas arrivée très loin [15. С. 7] (*моя школа не дошла далеко*) — я прекратил обучение в начальной школе

Etre dans mon intérieur/dans mon ventre [15. С. 11, 17] (*быть внутри меня/в моём животе*) — Вспоминание/ какая-нибудь идея в голове.

Refroidir le cœur [15. С. 29] (*охладить сердце*) — успокаиваться.

2. Фразеологизмы:

Agir en garçon [15. С. 83] (*действовать как мальчик/мужчина: быть храбрым*);

«*Mouiller la barbe de quelqu'un*» [15. С. 38] (*Намочить чью-то бороду*).
Давать взятку кому-нибудь.

3. Метафорическое употребление слов:

se défendre [15. С. 67] (*защищаться: стать проституткой*).

На грамматическом уровне частотным в романе является нарушение синтаксических и морфологических правил литературного французского языка, особенно при передаче прямой речи героев произведения. Такие конструкции выделены в тексте кавычками. Например, на с. 124 [15. С. 124] находим сразу несколько примеров.

Moi connais toi: ошибочное использование личных местоимений *moi* вместо *je* в функции подлежащего и *toi* вместо *te* в качестве прямого дополнения. Также нарушен синтаксический порядок. Правильная форма конструкции: *Moi, je te connais* (Я тебя знаю/Ты мне знаком).

Tu appelé Yacouba: здесь отметим пропуск рефлексивного местоимения *te* (с элизией *t'*). Также ошибочно поставлено страдательное причастие глагола *appeler* (звать) вместо формы настоящего времени того же глагола *appelles*: *Tu t'appelles Yacouba* (Тебя зовут Якуба).

Причина использования таких конструкций заключается, на наш взгляд, — во-первых, в фиксации варианта французского языка Кот-д'Ивуара, во-вторых, в подчеркивании того факта, что говорят именно представители коренного народа, для которых французский — неродной (второй) язык.

Заключение

Ахмаду Курума — коренной африканец, очень привязанный к родной культуре малинке и к африканской культуре в целом. Этим объясняется использование им в романе *Allah n'est pas obligé* (2000) не только заимствований из местного африканского языка, но и повествования в манере традиционных африканских сказителей, что способствует сохранению своеобразия культуры Африки.

Список литературы

1. *Кытина В.В., Рыжова Н.В.* Феномен полилингвизма в условиях ограниченной языковой среды // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 4. С. 611–620. <http://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-4-611-620>
2. *Валуицьева И.И., Хухуни Г.Т.* Литературный билингвизм: за и против // Полилингвильность и транскультурные практики. 2015. № 5. С. 298–303.
3. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.* «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвильном (русофонном) художественном тексте // «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» / RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 184–200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200>
4. *Ausoni A.* Écriture translingue et autobiographie // *L'autobiographie entre autres. Écrire la vie aujourd'hui*. Oxford: Peter Lang. 2013. P. 63–85.
5. *Weissmann, D.* Monolinguisme, plurilinguisme et translinguisme chez Paul Celan // *Genesis*. 2008. No. 46. <https://doi.org/10.4000/genesis.2606> (дата обращения: 20 ноября 2023).
6. *Дезорцева М.А.* Полилингвизм в историческом романе Хилари Мантел «Волчий зал» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 2. С. 147–151. [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2\(30\)-147-151](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2(30)-147-151).
7. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Кинг Ж.* Транслингвизм: коммуникативный мост или «культурная бомба»? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 116–121. <http://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121>
8. *Muotoo, C.H., Anukwu, A.U., Nwaukoni, A.* L'instabilité politique et la crise économique dans les œuvres d'Ahmadou Kourouma // *Interdisciplinary Journal of African & Asian Studies*. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 84–92.
9. *Kesteloot, L.* La littérature négro-africaine face à l'histoire de l'Afrique // *Afrique contemporaine*. 2012. Vol. 1. No. 241. P. 43–53. <https://doi.org/10.3917/afco.241.0043>
10. *Waberi A.A.* Les enfants de la postcolonie: esquisse d'une nouvelle génération d'écrivains francophones d'Afrique noire // *Notre Librairie*. 1998. No. 135. P. 8–15.
11. *Найденова Н.С.* Формирование и становление африканской литературы на французском языке // *Russian Journal of Linguistics*. 2012. № 2. С. 51–56.
12. *Халиков М.М.* Полилингвизм художественного мира Ф.М. Достоевского // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2021. № 76. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-76-98-109>.
13. *Mufutau, A.T.* Ahmadou Kourouma, un conteur traditionnel sous la peau du romancier // *Semen*. 2004. URL: <http://journals.openedition.org/semen/1220>. <https://doi.org/10.32997/pa-2022-3832> (accessed: 20.09.2023).
14. *Kourouma, A.* Les Soleils des indépendances. Les Presses de l'Université de Montréal. Montréal. 1968.
15. *Kourouma A.* Allah n'est pas obligé. Editions du Seuil. Paris, 2000. <https://doi.org/10.3917/polaf.080.0079>
16. *Derive J.* Imitation et transgression. De quelques relations entre la littérature orale et la littérature écrite dans les cultures occidentales et africaines // *Cahiers de Littérature Orale*. 2004. No. 56. 22 p. URL: <https://shs.hal.science/halshs-00344011> (accessed: 10.12.2023).
17. *Ndiaye C.* Introduction aux littératures francophones: Afrique Caraïbe Maghreb // *Presses de l'Université de Montréal*. 2004. URL: <http://books.openedition.org/pum/10652>. ISBN: 9791036502477 (accessed: 10.12.2023).

18. *Adjil B.* Négritudes. Les écrivains d’Afrique noire et la langue française // Cahiers d’études africaines. 1995. Vol. 35. No. 140. P. 934–935. URL: https://www.persee.fr/doc/cea_0008-0055_1995_num_35_140_1891_t1_0934_0000_2 (accessed: 18.09.2023).

References

1. Kytina, V.V. and N.V. Ryzhova. 2017. The Phenomenon of Multilingualism in a Limited Language Environment. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, vol. 14, no. 4, pp. 611–620. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-4-611-620>
2. Valuitseva, I.I., and G.T. Khukhuni. 2015. Literary Bilingualism: pro and contra. *Polylinguality and transcultural practices*, no. 5, pp. 298–303.
3. Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2022. “Language Keys”: Foreign Cultural Lexicon in the Translingual (Russophonetic) Literary Text, *RUDN Journal of language studies, semiotics and semantics*, 2022, 13(1), 184–200, <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200>
4. Ausoni, A. 2013. *Écriture translingue et autobiographie* [Translingual writing and autobiography], Oxford: Peter Lang, pp. 63–85.
5. Weissmann, D. 2018. Monolinguisme, plurilinguisme et translinguisme chez Paul Celan [Paul Celan’s monolingualism, plurilingualism and translingualism], *Genesis*, 46, Available from: <http://journals.openedition.org/genesis/2606>, <https://doi.org/10.4000/genesis.2606>
6. Dezortseva, M.A. 2018. Polylinguism in the Historical Novel «Wolf Hall» by Hilary Mantel, *South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, no. 2, pp. 147–151. [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2\(30\)-147-151](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2(30)-147-151)
7. Bakhtikireeva U., Valikova O., and J. King. 2017. Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, vol. 14, no. 1, pp. 116–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121>
8. Muotoo, C.H., Anukwu, A.U., and A. Nwaukoni. 2021. L’instabilité politique et la crise économique dans les œuvres d’Ahmadou Kourouma [Political Instability and Economic Crisis in the Works of Ahmadou Kourouma], *Interdisciplinary Journal of African & Asian Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 84–92.
9. Kesteloot, L. 2012. La littérature négro-africaine face à l’histoire de l’Afrique [Negro-African Literature and the History of Africa]. *Afrique Contemporaine*, no. 1, pp. 43–53. <https://doi.org/10.3917/afco.241.0043>.
10. Waberi, A.A. 1998. Les enfants de la postcolonie: esquisse d’une nouvelle génération d’écrivains francophones d’Afrique noire [Children of the Postcolony: sketching a new generation of francophone writers from black Africa]. *NOTRE LIBRAIRIE*, no. 135, pp. 8–15.
11. Naydenova, N.S. 2012. The Formation and Establishment of African Literature in French. *Russian Journal of Linguistics*, no. 2, pp. 51–56.
12. Khalikov, M.M. 2021. Multilingualism of F.M. Dostoevsky’s Artistic World, *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanities, Biomedical Sciences*. <https://cyberleninka.ru/article/n/polilingvizm-hudozhestvennogo-mira-f-m-dostoevskogo> (accessed: 05.11.2023), no. 23, pp. 98–109. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-76-98-109>
13. Mufutau, A.T. 2004. Ahmadou Kourouma, un conteur traditionnel sous la peau du romancier [Ahmadou Kourouma, a traditional storyteller in the skin of a novelist], *SEMEN*, <http://journals.openedition.org/semen/1220>. <https://doi.org/10.32997/pa-2022-3832> (accessed: 20.09.2023).
14. Kourouma, A. 1968. *Les Soleils des indépendances* [The Suns of Independence], Les presses De l’universite De Montreal, Montréal.
15. Kourouma, A. 2000. *Allah n’est pas obligé* [Allah is not obliged], Editions du seuil, Paris, <https://doi.org/10.3917/polaf.080.0079>

16. Derive, J. 2004. Imitation et transgression. De quelques relations entre la littérature orale et la littérature écrite dans les cultures occidentales et africaines [Imitation and transgression. Some relationships between oral and written literature in Western and African cultures], Cahiers de Littérature Orale, no. 56, 22 p. <https://shs.hal.science/halshs-00344011>
17. Ndiaye, C. 2004. Introduction aux littératures francophones: Afrique Caraïbe Maghreb [Introduction to French literature: Africa Caribbean Maghreb], Presses de l'université de Montréal. <http://books.openedition.org/pum/10652>>. ISBN: 9791036502477.
18. Adjil, B. 1995. Négritudes. Les écrivains d'Afrique noire et la langue française [Black African writers and the French language], Cahiers d'études africaines [Online], no. 35, pp. 934–935. https://www.persee.fr/doc/cea_0008-0055_1995_num_35_140_1891_t1_0934_0000_2 (accessed: 18.09.2023).

Сведения об авторе

Траоре Яя — аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение «Государственный университет просвещения», Мытищи, Российская Федерация; ORCID: 0009-0006-2592-2652; E-mail: ya2.tra@gmail.com

About the author

Yaya Traore is a postgraduate student of the Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics, Federal State Autonomous Educational Institution “State University of Education”, Mytishi, Russian Federation; ORCID: 0009-0006-2592-2652; E-mail: ya2.tra@gmail.com

ПЕРСОНАЛИИ

PERSONALITIES

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-164-174

EDN: DGQNAC

Современная казахстанская лингвистика: к 60-летию профессора Ш.К. Жаркынбековой

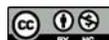
А.Е. Агманова , Е.А. Журавлева

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, 2

✉ agmanova@mail.ru

Аннотация. Приурочена к юбилею известного казахстанского ученого, доктора филологических наук, профессора Шолпан Кузаровны Жаркынбековой. Научно-исследовательская деятельность профессора Ш.К. Жаркынбековой связана с теоретическими и прикладными аспектами таких направлений современной лингвистики, как сопоставительное языкознание, социолингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, когнитивная

© Агманова А.Е., Журавлева Е.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

лингвистика. Личность Шолпан Кузаровны как ученого и педагога рассмотрена сквозь призму разных аспектов ее научной и педагогической деятельности в двух ведущих вузах Казахстана: Казахском национальном университете им. аль-Фараби и Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева. Обзор трудов профессора Ш.К. Жаркынбековой позволяет говорить о ее большом вкладе в развитие казахстанской лингвистики и в целом современного языкознания. Показаны роль ученого в создании научной школы и подготовке научных кадров, новаторская педагогическая деятельность, связанная с разработкой учебников и учебных пособий, в том числе цифровых образовательных ресурсов для филологических специальностей, которые активно используются в учебном процессе вузов страны. Результаты научных изысканий профессора Ш.К. Жаркынбековой демонстрируют широту и глубину проводимых исследований, их результативность и значимость признана филологической общественностью страны и за рубежом.

Ключевые слова: Ш.К. Жаркынбекова, сопоставительная лингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, лингводидактика, казахстанская русистика.

История статьи: поступила в редакцию 09.12. 2023; принята к печати 12.01.2024

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Для цитирования: Агманова А.Е., Журавлева Е.А. Современная казахстанская лингвистика: к 60-летию профессора Ш.К. Жаркынбековой // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 164–174. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-164-174>

Modern Kazakhstani Linguistics: on the 60th anniversary of the Professor's birth Sh.K. Zharkynbekova

Atirkul Ye. Agmanova , Yevgeniya A. Zhuravleva

L.N. Gumilyov Eurasian National University,
2 Satpayev St, 010008, Astana, Kazakhstan

✉ agmanova@mail.ru

Abstract. This study is dedicated to the anniversary of the renowned Kazakhstani scholar, Doctor of Philological Sciences, Professor Sholpan Kuzarovna Zharkynbekova. The research activities of Professor S.K. Zharkynbekova are associated with the theoretical and applied aspects of such directions of modern linguistics as comparative linguistics, sociolinguistics, intercultural communication, linguoculturology, and cognitive linguistics. The personality of Sholpan Kuzarovna as a scholar and educator is examined through the prism of various aspects of her scientific and pedagogical activity at two leading universities in Kazakhstan: Al-Farabi Kazakh National University and L.N. Gumilyov Eurasian National University. The review of the works of Professor S.K. Zharkynbekova allows us to speak of her significant contribution to the development of Kazakhstani linguistics and linguistics in general. The role of the scholar in creating research school and training researchers is shown, as well as her innovative pedagogical activity related to the development of textbooks and teaching aids, including digital educational resources for philological specialties, which are actively used in the educational process of the country's universities. The results of the scientific research of Professor S.K. Zharkynbekova demonstrate the breadth and depth of the conducted research, its effectiveness and significance are recognized by the philological community of the country and abroad.

Key words: S.K. Zharkynbekova, comparative linguistics, sociolinguistics, linguoculturology, cognitive linguistics, linguodidactics, Kazakhstani Russian studies.

Article history: received 09.12.2023; accepted 12.01.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution: undivided co-authorship.

For citation: Agmanova, A.Ye., and Ye.A. Zhuravleva. 2024. "Modern Kazakhstani linguistics: On the 60th anniversary of the Professor's birth Sh.K. Zharkynbekova." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 164–174. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-164-174>

Жаркынбековой Шолпан Кузаровне — известному казахстанскому ученому, доктору филологических наук, профессору кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева — 5 сентября 2023 года исполнилось 60 лет.

Шолпан Кузаровна — член Казахстанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (КазПРЯЛ), член Европейской Ассоциации женщин-ученых (г. Брюссель), член Американского лингвистического общества (Linguistic Society of America (LSA)), член Казахстанского общества ученых женщин, соредактор международного научного журнала HOMEROS, член редакционной коллегии журналов *Journal of US-China Foreign Language*, *European Scientific Journal* (Macedonia, European Scientific Institute), *Terra Linguistica* (СПбПУ, Санкт-Петербург), «Полилингвильность и транскультурные практики» (Москва, РУДН); член редколлегии казахстанских журналов «Вестник ЕНУ», «Вестник КГУ Ш. Уалиханова», «Язык и литература: теория и практика» (Павлодарский педагогический университет им. Алькея Маргулана), член редакционной коллегии сборников, материалов конференций.

Многогранная, созидательная деятельность профессора Ш.К. Жаркынбековой тесно связана с двумя ведущими вузами страны: *Казахским национальным университетом им. аль-Фараби* и *Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева*.

Окончив с отличием школу, в 1979 году Шолпан Кузаровна поступила на филологический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (ныне Казахский национальный университет им. аль-Фараби). Именно годы обучения в alma mater заложили фундамент будущей профессии, пробудив интерес к исследовательской деятельности и труду педагога. Становление ученого в годы обучения в аспирантуре (1986–1989 гг.), начало педагогической деятельности, а затем обучение в докторантуре (2001–2003 гг.) проходило в истинно научной среде, рядом с такими талантливыми учеными и педагогами, как Х.М. Сайкиев, Х.Х. Махмудов, Э.Д. Сулейменова,

В.А. Исенгалиева, А.С. Аманжолов, Б.М. Джилкибаев, Н.И. Гайнуллина, Р.С. Зуева, Г.В. Ким, Г.И. Морозова, Н.Р. Скалон, В.П. Барчунов, С.М. Сагалович. В 1994 году под руководством к.ф.н., проф. Рашиды Садыровны Зуевой была успешно защищена кандидатская диссертация «Цветообозначающие прилагательные как объект художественного перевода», в 2004 году под руководством д.ф.н., проф. Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой — докторская диссертация «Языковая концептуализация цвета в казахской и русской лингвокультурах».

Новый этап научно-педагогической деятельности профессора Ш.К. Жаркынбековой связан с Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева, в котором Шолпан Кузаровна плодотворно трудится с сентября 2004 г. по настоящее время. В этот период наиболее ярко проявились не только способности исследователя, научного руководителя докторских и магистерских диссертаций, многочисленных научно-исследовательских проектов, талант педагога, но и незаурядные организаторские качества на руководящих должностях: Шолпан Кузаровна на протяжении 14 лет являлась деканом сначала историко-филологического, затем филологического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Эти годы были ознаменованы заметными достижениями факультета по всем направлениям деятельности: учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной.

О высоком научно-педагогическом потенциале профессора Ш.К. Жаркынбековой свидетельствуют разработанные в этот период учебно-методические комплексы по элективным курсам магистратуры и докторантуры, активная публикационная деятельность: издание монографий, учебных пособий, публикация научных статей, в том числе в зарубежных изданиях с высоким импакт-фактором [1–4], создание и успешное функционирование специализированных советов по защите докторских диссертаций при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, подготовка научных кадров высокой квалификации, реализация научных проектов, организация и проведение широкомасштабных научных мероприятий.

Шолпан Кузаровна — ведущий лектор кафедры по многим фундаментальным дисциплинам магистратуры и докторантуры: по проблемам когнитивной лингвистики, социальным аспектам языка, лингвокультурологии и др.

Продуктивная научная деятельность профессора Ш.К. Жаркынбековой нашла отражение в многочисленных отечественных и зарубежных публикациях, выступлениях на международных конференциях и форумах (гг. Измир (Турция, 2010), Рига (Латвия, 2011), Висбаден (Германия, 2010), Пекин (КНР, 2011), Варшава (Польша, 2013), Ялта (Украина, 2011), Кэмбридж (США, 2012), Сингапур (2013), Париж (Франция, 2014), Гранада (Испания, 2015), Москва (РФ, 2014, 2015), Кипр (2015), Кипр (2015), Баку (Азербайджан,

2018), Чаннакале (Турция, 2019), Сумгаит (Азербайджан, 2021), Москва (РФ, 2017, 2018, 2021), Стамбул (Турция, 2021), Сочи (2023), Санкт-Петербург (2022, 2023), Нью-Йорк (2023) и др.).

Труды профессора Ш.К. Жаркынбековой значительно обогатили отечественную лингвистику и в целом современное языкознание. Она — автор более 350 научных работ на русском, казахском и английском языках в казахстанских и зарубежных научных изданиях, в том числе монографий [5; 6], 11 коллективных монографий (Софункционирование языков в поликультурном пространстве Казахстана: коллективная монография / под общей ред. Ш.К. Жаркынбековой. Астана, 2012; Трансформация социокультурной структуры казахстанского общества и языкового сознания казахстанцев: коллективная монография / под общей ред. Ш.К. Жаркынбековой. Астана, 2014; Сопоставительная лингвокогнитивистика: тенденции, проблемы и перспективы развития: коллективная монография. Астана-Белгород: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014 и др.)

Ею издано 11 учебников и учебных пособий, которые активно используются в учебном процессе, в том числе электронные учебники (цифровые образовательные ресурсы для филологических специальностей), изданные под ее руководством [7].

Ряд учебных пособий, разработанных Шолпан Кузаровой в соавторстве с коллегами, рекомендован к использованию в учебном процессе вузов страны. Например, учебное пособие «Академическое письмо» в 3 частях [8; 9], подготовленное совместно с доцентом Ф.К. Исеновой, рекомендовано Республиканским учебно-методическим советом к использованию высшими учебными заведениями Республики Казахстан в 2022 году. Учебное пособие «Юридическая лингвистика» в 4 частях [10–13], разработанное и изданное под руководством профессора Ш.К. Жаркынбековой (соавторы: проф. М.Б. Нуртазина, доц. М.И. Кадеева, Ж.Б. Бектурова и Г.О. Сыздыкова), признано лучшим научным исследованием и лучшей работой в области педагогики за 2019 год, удостоено именной премии имени Ы. Алтынсарина (приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от «4» декабря 2019 года № 517).

Перспективность научных изысканий профессора Ш.К. Жаркынбековой подтверждается исследованиями ее учеников. Под ее руководством защищены две кандидатские диссертации (Нурсеитова Х. (2007), Тугел А. (2010)), 9 докторских диссертаций PhD (Валуева Т. (2008), Сабитова Л. (2010), Б. Бокаев (2011), Акжигитова А.Ш. (2013), Аймолдина А. (2014), Акынова Д (2014), Дальбергенова Л. (2015), Логинова М.В. (2019), Байбатырова А.А. (2022), 20 магистерских диссертаций. В настоящее время под руководством Шолпан Кузаровны продолжают свои исследования 4 докторанта. В рамках докторских программ PhD она успешно сотрудничает с коллегами из зарубежных вузов. В качестве зарубежных консультантов докторантов профессор

Ш.К. Жаркынбекова в разные годы привлекала известных ученых-лингвистов: проф. Николас Остлер (Великобритания, Лондонский университет), Ли Вэй (Биркбекский университет, Великобритания), Жу Хуа (Великобритания, Биркбекский университет), Кристоф Шредер (Потсдамский университет, Германия), Ласло Марац (Университет Амстердама), В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург), В.И. Карасик (Москва), Н.Ф. Алефиренко (Белгород).

Особо следует отметить плодотворную деятельность профессора Ш.К. Жаркынбековой в качестве председателя Диссертационного совета Д 14.29.02 по специальностям 10.02.02 — казахский язык, 10.02.01 — русский язык, 10.02.06 — тюркские языки, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сравнительное языкознание (2009, 2010), члена Диссертационного совета по защите докторских диссертаций PhD по направлению 6D020000 — Гуманитарные науки (2011 г. — по настоящее время).

Результатом тесной взаимосвязи Шолпан Кузаровны с зарубежными коллегами — учеными России, Азербайджана, Турции, Эстонии, Великобритании, Голландии, Германии, Польши, США — стали совместные исследования, подготовка и издание 4 коллективных монографий [14–17] в авторитетных зарубежных изданиях (Peter Long AG. International Academic Publishers и Cambridge Scholars Publishing), организация и проведение международных научных конференций и семинаров, чтение лекций по приглашению зарубежных партнеров (Санкт-Петербургский институт экономики и права (ноябрь 2011 г.), Университет им. Кардинала Стефана Вышинского (Варшава, Польша, май 2012 г.), Ханкукский университет иностранных языков (Корея, Сеул, май 2016 г.), Белорусский государственный педагогический университет (Беларусь, 2017), Сумгаитский государственный университет (Азербайджан, 2019), Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (осенне-весенний семестр 2023 г.).

Сфера научных интересов профессора Ш.К. Жаркынбековой весьма многогранна, связана с такими областями современной лингвистики, как сопоставительная лингвистика, социолингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, лингводидактические основы преподавания языков.

В фундаментальных теоретических изысканиях Шолпан Кузаровны рассматривается проблема языковой личности в современном полиэтничном обществе и связанные с ней вопросы идентичности и типологии языковой личности с позиций вербального отражения коллективного и социально-группового сознания. Междисциплинарный характер работ обусловил интеграцию лингвистического, социологического и культурологического подходов, позволивших осуществить анализ психологических и когнитивных особенностей речевого сознания представителей различных социокультурных групп в сфере политической, конфессиональной и межкультурной коммуни-

кативной деятельности. Полученные результаты демонстрируют новизну постановки исследовательских задач и глубину предлагаемых решений: установление социолингвистических, социокультурных, социально-психологических факторов формирования различных типов социально-культурной идентичности; выявление языковых средств объективации национально-культурной составляющей идентичности как основы консолидации государства, граждан и общества, а также как ресурса внутреннего и внешнеполитического интеграционного развития; анализ языковых особенностей – маркеров сформированности позитивной евразийской политической идентичности, ориентированной на преодоление социальной автономии и консолидацию граждан.

Публикационная активность ученых в рейтинговых журналах является весьма актуальной в настоящее время проблемой, поскольку она непосредственно связана с качеством отечественной научной и образовательной систем и конкурентоспособностью в мировом пространстве. Осознание данной проблемы на научно-теоретическом уровне определило еще одно весьма перспективное направление исследований профессора Ш.К. Жаркынбековой: изучение специфики научной коммуникации с точки зрения реализации языковых стратегий, позволяющих представить результаты научных исследований качественно и всесторонне. Методологическая значимость подобных исследований очевидна. Более того, результаты изысканий в этом направлении получили свою практическую реализацию в виде семинаров и тренингов по темам «Технология подготовки научной статьи в рейтинговый журнал», «Академическое письмо», проводимых Шолпан Кузаровой для молодых исследователей в вузах и научно-исследовательских организациях страны.

Одним из составляющих научно-исследовательской деятельности профессора Ш.К. Жаркынбекова является руководство научными проектами в рамках программ фундаментальных научных исследований: «Разработка процессов межкультурного и межэтнического взаимодействия в ракурсе Национальной идеи Казахстана» (2010); «Разработка принципов формирования казахстанской идентичности как фактора реализации национальной и языковой политики Республики Казахстан» (2012); «Функционирование языков в поликультурном пространстве Казахстана: динамические тенденции, возможные риски и перспективы» (2015–2017); «Разработка принципов научно обоснованной номинативной политики г. Астаны в контексте формирования казахстанского ономастического пространства» (2015–2017). Совместно с зарубежными коллегами, профессорами С. Смит (Тринити Колледж, Дублин, Ирландия), проф. М. Эхала и проф. А. Забродской (Таллинский университет, Эстония) *Language and Super-diversity: Explorations and interrogations* (2013–2014), проф. Хольгер Куссе (Дрезденский политехнический университет, Германия, 2019) она принимала участие и в международных проектах.

Научный путь Шолпан Кузаровны полон неустанного поиска, неутомимой исследовательской работы, динамичного профессионального роста. Вклад Шолпан Кузаровны в развитие высшего образования и науки в Казахстане отмечен государственными наградами, почетными грамотами, государственной научной стипендией, грантами. Она обладатель государственного гранта «Лучший преподаватель вуза 2011 г.», государственной стипендии за выдающийся вклад в развитие науки в 2012, 2014 и 2021 гг., гранта международной программы «Болашак» для проведения научной стажировки (Университет Висконсин-Мадисон, США), международных грантов в рамках программы ЭРАЗМУС + Институт славистики Дрезденского технического университета (Германия, Дрезден, 2018), Университет Масарика (Чехия, Брно, 2019). Награждена знаком «Почетный работник образования Республики Казахстан» (2008), знаком «За вклад в науку Республики Казахстан» (2009), знаком им. Ы. Алтынсарина (2016), медалью им. Л.Н. Гумилева (2018), медалью А.С. Пушкина (апрель 2016), Золотой медалью «Бірлік» от Ассамблеи народа Казахстана (2019). Обладатель звания «Лучший научный работник» (2021).

Новизна исследовательских подходов, актуальность выдвигаемых идей, глубина проводимых исследований демонстрируют незаурядный талант большого ученого и педагога, который вкупе с такими качествами Шолпан Кузаровны, как целеустремленность, креативность, трудолюбие, интеллигентность, большая работоспособность, неиссякаемая творческая энергия, исключительное человеческое обаяние, истинная женственность, доброжелательность и отзывчивость вызывают искреннее уважение и восхищение ее коллег, учеников, друзей и близких.

Сердечно поздравляя глубокоуважаемую Шолпан Кузаровну с юбилеем, хочется искренне пожелать *дорогому КОЛЛЕГЕ* крепкого здоровья, семейного благополучия, неиссякаемой созидательной энергии, успешной реализации планов, талантливых последователей и новых достижений на научном и педагогическом поприще!

Список литературы

1. Zharkynbekova Sh. Cultural and language self-identification of ethnic minority groups in Kazakhstan // Sociolinguistic Studies. 2015. Vol. 9.2–3. P. 289–313. <https://doi.org/10.1558/sols.v9i2.26587>
2. Zharkynbekova Sh., Agmanova A. The development of linguistics in Kazakhstan: new approaches and modern tendencies // Folklore_Electronic Journal of Folklore. 2016. Vol. 63. P. 83–106. <http://dx.doi.org/10.7592/FEJF2016.63.linguist>
3. Жаркынбекова Ш.К., Байбатырова А.Е. Выражение авторской позиции в научных статьях: метадискурсивные стратегии создания межличностных отношений // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. Т. 16. Вып. 2. С. 188–213. ISSN 2541-9358. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.203>

4. *Zharkynbekova Sh., Dalbergenova L.* Evidentialität als argumentative Funktion am Beispiel des Deutschen, Russischen und Kasachischen // *Zeitschrift für Slawistik*. 2020. 65(1). P. 134–144. <https://doi.org/10.1515/slav-2020-0006>
5. *Жаркынбекова Ш.К.* Концепты цвета в казахской и русской лингвокультурах. Алматы: Қазақ университеті, 2004. 226 с.
6. *Жаркынбекова Ш.К.* Цвет-сознание-менталитет. Реконструкция цветовой картины мира в казахской и русской лингвокультурах. Астана: Мастер ПО, 2011. 188 с.
7. *Жаркынбекова Ш.К., Кулманов К.С., Руденко-Моргун О.И., Абуова Б.С.* Электронный учебник «Қазақ тілі». Астана, 2014.
8. *Жаркынбекова Ш.К.* Исенова Ф.К. Академическое письмо: учебное пособие: в 2 частях. Часть 1. Общие подходы и языковые стратегии создания научного текста. Часть 2: Аргументативное эссе. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2021
9. *Жаркынбекова Ш.К., Исенова Ф.К.* Академическое письмо. Часть 3: Научная статья. учебное пособие. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2021. 240 с.
10. *Жаркынбекова Ш.К., Нуртазина М.Б., Сыздыкова Г.О., Бектурова Ж.Б., Кадеева М.И.* Юрислингвистика: тезисы лекций и практические задания: учебное пособие для бакалавров и магистрантов филологических и юридических специальностей вузов Казахстана. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. 200 с. ISBN 978-9965-31-504-6
11. *Жаркынбекова Ш.К., Нуртазина М.Б., Сыздыкова Г.О., Бектурова Ж.Б., Кадеева М.И.* Юрислингвистика: хрестоматия: учебное пособие для бакалавров и магистрантов филологических и юридических спец-стей вузов Казахстана. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. 230 с. ISBN 978-9965-31-501-5
12. *Жаркынбекова Ш.К., Нуртазина М.Б., Сыздыкова Г.О., Бектурова Ж.Б., Кадеева М.И.* Юрислингвистика. Глоссарий: учебное пособие для бакалавров и магистрантов филологических и юридических спец-й вузов Казахстана. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. 150 с. ISBN 978-9965-31-500-8
13. *Жаркынбекова Ш.К., Нуртазина М.Б., Сыздыкова Г.О., Бектурова Ж.Б., Кадеева М.И.* Юрислингвистика. Креолизованные тексты и ЛЭ: учебное пособие для бакалавров и магистрантов филологических и юридических спец-стей вузов Казахстана. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. 100 с. ISBN 978-9965-31-499-5
14. *Zharkynbekova Sh., Akynova D., Agmanova A.* Building cultural bridges in education / ed. by Nataša Bakić-Mirić and Davronzhon E. Gaipov. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Sholars Publishing. 2013. P. 103–115.
15. *Zharkynbekova Sh., Aimoldina A.* 2016. The role of English in the context of new language policy implementation in Kazakhstan // *Sociolinguistic Transition in Former Eastern Bloc Countries: Two Decades after the Regime Change*. Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing. P. 435–458. <https://doi.org/10.3726/978-3-653-05437-8>
16. *Zharkynbekova Sh.K., Akynova D.B.* Ethnic minorities in Kazakhstan: Analysis of language preferences among high school students // *Sociolinguistic Transition in Former Eastern Bloc Countries: Two Decades after the Regime Change*. Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing, 2016. P. 435–458. <https://doi.org/10.3726/978-3-653-05437-8>
17. Сопоставительная лингвокогнитивистика: проблемы и перспективы развития: монография / под ред. Н.Ф. Алефиренко, Ш.К. Жаркынбековой. Астана-Белгород: ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, 2014. 149 с.

References

1. Zharkynbekova, Sh. 2015. Cultural and Language Self-Identification of Ethnic Minority Groups in Kazakhstan. *Sociolinguistic Studies*, vol. 9, no. 2–23, pp. 289–2313. <https://doi.org/10.1558/sols.v9i2.26587>.

2. Zharkynbekova, Sh., and A. Agmanova. 2016. The Development of Linguistics in Kazakhstan: New Approaches and Modern Tendencies. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, no. 63, pp. 83–106. <http://dx.doi.org/10.7592/FEJF2016.63.linguist>.
3. Zharkynbekova, Sh.K., and A.E. Baybatyrova. 2019. Expressing Authorial Position in Scientific Articles: Metadiscursive Strategies for Creating Interpersonal Relationships. *Vestnik SPbGU. Language and Literature*, vol. 16, no. 2, pp. 188–213. ISSN 2541-9358. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.203>. (In Russ.)
4. Zharkynbekova, Sh., and L. Dalbergenova. 2020. Evidentialität als argumentative Funktion am Beispiel des Deutschen, Russischen und Kasachischen. *Zeitschrift für Slawistik*, vol. 65, no. 1, pp. 134–144. <https://doi.org/10.1515/slwa-2020-0006>.
5. Zharkynbekova, Sh.K. 2004. Color Concepts in Kazakh and Russian Linguocultures. *Almaty: Qazaq universiteti*. (In Russ.)
6. Zharkynbekova, Sh.K. 2011. Color-Consciousness-Mentality: Reconstruction of the Color Worldview in Kazakh and Russian Linguocultures. *Astana: Master PO*. (in Russ.)
7. Zharkynbekova, Sh.K., Kulmanov, K.S., Rudenko-Morgun, O.I., and B.S. Abuova. 2014. *Qazaq tili [Kazakh Language]*. *Astana*. (In Russ.)
8. Zharkynbekova, Sh.K., and F.K. Isenova. 2021. Academic Writing. Part 1. General Approaches and Language Strategies for Creating Scientific Text; Part 2. Argumentative Essay. *Nur-Sultan: L.N. Gumilyov ENU*. (In Russ.)
9. Zharkynbekova, Sh.K., and F.K. Isenova. 2021. Academic Writing. Part 3. Scientific Article. *Nur-Sultan: L.N. Gumilyov ENU* (In Russ.)
10. Zharkynbekova, Sh.K., M.B. Nurtazina, G.O. Syzdykova, Zh.B. Bekturova, and M.I. Kadeeva. 2019. *Jurislinguistics. Lecture Theses and Practical Tasks*. *Astana: L.N. Gumilyov ENU*. 200 p. (In Russ.)
11. Zharkynbekova, Sh.K., Nurtazina, M.B., Syzdykova, G.O., Bekturova, Zh.B., and Kadeeva, M.I. 2019. *Jurislinguistics. Reader*. *Astana: L.N. Gumilyov ENU* 230 p. ISBN 978-9965-31-501-5. (In Russ)
12. Zharkynbekova, Sh.K., M.B. Nurtazina, G.O. Syzdykova, Zh.B. Bekturova, and M.I. Kadeeva. 2019. *Jurislinguistics. Glossary*. *Astana: L.N. Gumilyov ENU*. 150 p. Print. ISBN 978-9965-31-500-8. (In Russ.)
13. Zharkynbekova, Sh.K., Nurtazina M.B., Syzdykova G.O., Bekturova Zh.B., and M.I. Kadeeva. 2019. “Jurislinguistics. Creolized Texts and LE.” *Astana: L.N. Gumilyov ENU*. 100 p. Print. ISBN 978-9965-31-499-5. (In Russ.)
14. Zharkynbekova, Sh., Akynova D., and A. Agmanova. 2013. “Building Cultural Bridges in Education.” In Bakić-Mirić, N., and D.E. Gaipov, eds. *Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing*, pp. 103–115. Print.
15. Zharkynbekova, Sh., and A. Aimoldina. 2016. “The Role of English in the Context of New Language Policy Implementation in Kazakhstan.” In *Sociolinguistic Transition in Former Eastern Bloc Countries: Two Decades after the Regime Change*. *Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing*, pp. 435–458. <https://doi.org/10.3726/978-3-653-05437-8>.
16. Zharkynbekova, Sh.K., and D.B. Akynova. 2016. “Ethnic Minorities in Kazakhstan: Analysis of Language Preferences among High School Students.” In *Sociolinguistic Transition in Former Eastern Bloc Countries: Two Decades after the Regime Change*. *Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing*, pp. 435–458. <https://doi.org/10.3726/978-3-653-05437-8>.
17. Alefirenko, N.F., and Sh.K. Zharkynbekova, eds. 2014. *Comparative Linguocognitive Studies: Problems and Development Prospects*. *Astana-Belgorod: L.N. Gumilyov ENU*. 149 p. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Агманова Атиркуль Егембердиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. eLibrary SPIN-код: 1184-7737; ORCID: 0000-0002-9285-0824; E-mail: agmanova@mail.ru

Журавлева Евгения Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. eLibrary SPIN-код: 9810-5931; ORCID: 0000-0001-9566-8481; E-mail: zhuravleva_yea@enu.kz

Bio notes:

Atirkul Ye. Agmanova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University. eLibrary SPIN-code: 1184-7737; ORCID: 0000-0002-9285-0824; E-mail: agmanova@mail.ru

Yevgeniya A. Zhuravleva is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University. eLibrary SPIN-code: 9810-5931; ORCID: 0000-0001-9566-8481; E-mail: zhuravleva_yea@enu.kz

EVENTS

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-175-178

EDN: FIXZAS

Release / Релиз

“We are in the Same Boat”: Results and Prospects of the International Aitmatov Forum

Uldanai M. Bakhtikireeva , Olga A. Valikova

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

 uldanai@mail.ru

Article history: received 17.12.2023; accepted 10.01.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution: undivided co-authorship.

For citation: Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2024. “We are in the same boat”: Results and prospects of the International Aitmatov Forum.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 175–178. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-175-178>

«Мы в одной лодке»: итоги и перспективы работы Международного Айтматовского форума

У.М. Бахтикиреева , О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6

 uldanai@mail.ru

История статьи: поступила в редакцию 17.12.2023; принята к печати 10.01.2024

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Для цитирования: *Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A.* “We are in the same boat”: Results and prospects of the International Aitmatov Forum // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2024. Т. 21. № 1. С. 175–178. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-175-178>

© Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

On December 12–15, 2023, the International Forum dedicated to the 95th Anniversary of the birth of Chingiz Torekulovich Aitmatov “We are in the same boat. Creativity in Russian” was held in Bishkek.

Every great culture, capable of enriching humanity with the material and non-material results of its evolutionary movement, objectively is emblemized in the names of individuals who act as its leaders and guides to the world. The name of Chingiz Torekulovich Aitmatov, a writer and philosopher who created literary works of a unique voice and “world-spread sound,” became such an emblem of Kyrgyz culture. They resonated in all sides of the earth and were not only in demand, but also heard, as evidenced by their translations into many languages of the world. Moreover, the work of Ch. Aitmatov became an impulse for the further development of the Eurasian and world cultural system: painting, theater, cinema, music, philosophy, science, passing through the stages of perception, interpretation and reflection of Aitmatov’s metatext, has been reaching a fundamentally new level: the level of generating new meanings and production of new cultural objects. This suggests that Kyrgyzstan is actively participating in the process of “terraforming” the humanistic space in which we all will exist in the coming era.

The work of the Forum showed that “in the same boat” there are representatives not only of different cultures, but also of different areas of activity. It united people of science and art, outlined numerous trajectories of creative and cognitive search, confirmed the idea that the time of immanent, self-contained loci of knowledge has passed, and Knowledge of the present and future is born in synthesis — both interdisciplinary and human.

“A Forum with a Human Face” — this is perhaps how we can characterize this large-scale event. Organized at the highest level, it not only allowed its participants to be heard and seen, but also did not deviate from its main task: to pay tribute to the memory of the great cultural figure — and the great Man.

The work of scientific sections, thematically and compositionally united by the personality of Chingiz Torekulovich Aitmatov, outlined the radius of topical problems of modern humanities, requiring new heuristic settings and the development of an adequate navigation map. Chingiz Aitmatov is a creative phenomenon that consistently transforms the world: its aesthetics and axiology, the abstract and the material. As part of the sectional discussions, important directions of Aitmatology and related disciplines of the humanitarian cycle were identified:

- scientific source study;
- translation studies in the aspect of intercultural cooperation and the search for adequate translation strategies and tactics;
- philosophical anthropology;
- semiotic, in particular, linguosemiotic research;
- comparative literary studies from the point of view of the formation of meaning-making space in areas of interaction (dialogue between Kyrgyz and

Belarusian, Kyrgyz and Uzbek, Kyrgyz and Tatar, Kyrgyz and Russian, etc.) cultures;

- personality ecology as a multidisciplinary area of research;
- Aitmatov's artistic cosmology and the process of intertextual and phenomenological acculturation;
- the influence of a creative personality on the semantic space of the intermedial level (painting, graphics, cinema, music, etc.).

Taking into account the need for a comprehensive understanding of the stated problems with an emphasis on interdisciplinarity, the following proposals were accepted for consideration:

- to form a “Eurasian platform” as a research platform for producing new knowledge in the field of Aitmatology and in the context of Eurasian theory. The unfolding project of the site is the creation of an Institute for the Study and Preservation of Eurasian Civilization (a letter prepared by Doctor of Philosophy S.Sh. Tursunaliyev).

- to promote the formation of the scientific and cultural Aitmatov Center with headquarters in Bishkek, the work of which will be aimed at solving the tasks set at the Forum, in particular, providing its resource base, human resources, information, legal, and technical support.

- actively promote the further dissemination of the “Aitmatov text” at the level of further translations of his works and active reflection — scientific and artistic;

- introduce the “Aitmatov text” into educational interdisciplinary programs of higher education (initiative project — the course by Doctor of Philology, Professor of the Institute of Russian Language (RUDN University) U.M. Bakhtikireeva “Intercultural Communication in Literary Dimension”);

- to establish publication cooperation between Aitmatov researchers and the interdisciplinary journal “Polylinguality and Transcultural Practices” (Higher Attestation Commission of the Russian Federation);

- within the framework of international research and creative cooperation of scientists and representatives of art, prepare a feature film about C.T. Aitmatov on the 100th anniversary of the writer;

- provide the basis for the preparation of documentary series “Sayings of the Living” (about Ch.T. Aitmatov and other outstanding cultural figures).

- combine the work of the Forum with large organizational centers in Russia and the CIS (one of the possible implementations is the “Nomadic Forum” model);

- prepare a collective monograph “Chingiz Aitmatov and Law”, developing the issues of Personality and Law in the context of the life situation of modern society, as a fundamental theoretical and practical justification for the concept of a new moral and legal state;

- regularly conduct international creative events united by the personality of C.T. Aitmatova (“Rereading Aitmatov. Flash mob”; participation in the project

of the Institute of Russian Language at RUDN University “Agora Polylingual: Languages of Art”).

The work of the sections and the subsequent discussion demonstrated to the international community that Bishkek, already one of the largest cultural centers in the Eurasian space, has enormous potential for expanding its meaning-forming and functional capabilities.

The identified problems, directions and proposals were discussed with the Forum participants and received full support.

The reception of delegates became a warm Reception of Guests: far from etiquette formalism, it allowed us to join the hospitable and lively Bishkek, to see the sincere efforts of each team representative aimed at extremely attentive attitude and treatment of each participant — Guest of the Forum. The efforts of the organizers, striving to make the delegates’ participation rich both intellectually and eventfully, cannot be overestimated. All the work of the Forum, into which resources and efforts were invested by the well-coordinated team of the Ministry of Culture, Information, Sports and Youth Policy of the Kyrgyz Republic, the director of “Art-Araba” Damira Zhumanovna Alyshbaeva, also showed the organizational readiness of the Kyrgyz Republic to be one of the centers of knowledge of the whole Eurasian space, and the willingness of participants to come to real, “materially measurable” results, reflected in the Resolution project following the event.

We express our deep gratitude to the organizers of the Forum. We hope that the cooperation and community that has strengthened within the framework of this project will continue and bear fruit. We are confident that the celebration of the 100th anniversary of Chingiz Torekulovich Aitmatov will unite unique ideas and projects of creative individuals from different countries. And the most powerful final project in terms of intellectual output, of course, will take place in Kyrgyzstan. We will live in hope of new meetings and in the belief that we will be useful with our vision and contribution.

Bio notes:

Uldanai M. Bakhtikireeva is a Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, SPIN-code: 4562-5001; ORCID: 0000-0001-5088-7568; E-mail: uldanai@mail.ru

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, SPIN-code: 5375-2387; ORCID: 0000-0003-0945-9937; E-mail: leka.valikova@mail.ru

Сведения об авторах:

Бахтикиреева Улданай Максумовна — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, eLibrary SPIN-код: 4562-5001; ORCID: 0000-0001-5088-7568; E-mail: uldanai@mail.ru

Валикова Ольга Александровна — PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, eLibrary SPIN-код: 5375-2387; ORCID: 0000-0003-0945-9937; E-mail: leka.valikova@mail.ru